

ISSN 2500-3216

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№ 4

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2021

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
М. А. Анишкин, д-р социол. наук, проф., Волгоградский государственный университет, Эссекский университет, Великобритания; *М. В. Берендеев*, канд. социол. наук, доц., БФУ им. И. Канта; *К. Ю. Волошенко*, канд. экон. наук, директор центра моделирования социально-экономического развития региона, БФУ им. И. Канта; *Т. С. Волчецкая*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*, доц., БФУ им. И. Канта; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. Жуковский*, д-р полит. наук, проф., президент Польской ассоциации политической науки, Польша; *О. И. Зазнаев*, д-р юр. наук, проф., зав. кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет; *Ю. В. Кривошеев*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой исторического регионоведения, СПбГУ; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., СПбГУ; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политических институтов, СПбГУ; *Е. Р. Россинская*, д-р юр. наук, проф., директор Института судебных экспертиз Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина; *Р. Саква*, д-р полит. наук, проф., Кентский университет, Великобритания; *П. Тамаш*, д-р социологии, проф., Академия наук Венгрии, Венгрия; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 28.06.2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Ярошенко Т.В.</i> Превентивная функция нотариата: актуальные вопросы.....	5
<i>Иванов В.В., Сержантова Л.А.</i> Развитие электронного судопроизводства в период пандемии COVID-19	13
<i>Нилов К.Н.</i> Специальные правовые режимы ведения предпринимательства в Калининградской области	21

3

История. Исторические науки

<i>Соколов А.В.</i> Павел Тульский – «раскольник» среди раскольников: к вопросу о возникновении тульского старообрядческого согласия	28
<i>Дементьев И.О.</i> <i>Homo sovieticus</i> в Калининградской области: теоретические поиски в зарубежной историографии.....	39
<i>Давиденко А.А., Мегем М.Е.</i> «Политически целеустремленные, идейно-содержательные и литературно грамотные местные передачи»: новостная повестка калининградской области в 1947 году	57
<i>Шепель Я.Г.</i> Образы жителей Калининградской области в прессе Германской Демократической Республики	67

Общество и политика

<i>Тарасов И.Н., Жукова А.А.</i> Интернет в политической коммуникации современной Польши: вызовы и перспективы развития.....	76
<i>Кретишин Г.В.</i> Калининградская земля – место памяти россиян.....	86
<i>Кривошеев В.В.</i> Организованная преступность в советской России: парадокс институционализации. Часть вторая.....	95

CONTENTS

State and law

<i>Yaroshenko T. V.</i> The preventive function of the notary: topical issues.....	5
<i>Ivanov V. V., Serzhantova L. A.</i> Development of e-justice during the COVID-19 pandemic	13
<i>Nilov K. N.</i> Special legal business regimes in the Kaliningrad region.....	21

History. Historical sciences

<i>Sokolov A. V.</i> Pavel Tulsky, the "schismatic" among schismatics: towards the emergence of the "Tula Old Believers' Accord"	28
<i>Dementev I. O.</i> Homo sovieticus in the Kaliningrad region: theoretical quest in the international historiography.....	39
<i>Davidenko A. A., Megem M. E.</i> "Politically purposeful, ideologically informative and literary correct local programmes": the news agenda of the Kaliningrad region in 1947.....	57
<i>Shepel Ia. G.</i> The representation of residents of the Kaliningrad region in the press of the German Democratic Republic.....	67

Society and politics

<i>Tarasov I. N., Zhukova A. A.</i> Internet in political communication of contemporary Poland: challenges and prospects for development	76
<i>Kretinin G. V.</i> The Kaliningrad region as a site of memory for the Russians	86
<i>Krivosheev V. V.</i> Organized crime in Soviet Russia: the paradox of institutionalization. Part two	95

УДК 347.9

Т. В. Ярошенко

ПРЕВЕНТИВНАЯ ФУНКЦИЯ НОТАРИАТА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

5

Проанализирована превентивная функция нотариата, определены понятие нотариата и его место в правовой системе России и среди органов гражданской юрисдикции, раскрыты вопросы нотариальной медиации, внесены некоторые предложения по совершенствованию законодательства. Показано, что нотариат как институт превентивного правосудия осуществляет досудебное разрешение конфликтов, обеспечивает законность и играет огромную роль в успешном устранении споров без обращения в суд, облегчая тем самым его работу, а также защищает права и интересы, устанавливает взаимопонимание между субъектами гражданского оборота. С учетом главной превентивной функции нотариата следует внести некоторые дополнения в законодательство – дополнить ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате положением, что главное назначение нотариата заключается в предупреждении правонарушений путем совершения нотариальных действий, предусмотренных ст. 35 Основ.

The article analyzes the preventive function of the notary, defines the concept and place of the notary in the Russian legal system and among the bodies of civil jurisdiction, reveals the issues of notarial mediation, makes some proposals for improving the legislation. The notary, as an institution of preventive justice, carries out pre-trial resolution of conflicts, ensures the rule of law and plays a huge role in the successful resolution of disputes without going to court, thereby facilitating their work, protecting their rights and interests, and also establishing mutual understanding between the subjects of civil circulation. Taking into account the main preventive function of the notaries, some additions should be made to the legislation on notaries, namely, Art. 1 of the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the notary, the provision that the main purpose of the notary is to prevent offenses by performing notarial acts, provided for in Art. 35 Fundamentals.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, превентивное правосудие, суд, медиация, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

Keywords: notary, notarial activity, preventive justice, court, mediation, Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries, Civil Procedure Code of the Russian Federation

Нотариат занимает одно из ведущих мест в системе правоохранительных органов по защите гражданских прав и интересов лиц наряду с судом, прокуратурой и адвокатурой. Цели и задачи у правоохранительных органов по защите прав и интересов лиц общие, способы реализации — различные.

Цели научного исследования состоят в рассмотрении превентивной функции нотариата, определении значения и места данного органа в правовой системе Российской Федерации, а также изучении основных вопросов медиации и применения этой процедуры в институте нотариата. Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи:

1. Обозначить место нотариата как института правовой системы Российской Федерации путем проведения сравнительного анализа.
2. Определить роль и значение нотариата в разрешении правовых конфликтов.
3. Изучить процедуру медиации как альтернативного способа разрешения правовых споров.

6

1. Понятие и место нотариата в правовой системе России и среди органов гражданской юрисдикции

В российском законодательстве определение понятия «нотариат» отсутствует. Согласно статье 1 Основ законодательства РФ о нотариате, данный орган обеспечивает защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [11]. Эта норма указывает лишь цель нотариата и способ ее достижения.

Понятие «нотариат» не получило отражения в нормативных источниках и по-разному трактуется в научной литературе [3; 8; 12]. Отсюда возникают проблемы, связанные с формированием в обществе представления о нотариате как разновидности коммерческой деятельности.

Профессор И.Г. Черемных отмечает, что нотариат, осуществляя защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, действует от имени государства, в этой связи его деятельность носит публичный характер, направлена на защиту и частных, и публичных интересов, обеспечивает законность и является по своей сути правоохранительной [13, с. 99].

Для того чтобы дать точное определение этому понятию, необходимо проанализировать цели и задачи деятельности нотариата. Главной его целью является обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. В процессе своей деятельности нотариат выполняет ряд задач, основные из которых — укрепление законности и правопорядка; охрана всех форм собственности; предупреждение правонарушений путем совершения различных нотариальных действий, перечисленных в ст. 35 Основ законодательства о нотариате.

Наиболее важной из функций нотариата является *превентивное правосудие*. Нотариат предупреждает о возникновении споров, которые рассматривает суд, путем разъяснения сторонам последствий, вытекающих из совершаемых действий.

В науке существуют различные мнения по вопросу о месте нотариата в правовой системе РФ в целом и в системе органов гражданской юрисдикции.

Следует отметить, что из органов гражданской юрисдикции наиболее близок к нотариату суд. В таком случае возникает необходимость в проведении сравнительного анализа. Во-первых, закон устанавливает принцип независимости и беспристрастности в судебной и нотариальной деятельности. Во-вторых, по защите прав и свобод граждан их объединяют общие правоохранительные задачи, но при этом они практикуют *разные способы защиты*, так как суд рассматривает и разрешает дело только с наличием определенного спора, а нотариат обеспечивает защиту путем удостоверения бесспорного факта.

Судебные функции носят исключительный характер и могут осуществляться только судами. Деятельность нотариуса, в свою очередь, не является правосудием и осуществляет превентивную функцию. Кроме того, имеются различия в юридической силе выносимых этими органами правовых актов: судебные решения носят общеобязательный характер, а нотариальные акты исполнительной силы не имеют, исключением являются нотариально удостоверенные соглашения об оплате алиментов и исполнительные надписи. Судебная деятельность финансируется только за счет государства, а деятельность небюджетного нотариата строится на принципе самофинансирования [14].

Таким образом, в современных условиях нотариат является органом, наделенным публично-правовой властью, обеспечивающим защиту прав и интересов как физических, так и юридических лиц, а также содействующим укреплению правопорядка и предупреждению правонарушений.

2. Значение и роль нотариата в предупреждении и разрешении правовых конфликтов

Правовую природу, сущность и значение нотариальной деятельности в гражданском обороте определяют функции, направленные на разрешение основных задач и отражающие специфику данной деятельности, ее направления и особый характер. В свою очередь, функции нотариата делятся на две группы — социальные и содержательные. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из основных функций нотариата является *правоохранительная*, которая способствует снижению количества правонарушений и обеспечивает правовую защиту граждан и организаций. *Правообеспечивающая функция* выполняется путем реализации обязанности нотариуса по обеспечению правомерного поведения и правовых условий для участников процесса. Из публично-правовой природы также вытекает *фискальная функция*, которая заключается в содействии решению ряда государственных задач. Например, нотариус обязан сообщить в налоговый орган по месту своего нахождения при выдаче права на наследство, тем самым способствуя привлечению лиц к уплате налогов.

Одной из содержательных функций также является *удостоверительная*. Она выражается в деятельности, связанной непосредственно с удостоверением юридических фактов и сделок, которое осуществляет но-

тариус. Также нотариат осуществляет *охранительную функцию*. Ее специфика состоит в осуществлении охраны прав граждан, а также содействии их осуществлению и исполнению обязанностей участников производства.

Одна из главных в деятельности нотариата — *превентивная функция*, так как именно она полностью отражает специфику данного органа и раскрывает его роль в разрешении конфликтов между участниками гражданского оборота. О содержании и роли превентивной функции нотариата писали многие ученые и практики [6].

Таким образом, нотариат является самостоятельным институтом в правовой системе, значение которого заключается в решении задач по установлению взаимодействия и защите прав и интересов субъектов гражданского оборота.

В правовом государстве нотариат играет важную роль в обеспечении защиты прав и интересов граждан без обращения к правосудию. Согласно резолюции Европейского парламента «О нотариате в Европейском Сообществе», нотариат является органом превентивного правосудия, а его главная функция заключается в том, что нотариус, будучи должностным лицом, в процессе своей деятельности информирует граждан о характере правовых последствий, которые могут вытекать из заключаемых сторонами актов, то есть предупреждает стороны и дает возможность избежать обращения в суд [7].

В предупреждении правовых споров и содействии их разрешению можно выделить два вида нотариальной деятельности.

1. Нотариальная деятельность по защите прав граждан и юридических лиц в качестве превентивного правосудия. В таком случае нотариус проверяет оформляемые документы на наличие правовых норм, убеждается в понимании их сторонами и в добровольности волеизъявления, а также дает информацию по поводу сущности последствий, вытекаемых из обязательств сторон. Также нотариус имеет полномочия в совершении исполнительных надписей. По ним кредитор без обращения в суд может взыскать денежную сумму с должника. Такой способ принудительного исполнения обязательств является одной из распространенных форм защиты интересов кредиторов без обращения в суд.

2. Участие нотариуса в гражданском судопроизводстве. Согласно ГПК РФ, нотариус может участвовать в исковом производстве, например о признании недействительными нотариальных сделок. Обычно на практике в процессе доказывания документы, удостоверенные нотариусом, имеют юридическую силу, поскольку они выданы компетентным лицом, не заинтересованным в исходе дела. Оспорить такие документы можно только путем предъявления соответствующего иска [5, с. 33].

Кроме того, в особом производстве нотариус может привлекаться в качестве свидетеля, отсюда вытекает интересный факт, что участие нотариуса регулируется гражданским процессуальным законодательством, и хранить нотариальную тайну он не обязан.

Нотариат, реализуя права граждан на судебную защиту, не осуществляет правосудие, его роль заключается в предупреждении споров, а также в облегчении и ускорении самого процесса рассмотрения дел в суде. Нотариат можно определить как институт превентивного правосудия.

3. Нотариальная медиация: понятие и сущность

В 2010 г. был принят федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [10], что послужило толчком в сфере разрешения правовых конфликтов и облегчило процедуру правосудия в России.

В переводе с латинского *mediator* означает «посредник». Также в вышеуказанном законе медиация понимается как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [10]. Из этого определения можно сделать вывод, что нотариальная медиация является альтернативой судебному разбирательству при разрешении споров. Так, М. И. Сазонова считает, что «нотариус – медиатор на генном уровне. Поскольку он, представляя интересы сторон, выступает примирителем при удостоверении всевозможного рода соглашений, договоров» [9, с. 19].

Опираясь на данное мнение, необходимо отметить, что нотариус как никто другой подходит для роли медиатора. Во-первых, он является независимой и беспристрастной стороной в разрешении спора. Во-вторых, он разъясняет сторонам их права и обязанности, опираясь на норму закона, объективно оценивает последствия совершаемых нотариальных действий и информирует о них стороны.

Таким образом, нотариальная медиация – это добровольная процедура, направленная на разрешение и урегулирование правового конфликта, в ходе которой независимое лицо (медиатор) направляет стороны и содействует заключению мирного соглашения между ними.

Сама сущность нотариальной медиации в практике современного российского нотариата заключается в том, что она является более мягкой формой альтернативного разрешения споров. Выбор сторонами данной процедуры самостоятелен и добровольен. Также участники конфликта сами приходят к взаимовыгодному решению, то есть не подвергаются контролю по принятию решения со стороны медиатора, а лишь опираются на его опыт и знания.

Медиатор обеспечивает справедливость процедуры – не вмешивается в суть конфликта, а только разъясняет участникам их права, а также определяет сущность последствий, которые могут вытекать из совершаемых сторонами действий. В практике существует правило: при проведении переговоров медиатор должен быть «пустым», то есть он не может испытывать каких-либо чувств к сторонам, чтобы в полной мере обеспечить равноправие в отношениях между ними и справедливость проведения процедуры [1, с. 145].

В отличие от судебного разбирательства, процедура медиации не допускает лиц, не имеющих отношения к делу. Стороны сами определяют режим конфиденциальности путем подписания соглашения.

Таким образом, процедура медиации — это прежде всего сотрудничество, совместная работа, направленная на поиск проблемы и способа ее решения.

4. Порядок процедуры нотариальной медиации

Процедура медиации состоит из трех стадий: первая стадия — подготовительная, следующая — проведение самой процедуры и заключительная — выход из медиации.

10

1. Начинается процесс с разъяснения сторонам процедуры медиации, правил поведения.

2. После вступительного слова медиатора начинается основная стадия — презентация сторон. Стороны излагают свое видение спорной ситуации. Обычно начинает сторона, которая обратилась с просьбой о проведении медиации. Завершая слушание каждого участника переговоров, медиатор задает уточняющие вопросы и обобщает услышанное. После этого посредник выявляет моменты, в которых прослеживается разногласие между сторонами и утверждает план их урегулирования. В данном случае медиатор помогает сторонам выслушать друг друга, найти такой способ разрешения ситуации, который удовлетворил бы обе стороны. После того, как участники с помощью медиатора обменялись предложениями по решению ситуации и пришли к общим позициям подписывается договор (медиативное соглашение). Данный документ отражает волеизъявление каждой из сторон, в него вносятся данные об участниках спора и медиаторе, информация о месте проведения процедуры, указывается предмет спора, способ его урегулирования и сроки по выполнению обязательств.

3. Завершается процедура выходом из медиации. Задача данной стадии заключается в получении медиатором информации о выполнении условий договора [4, с. 10].

Процедура нотариальной медиации — это перспективная и эффективная форма урегулирования правовых конфликтов.

Выводы и некоторые предложения по совершенствованию законодательства

1. Нотариат как институт превентивного правосудия осуществляет досудебное разрешение конфликтов, обеспечивает законность и играет огромную роль в успешном устранении споров без обращения в суд, тем самым облегчая их работу, защищает права и интересы, а также устанавливает взаимопонимание между субъектами гражданского оборота.

2. С учетом главной превентивной функции нотариата следует внести некоторые дополнения в законодательство о нотариате — допол-

нить ст. 1 Основ законодательства о нотариате положением, что главное назначение нотариата заключается в предупреждении правонарушений путем совершения нотариальных действий, предусмотренных ст. 35 Основ.

3. Нотариус не осуществляет правосудие, а устраняет любые препятствия по реализации прав между сторонами – например, когда стороны не могут договориться о реализации своих прав относительно общей собственности. В этом и подобных случаях нотариус берет на себя роль медиатора и помогает урегулировать правовую ситуацию. В процессе медиации нотариус осуществляет примирительную функцию, оказывая содействие сторонам в достижении компромисса по решению спора.

4. Практика применения процедуры нотариальной медиации становится все более распространенной, гарантирует стабильность гражданского оборота и повышает уровень правовой культуры мирного разрешения конфликтов среди граждан.

5. Определяя место и роль нотариата в правовой системе общества, следует отметить его тесную связь с судом по защите и охране гражданских прав. Существуют различные формы взаимодействия в исковом и особом судопроизводстве, предусмотренные нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. В условиях цифровизации электронное правосудие и электронный нотариат способствуют повышению эффективности защиты гражданских прав.

Список литературы

1. *Гвоздарева М. В.* Роль посредничества в конструктивном разрешении конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. 2001. №2. С. 144–151.
2. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 30.12.2021).* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Денисова А. М.* Правовые проблемы российского нотариата на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. №1 (26). С. 51–54.
4. *Джуринская Е. А.* Медиация в нотариальной деятельности: вектор развития // Нотариальный вестник. 2019. №3. С. 4–11.
5. *Жуйков В. М.* Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия // Российская юстиция. 1998. №6. С. 33–34.
6. *Корсик К. А.* Некоторые аспекты превентивной функции нотариата // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, №5. С. 148–154.
7. *Нотариат* в Европейском Сообществе : резолюция Европейского парламента // Нотариальный вестник. 1999. №5/6. С. 43–44.
8. *Нотариат* : учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова [и др.] ; под ред. А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. М., 2021.
9. «Нотариус – это светский священник» : интервью с М. И. Сазоновой // Медиация и право. 2010. №2. С. 18–19.
10. *Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)* : федер. закон от 27.07.2010 г. №193-ФЗ (ред. от 26.07.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. *Основы* законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. №4462-1) (ред. от 02.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Правовые основы* нотариальной деятельности в Российской Федерации / под ред. Е. А. Борисовой и др. М., 2016.

13. *Черемных И. Г.* Российский нотариат: прошлое, настоящее, будущее. М., 1999.

14. *Ярошенко Т. В.* Понятие и роль нотариата в правовой системе: различные подходы // *Нотариус*. 2019. №1. С. 10–13.

Об авторе

12

Татьяна Владимировна Ярошенко – канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

The author

Dr Tatiana V. Yaroshenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: t.yaroshenko2011@yandex.ru

В. В. Иванов, Л. А. Сержантова

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Приведен обзор информационных технологий, применяемых судами в уголовном судопроизводстве в настоящее время. Проанализированы актуальные технические нововведения, используемые в уголовном процессе и приобретшие повышенную актуальность в период борьбы с COVID-19. Отдельное внимание уделено рассмотрению вопросов проведения судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи. Показаны положительные и отрицательные моменты ведения судебных заседаний в режиме онлайн, позволяющие определить дальнейший вектор развития информационных технологий в современном уголовном процессе. Предпринята попытка рассмотреть возможность проведения судебных заседаний с использованием общедоступных мессенджеров, выявлены возможные риски этого способа коммуникации в рамках судопроизводства. С учетом специфики современной видеоконференцсвязи, обуславливающей не только невозможность личного присутствия в зале суда, но и неэффективность некоторых ораторских и психологических приемов, поставлен вопрос о целесообразности развития судебной психологии и ораторского искусства для онлайн-заседаний.

13

The article provides an overview of information technologies used by courts in criminal proceedings at the present time. The authors analyze the current technical innovations used in the criminal process which acquired increased relevance during the fight on COVID-19. Special attention is paid to court videoconferencing. The authors analyze positive and negative aspects of online court sessions, which allow determining the further vector of information technology development in modern criminal proceedings. The research considers the possibility of holding court sessions using public messengers, and possible risks of this method of communication in the framework of legal proceedings are shown. Taking into account the existing specifics of modern videoconferencing, which causes not only the impossibility of personal presence in the courtroom, but also the ineffectiveness of some rhetoric and psychological techniques, the question is raised about the feasibility of developing forensic psychology and rhetoric for online meetings.

Ключевые слова: видеоконференцсвязь, ограничительные мероприятия, судебное заседание онлайн, доступ к правосудию, справедливое судебное разбирательство, электронное судопроизводство

Keywords: video conferencing, restrictive measures, online court session, access to justice, fair trial, electronic court proceedings

Вопросу цифровизации уголовного судопроизводства начали уделять внимание задолго до начала ограничительных мероприятий в связи с борьбой с COVID-19. Более 20 лет прошло со дня проведения

первого судебного заседания с использованием видеоконференцсвязи (ВКС) в России. Эта процедура входила в отечественное судопроизводство достаточно плавно и постепенно. Сперва она появилась на стадиях пересмотра приговора, потом — на этапе исполнения приговора, и в 2011 г. в законе закрепили возможность применения ВКС в суде первой инстанции [3]. Наблюдавшееся в первое время настороженное отношение к этой процедуре как у правоприменителей, так и у осужденных постепенно ушло, и сегодня нередко можно встретить ситуацию, в которой осужденный не желает лично присутствовать в зале судебного заседания при апелляционном или кассационном пересмотре приговора, так как этапирование в зал суда сопряжено с очевидными неудобствами, а просит разрешить участие в заседании посредством видеоконференцсвязи. Следует констатировать, что за два десятилетия это нововведение прочно вошло в судопроизводство и позволяет существенно экономить время и иные ресурсы, не снижая при этом объем гарантий прав участников процесса.

Сегодня внедрение современных информационных технологий в уголовное судопроизводство происходит по целому ряду направлений, среди которых можно выделить следующие:

- электронная фиксация хода и результатов следственных и иных процессуальных действий;
- использование электронной квалифицированной подписи в документообороте;
- разработка системы ведения уголовного дела полностью в электронной форме с апробацией ее в отдельных субъектах РФ;
- проведение отдельных следственных мероприятий, судебного заседания в «удаленном» формате, когда участники процесса не находятся в непосредственной близости, а общаются с помощью различных электронных технологий;
- выгрузка в сеть Интернет информации о ходе движения и принятых процессуальных решениях по уголовному делу с возможностью ознакомления для участников процесса;
- применение отдельных возможностей робототехники, позволяющих рассчитать размер наказания за совершенное преступление, оценить фактические данные по уголовному делу [17, с. 8–9].

За последние несколько лет научная дискуссия по вопросам цифровизации уголовного судопроизводства претерпела серьезные изменения. Если сперва речь велась о новых технологиях, которые пришли в нашу жизнь из произведений писателей-фантастов, и отношение к ним было различным — от настороженно-неприветливого до восторженного, то сегодня обсуждение переходит в более конструктивную форму [2; 12]. Вызывают интерес различные аспекты цифровизации — создание и внедрение в правоприменительную практику электронного уголовного дела [8], использование в доказывании технологий распознавания лиц [1], применение искусственного интеллекта в оценке доказательств и проблема определения его субъектности [9].

В настоящее время электронное уголовное судопроизводство ведется в Государственной автоматизированной системе (ГАС) «Правосудие», которая содержит информацию по ряду важных для нас разделов: «Судебное делопроизводство и статистика», «Банк судебных решений (судебной практики)» (см.: [4]), «Видеоконференцсвязь» [14]. Помимо этого, опытной зоной ГАС «Правосудие» выступает в настоящее время Комплексная информационная система судов общей юрисдикции, которая включает внешний (для взаимодействия с гражданами и государственными ведомствами) и внутрисудебный интернет-порталы, подсистемы межуровневого и межведомственного взаимодействия, аудио- и видеозаписи судебных заседаний, видеоконференцсвязи с СИЗО, «Электронное дело», «Электронный архив», информационно-аналитическую подсистему, центр обработки данных и пр. [6]. Следует отметить, что, насколько нам известно, данная электронная система в настоящее время внедрена в Москве. Полагаем, что это направление будет и дальше развиваться. Так, осенью 2021 г. в Самарской области появилась возможность обращаться в суды через платформу МФЦ, а не только через сайт суда, подписывая подаваемый документ усиленной электронной подписью. Это свидетельствует, что платформа межведомственного взаимодействия сегодня не только позволяет обмениваться информацией должностным лицам различных правоохранительных органов и суда, но и является площадкой для коммуникации с гражданами и их представителями, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства.

Как выявил выборочный опрос судей, помощников судей и адвокатов в Самарской области, отдельными элементами электронного уголовного судопроизводства до введения карантинных мер были:

- смс-оповещение о назначенном судебном заседании;
- использование системы видеоконференцсвязи;
- отправка исковых заявлений, апелляционных, кассационных жалоб на электронную почту судов;
- аудио-, видеопроколирование судебных заседаний через компьютерную программу «Фемида»;
- выгрузка и обезличивание итоговых судебных решений в сеть Интернет через программу «БСР».

Однако новая реальность в условиях пандемии дала шанс по-другому взглянуть на возможности электронного судопроизводства.

Стало возможным проведение судебных заседаний посредством общедоступных программ *Skype*, *WhatsApp* и др. Например, в одном из районных судов г. Тольятти состоялось судебное заседание при помощи программы *WhatsApp*, на котором избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно, обвиняемый и адвокат выходили на связь при помощи телефона следователя из его рабочего кабинета. При этом с ними связывались через телефон секретаря судебного заседания из зала судебного заседания ведущий процесс судья и прокурор. Известны и случаи рассмотрения дел об административных

правонарушениях посредством видеосвязи с использованием мессенджеров (такие случаи имели место весной 2020 г., в период начала действия ограничительных мер, при рассмотрении дел о нарушениях так называемого масочного режима). Как справедливо отмечается представителями суда, использование мессенджеров, установленных на мобильный телефон, является очень удобным, доступным и понятным для граждан средством связи с судами [11]. Однако в связи с этим возникает сразу ряд вопросов. Вопрос №1 — кто и как удостоверяет личность человека, находящегося по ту сторону экрана, при проведении допроса с использованием мессенджеров? Классическая система ВКС, закрепленная в УПК РФ, предполагает присутствие двух судей — судьи, рассматривающего дело и проводящего данный допрос, и судьи, присутствующего в зале суда по месту нахождения допрашиваемого. Один из возможных вариантов ответа — необходимость присутствия судьи или иного уполномоченного должностного лица по месту нахождения допрашиваемого для удостоверения его личности. Также можно предложить вариант использования биометрических данных и систем распознавания личности (по изображению, по голосу). Но это возможно только в случае предварительного наличия биометрических данных лица в системе. Сбор биометрических данных вызывает бурную реакцию, в большинстве своем неодобрительную, поскольку эта сфера на сегодняшний день не имеет надлежащего правового регулирования. Кроме того, не определен надежный механизм хранения, использования и доступа к таким сведениям. Нет адекватных механизмов по привлечению к ответственности лиц виновных в разглашении биометрических данных и их «утечках». Некоторые банки фактически заставляют своих клиентов сдавать биометрические данные (например, при выдаче кредита), угрожая в противном случае отказом в предоставлении банковских услуг. Но государство не должно поощрять такую практику и тем более не может позволить правоохранительным органам вести себя подобным образом. Действующее законодательство определяет исчерпывающий перечень лиц и случаев обязательной геномной регистрации. Сбор же голосовых биометрических данных сегодня вообще не имеет нормативного регулирования. Поэтому полагаем, что до урегулирования этих моментов использование биометрии как способа распознавания лиц допрашиваемых дистанционно является преждевременным.

Вопрос №2, также возникающий при производстве дистанционных допросов, — это противодействие недобросовестным гражданам, использующим так называемые *технологии дипфейков*. Этот вопрос тесно связан с предыдущим.

Вопрос №3 можно сформулировать следующим образом: кто и как обеспечивает защиту каналов связи, используемых при дистанционном допросе посредством ВКС с использованием мессенджеров? Действующий механизм ВКС предполагает, что она осуществляется по закрытым каналам связи, защищенным от внешнего вторжения, хакерских атак и

т.п. Доступ в эту систему имеют лишь специально уполномоченные лица, подключенные к закрытой сети, не имеющей связи с сетью Интернет. Это обеспечивает защиту от проникновения посторонних и охраняет передаваемые сведения, не позволяя их разглашать или сделать доступными для третьих лиц иным образом. Использование современных мессенджеров не всегда может гарантировать неразглашение передаваемых с их помощью сведений.

В качестве примера можно привести практику Верховного суда Российской Федерации, в котором система веб-видеоконференцсвязи позволяет проводить судебные заседания в онлайн-формате. Как указывается, участникам процесса необходимо уведомить суд о желании участвовать в онлайн-процессе, направив в его адрес заявление с документами, подтверждающими их полномочия, и пройти идентификацию личности, используя собственные данные с портала государственных услуг. В случае положительного ответа от суда высылается гиперссылка для перехода в электронную версию зала судебного заседания Верховного суда. В день заседания участники судебного процесса подключаются к системе ВКС с помощью собственных средств связи, снова авторизуются на портале государственных услуг, их личность и полномочия проверяются судом, после чего они могут быть допущены к участию в судебном заседании [5]. Представляется, что данная система электронного судопроизводства актуальна не только в период ограничительных мер — она постепенно будет совершенствоваться и внедряться во всех судах на территории страны. Возможно, этот формат станет аналогом видеосвязи, осуществляемой с использованием мессенджеров.

Президиум Верховного суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. в своем Обзоре указал на то, что проведение судебных заседаний при помощи ВКС не противоречит понятию справедливого и публичного слушания, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый может беспрепятственно следить за ходом процесса, видеть и слышать его участников, а также быть заслушанным самим. Это подтверждает позицию Европейского суда по правам человека [13].

Представители судебного корпуса отмечают такие удобства вводимых электронных программ ведения уголовного судопроизводства, как «быстрота», «разгрузка судопроизводства», «способ ухода от подделки документов» [7; 16].

Однако, как констатируют адвокаты, судебные заседания онлайн применимы по малозначительным делам либо при избрании мер пресечения, санкционировании отдельных следственных действий, принятии промежуточных решений. Эта позиция объясняется отсутствием близкого визуального контакта, не позволяющим оказывать психологическое воздействие на судью с целью склонения его к принятию решения, благоприятного для стороны обвинения.

Здесь необходимо обратить внимание на следующую проблему. Фактически при переходе в формат онлайн-заседаний мы сталкиваем-

ся с проблемой изменения устоявшихся подходов к привычным моментам. Необходимы разработка и детальное исследование психологии онлайн-общения, выработка на этой основе рекомендаций по проведению допроса и иных судебных действий в режиме онлайн. Отдельно требуется корректировка существующих ораторских приемов для онлайн-заседаний. Выступление с речами в прениях в режиме онлайн отличается от выступления непосредственно в зале суда. Эти, на первый взгляд, незначительные моменты во многом влияют на исход дела. Ведь каждый участник процесса не просто имеет право выступать перед судом и довести до сведения суда свою позицию. Он имеет право быть услышанным судом. А в режиме онлайн-заседаний эта задача требует дополнительных усилий. Полагаем, что проблемы психологии и ораторского искусства в онлайн-заседаниях ждут своих исследователей.

Кроме того, опрошенные адвокаты отмечают отсутствие должного законодательного регулирования участия подсудимого в судебном заседании суда первой инстанции, проводимом с применением ВКС. На практике возникают сложности с рассмотрением уголовных дел с участием нескольких подсудимых, обеспечением реализации их права на защиту. И конечно же, требуют доработки технические аспекты применения «удаленных» средств связи — «настройка ВКС между судами и СИЗО может занимать несколько часов. Также есть проблема с отсутствием квалифицированных технических кадров, способных в кратчайшие сроки устранять неполадки» [15].

В настоящее время высказываются различные предложения, направленные на урегулирование нового способа ведения судебного заседания посредством видеосвязи, предусматривающие возможность подключения участников процесса к общей видеоконференции с использованием собственных средств связи и их авторизации посредством единого портала. Некоторые из этих предложений даже оформляются в законопроекты [10].

Таким образом, ограничения, введенные в условиях борьбы с пандемией коронавируса, привели к более интенсивному внедрению в практику современных технологий в уголовном судопроизводстве. Безусловно, этот опыт должен обобщаться, а результаты этого обобщения должны как найти свое отражение в разъяснениях высших судов, так и учитываться в дальнейшем при разработке изменений в действующее законодательство, чтобы соблюсти баланс интересов личности и государства.

Список литературы

1. Андреева О.И., Иванов В.В., Нестеров А.Ю., Трубникова Т.В. Технологии распознавания лиц в уголовном судопроизводстве: проблема оснований правового регулирования использования искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2019. №449. С. 201 – 212.
2. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. №1. С. 15 – 25.

3. Иванов В. В. Использование систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2011. №3. С. 25–27.

4. Иванов В. В. Использование современных технологий в уголовном процессе: польза и риски // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве : матер. междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2017. С. 121–127.

5. Верховный суд России внедряет новый вид судебного производства : информация Верховного суда РФ от 20 апреля 2020 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73820796/> (дата обращения: 15.11.2021).

6. Исследование: участники судебных процессов дали оценку электронному правосудию в Москве. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2018-09-03_issledovanie_uchastniki_sudebnyh_protseessov_dali_otsenku_elektronnomu (дата обращения: 15.11.2021).

7. Как электронные суды будут рассматривать уголовные дела : интервью с председателем судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда Любовью Ишмураговой. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2016-10-18_lyubov_ishmuratova_elektronnoe_pravosudie_sdelaet_sudoproizvodstvo (дата обращения: 15.11.2021).

8. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. №2. С. 95–101.

9. Клеандров М. И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. №6. С. 15–25.

10. Корня А. Верховный суд начнет рассматривать дела по интернету. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/20/828523-sud-internetu> (дата обращения: 15.11.2021).

11. Куликов В. Суды начали рассматривать дела с помощью WhatsApp // Российская газета – федер. выпуск. 2020. №85 (8139). URL: <https://rg.ru/2020/04/19/reg-urfo/sudam-razreshili-provodit-slushaniia-onlajn.html> (дата обращения: 15.11.2021).

12. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, №3. С. 86–99.

13. Ответ на вопрос Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) №2 Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 30 апреля 2020 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

14. Официальный портал Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. URL: <http://www.vkks.ru/publication/265/> (дата обращения: 15.11.2021).

15. Трифонова Е. Судебные процессы будут зависеть в сетях. Дистанционное разбирательство дел может сохраниться и после снятия карантина. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-04-20/3_7848_courts.html (дата обращения: 15.11.2021).

16. Электронное правосудие решает проблему подделки судебных актов : интервью с председателем Тверского районного суда Москвы Ольгой Солоповой. URL: https://ejustice.cnews.ru/articles/2017-12-26_olga_solopova_elektronnoe_pravosudie_reshaet_problemu_poddelki (дата обращения: 15.11.2021).

17. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.] ; отв. ред. С. В. Зуев. М., 2020.

Об авторах

Вячеслав Васильевич Иванов – канд. юр. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия.
E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

Лидия Александровна Сержантова – канд. юр. наук, доц., Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Россия.
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

The authors

Dr Vyacheslav V. Ivanov, Associate Professor, Samara National Research University, Russia.
E-mail: ivanov_sl@rambler.ru

Dr Lidia A. Serzhantova, Samara National Research University, Russia.
E-mail: lidia.yarigina@mail.ru

К. Н. Нилов

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ВЕДЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Отличительной чертой законодательной регламентации предпринимательства в Калининградской области является возможность использования инвесторами специфических режимов его ведения в регионе с использованием преференций правовых режимов Особой экономической зоны и специального административного района. Представлены особенности применяемых специальных режимов предпринимательства, предложена периодизация их развития. Приведена характеристика используемых инвесторами налоговых льгот, субсидий на развитие рынка труда, указано на имеющиеся недоработки и проблемы в правовом регулировании предпринимательства. Сформулированы предложения по развитию инвестиционной привлекательности специального правового режима предпринимательства и совершенствованию законодательства.

A distinctive feature of the legal regulation of entrepreneurship in the Kaliningrad region is the possibility for investors to use specific business regimes in the region using the legal preferences of the Special Economic Zone and the Special Administrative Region. The article examines the features of the applied special business regimes and periodization of their development. The author describes the tax benefits used by investors, subsidies for the development of the labor market, indicates the existing shortcomings and problems in the legal regulation of entrepreneurship. Proposals for developing the investment attractiveness of a special legal regime for entrepreneurship and to improving legislation have been formulated.

Ключевые слова: Калининградская область, специальный правовой режим, особая экономическая зона, преференции, инвестиционная декларация, резидент, налоговые льготы, исключение из реестра резидентов

Keywords: the Kaliningrad region, special legal regime, special economic zone, preferences, investment declaration

Законодательно закрепленный в статье 8 Конституции РФ принцип единого экономического пространства предполагает установление универсальных для всех предпринимателей требований и правил ведения бизнеса, общего унифицированного режима предпринимательства на всей территории Российской Федерации, но не исключает при этом возможности дифференциации правового регулирования предпринимательской деятельности на определенных территориях применительно к отдельным регионам и в отношении отдельных категорий субъектов предпринимательства. Средством такой дифференциации выступают специальные (особые) режимы предпринимательской деятельности, предусмотренные законодательством, частным случаем которых являются особые экономические зоны как один из инструментов разви-

тия бизнеса. В юридической литературе указывается на необходимость уменьшения нормативного массива, систематизации и гармонизации законодательства о предпринимательстве на территориях с особыми условиями хозяйствования и экономического развития, предлагается унифицировать их правовой режим, определив исчерпывающий перечень видов таких территорий [3, с. 109].

Правовой режим предпринимательства нельзя рассматривать как застывшее, неизменное явление, напротив, следует исходить из того, что это регламентированное состояние, требующее совершенствования. Профессор А. А. Мохов совершенно справедливо отмечает, что установленный правовой режим осуществления предпринимательской деятельности не задан раз и навсегда, он может меняться с учетом различных факторов [8, с. 9]. Исследование развития особенностей правового регулирования предпринимательства в Калининградской области с использованием специальных правовых режимов наглядно подтверждает этот тезис. Нынешнее состояние требований и условий осуществления предпринимательства в регионе является «результатом сложной эволюции взглядов правительства на роль свободных экономических зон в России» [6, с. 97].

Из всех субъектов Российской Федерации Калининградская область имеет самый богатый опыт создания и функционирования зон с преференциальным режимом хозяйствования. Вопрос о целесообразности и обоснованности тех или иных льгот для предпринимателей региона неоднократно попадал в фокус дискуссий на федеральном уровне и предопределял динамику развития законодательства об условиях ведения бизнеса в регионе.

В истории развития специальных режимов предпринимательства в Калининградской области можно выделить три периода. Первый охватывает 1991–1995 гг., когда для привлечения иностранного капитала, увеличения экспортных возможностей региона всей территории Калининградской области был придан статус свободной экономической зоны «Янтарь». Распоряжением председателя Верховного совета РСФСР от 3 июня 1991 г. №1356-1 «О хозяйственно-правовом статусе свободной экономической зоны в Калининградской области» [2] и постановлением Совета министров РСФСР от 25 сентября 1991 г. №497 «О первоочередных мерах по развитию свободных экономических зон в Калининградской и Читинской областях» определялись правовые основы хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства в СЭЗ «Янтарь» и устанавливались благоприятные условия ведения предпринимательства с льготным налоговым и таможенным режимом, дополнительными льготами для иностранных инвесторов. Надо признать, однако, что эффективность деятельности свободных экономических зон в России в названный период вызвала обоснованную критику со стороны исследователей [5, с. 233].

Второй десятилетний период (1996–2005) был связан с принятием Федерального закона от 22 января 1996 г. №13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» [12], в котором акцент де-

лался на таможенные преференции. Возможность беспошлинного ввоза иностранных товаров и беспошлинного (при условии соответствующей переработки) вывоза товаров стимулировала развитие в области перерабатывающих и сборочных производств.

Третий период обусловлен принятием Федерального закона от 10 января 2006 г. №16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [14] (далее – ФЗ об ОЭЗ в Калининградской области), который определил особенности ведения предпринимательской деятельности в эксклаве в настоящее время. Акцент сделан на стимулировании реализации инвестиционных проектов, экспортоориентированном производстве товаров за счет предоставления налоговых и иных льгот резидентам ОЭЗ в Калининградской области. Необходимость гармонизации законодательства о специальных правовых режимах предпринимательства в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве (Таможенный союз, Евразийский союз) привела к унификации правил функционирования зон с особыми условиями хозяйствования и включению положений об ОЭЗ в Калининградской области в Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (заключенное в Санкт-Петербурге 18 июня 2010 г., в ред. от 11 апреля 2017 г.) [1], участниками которого стали Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Республика Армения.

За прошедшие полтора десятилетия развитие нового режима предпринимательства дало значимый экономический эффект для региона. По состоянию на 10.02.2022 г. в едином реестре резидентов ОЭЗ в Калининградской области всего зарегистрировано 280 резидентов с общим объемом заявленных инвестиций – 155,8 млрд руб. Только за 2021 г. в реестр резидентов ОЭЗ включено дополнительно 43 инвестиционных проекта с объемом инвестиций 26,8 млрд руб. [4] В рейтинге *Global Free Zones of the Year*, составленном журналом *FDi Magazine* (подразделение *The Financial Times*) Калининградская область впервые в России заняла восьмое место среди лучших мировых ОЭЗ в 2021 г. [11].

Еще одной особенностью регулирования предпринимательства в Калининградской области является установление возможности применения нескольких специальных режимов ведения предпринимательской деятельности. Наряду с ОЭЗ в Калининградской области, в целях формирования привлекательной для российских иностранных инвесторов среды на основании Федерального закона от 3 августа 2018 г. №291-ФЗ «О специальных административных районах на территории Калининградской области и Приморского края» [15] предусмотрено установление правового режима специального административного района на острове Октябрьском в Калининграде с определением особенностей валютного регулирования и предоставлением для участников налоговых льгот, а также льгот в сфере эксплуатации морских и

воздушных судов. Льготы, предоставляемые в рамках режима специальных административных районов, ориентированы в первую очередь на устранение двойного экономического налогообложения [7, с. 31].

Спектр используемых в ОЭЗ в Калининградской области преференций для развития предпринимательской активности и привлечения дополнительных инвестиций достаточно традиционен для зон с особыми условиями хозяйствования — налоговые льготы, таможенная процедура свободной таможенной зоны, правовые гарантии для инвесторов, но их сочетание и порядок предоставления резидентам позволяет охарактеризовать исследуемый правовой режим как один из самых привлекательных для инвесторов в сравнении с другими ОЭЗ в России.

ФЗ об ОЭЗ в Калининградской области является специальным, поскольку общие правила создания и функционирования особых экономических зон в России, установленные Федеральным законом от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [13], в регионе не применяются, а специальный правовой режим ОЭЗ в Калининградской области существенно отличается от установленных законодательством условий ведения резидентами деятельности на основе соглашений в других ОЭЗ Российской Федерации. Использование полностью совпадающего словосочетания для обозначения существенно отличающихся по содержанию правовых режимов выглядит неудачным и вызывает определенные сложности в толковании положений законодательства об ОЭЗ в России на предмет возможности их применения к ОЭЗ в Калининградской области.

В качестве цели создания ОЭЗ в Калининградской области федеральный закон называет ускорение ее социально-экономического развития. В специальной литературе уже обращалось внимание на неудачность такой законодательно закреплённой формулировки цели создания ОЭЗ в Калининградской области [9, с. 78], поскольку ускорение характеризует лишь определенный краткосрочный период развития и не может быть рассчитано на продолжительный период в 40 лет.

Не вполне увязывается с названной глобальной целью существенное ограничение круга потенциальных резидентов за счет исключения из их возможного числа индивидуальных предпринимателей и субъектов, применяющих специальные налоговые режимы. Распространение преференций лишь на ограниченный круг крупных инвесторов не позволит в полном объеме решить названную задачу и без поддержки малого и среднего бизнеса не стимулирует должным образом развитие предпринимательства.

Частичное решение обсуждаемой проблемы осуществляется за счет предоставления субсидий на развитие рынка труда Калининградской области. Этот крайне важный механизм направлен на уменьшение негативных последствий для экономического развития региона после прекращения с 1 апреля 2016 г. установленного ранее ФЗ об ОЭЗ в Калининградской области переходного десятилетнего периода и отмены ряда таможенных льгот для местных товаропроизводителей. С целью

развития инвестиционной активности эксклавной территории стала реализовываться программа государственной поддержки хозяйствующих субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории области, с использованием субсидий на развитие рынка труда, созданием рабочих мест, компенсацией затрат производителей, возникших после отмены части таможенных льгот, улучшением экономических и социальных условий. На эти цели из бюджета ежегодно в 2017 – 2020 гг. расходовалось по 50 и более млрд руб. [10].

Одной из особенностей об ОЭЗ в Калининградской области, не присущих другим особым экономическим зонам, является закрепление взятых на себя резидентом ОЭЗ обязанностей не в соглашении о ведении отдельных видов предпринимательской деятельности, а в инвестиционной декларации, подаваемой на этапе включения в реестр резидентов ОЭЗ. Невыполнение взятых на себя в инвестиционной декларации обязательств выступает основанием для исключения из реестра резидентов, что влечет за собой неблагоприятные последствия.

Важнейшим вопросом регламентации правового режима экономических зон с особыми условиями хозяйствования и привлечения инвестиций следует признать эффективность предоставляемых налоговых льгот [16, р. 169]. Пожалуй, самой актуальной и значимой для инвесторов преференцией, привлекательной в правовом статусе резидентов ОЭЗ в Калининградской области, выступает установление особого порядка уплаты налога на прибыль (сроком до 15 лет с момента включения в реестр) и налога на имущество (сроком до 12 лет), а также освобождение от уплаты земельного налога (в течение 5 лет с момента возникновения у резидента права собственности на земельный участок). Нулевая ставка по налогу на прибыль и налогу на имущество применяется в отношении резидентов ОЭЗ на протяжении 6 лет, причем, если по налогу на имущество этот срок исчисляется с года включения в реестр резидентов ОЭЗ, то по налогу на прибыль – с года (налогового периода), когда резидентом была получена первая прибыль (но не более 3 налоговых периодов с момента включения в реестр). В течение последующих 6 лет налоговая ставка применяется к резидентам ОЭЗ в половинном размере по сравнению с законодательно установленной для других хозяйствующих субъектов. Названные различия в установлении отличающихся по срокам периодов особого порядка уплаты налога на прибыль и налога на имущество не представляются оправданными и обоснованными и вызывают определенные сложности в правоприменительной практике.

Дополнительной значимой льготой для юридических лиц, включенных в единый реестр резидентов ОЭЗ в Калининградской области в период с 1 января 2018 г. по 31 декабря 2022 г. и создающих новые рабочие места, стала возможность применять льготный тариф страховых взносов по ставке 7,6 %. Понятно, что целью введения указанной льготы только на ограниченный период формирования реестра с дополнительными требованиями для резидентов ОЭЗ стало привлечение новых инвесторов. Но справедливость дифференциации правового статуса резидентов ОЭЗ в зависимости от столь ограниченного периода вклю-

чения в реестр вызывает обоснованные сомнения, ставит резидентов в неравные условия и негативно сказывается на инвестиционной привлекательности специального правового режима предпринимательства. Целесообразно распространить эту льготу на всех резидентов, зарегистрированных в реестре с 2018 г., и расширить временные рамки применения указанной льготы. Соответствующий законопроект о расширении льгот резидентам ОЭЗ в Калининградской области обсуждается в Государственной думе РФ.

Соответствующим правовым средством, направленным на недопущение необоснованного использования льгот, становится механизм исключения из реестра резидентов ОЭЗ коммерческих организаций, не выполнивших в установленные сроки условия инвестиционной декларации. Негативными правовыми последствиями для инвесторов при этом является обязанность заплатить все налоговые платежи, которые не были уплачены по причине льготного правового статуса.

Имеющийся опыт применения специальных правовых режимов предпринимательства в Калининградской области показал, что, хотя совокупность предлагаемых государством преференций продемонстрировала высокую эффективность и позволила достичь хороших экономических результатов, потенциал применяемых правовых средств не исчерпан.

В целях активизации предпринимательства, привлечения дополнительных инвестиций и повышения эффективности используемых правовых механизмов в Калининградской области можно предложить использование следующих мер:

1) увеличение закрепленного в законе периода применения особого порядка уплаты налога на прибыль и налога на имущество для резидентов ОЭЗ в Калининградской области;

2) дальнейшая дифференциация установленных количественных параметров инвестиций в ряде отраслей экономики, актуальных для региона, для более широкого круга потенциальных инвесторов за счет снижения минимальной планки инвестиций в инвестиционных декларациях;

3) отмена законодательно установленных ограничений по срокам включения в реестр резидентов ОЭЗ, которым предоставляется право использовать льготные тарифы обязательных страховых взносов, и распространение указанной льготы на всех резидентов ОЭЗ в Калининградской области, зарегистрированных после 2018 г., а также увеличение продолжительности срока использования этой льготы;

4) унификация в законодательстве по срокам исчисления периодов порядка применения резидентами ОЭЗ в Калининградской области особого порядка уплаты налога на прибыль и налога на имущество.

Список литературы

1. *Бюллетень международных договоров*. 2012. №7.
2. *Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного совета РСФСР*. 1991. №23.

3. Гасников К.Д., Оболонкова Е.В. Правовое регулирование территорий с особыми условиями экономического развития в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. №1. С. 101–109.
4. Единый реестр резидентов ОЭЗ в Калининградской области. URL: <https://oez.gov39.ru/registry/> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Законодательство Калининградской области: научно-практический анализ / под общ. ред. О. А. Заячковского. Калининград, 2007.
6. Иванова В.Н., Горохов А.Ю., Горохов Д.А. и др. Особая экономическая зона в Калининградской области: несовершенство основ законодательной базы // Экономические науки. 2015. №127. С. 90–97.
7. Милоголов Н.С., Цаган-Манджиева К.Н. Сравнительный анализ положений законодательства, связанных с созданием специальных административных районов (САР) на территориях Калининградской области и Приморского края и холдинговых режимов, применяемых в зарубежных странах // Финансовое право. 2020. №5. С. 31–34.
8. Мохов А.А. Правовые режимы осуществления экономической деятельности и саморегулирования предпринимательской или профессиональной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. №4. С. 9–14.
9. Нилов К.Н. Особая экономическая зона в Калининградской области: совершенствование правового режима // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №4. С. 74–87.
10. Особая экономическая зона в Калининградской области. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobaya_ekonomicheskaya_zona_v_kaliningradskoy_oblasti/ (дата обращения: 10.02.2022).
11. ОЭЗ Калининградской области вошла в десятку лучших в мире // KGD.ru. URL: <https://kgd.ru/news/economy/item/97378-ojez-kaliningradskoj-oblasti-voshla-v-desyatku-luchshih-v-mire> (дата обращения: 10.02.2022).
12. Собрание законодательства РФ. 1996. №4. Ст. 224.
13. Собрание законодательства РФ. 2005. №30. Ст. 3127.
14. Собрание законодательства РФ. 2006. №3. Ст. 280.
15. Собрание законодательства РФ. 2018. №32, ч. 1. Ст. 5084.
16. Sinenko O.A. Methods of Assessing of Tax Incentives Effectiveness in Special Economic Zones: an analytical overview // Journal of Tax Reform. 2016. Vol. 2, №3. P. 168–178.

Об авторе

Константин Николаевич Нилов – канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: KNilov@kantiana.ru

The author

Dr Konstantin N. Nilov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: KNilov@kantiana.ru

УДК 94(470.312:291.68)

А. В. Соколов

ПАВЕЛ ТУЛЬСКИЙ – «РАСКОЛЬНИК» СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВ: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТУЛЬСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ

28

Рассмотрена фигура Павла Смирнова/Тульского, бежавшего от синодальной церкви в 1831 г. к старообрядцам на правах священника. Изначально поддерживая связь с центром белокриницкого согласия – Рогожским кладбищем, Павел постепенно уходит в схизму. На примере его биографии автор ставит цель выявить и охарактеризовать положение беглого священства, особенности подходов власти и официальной церкви к решению проблемы «раскольнического» священника, модели поведения «новой» старообрядческой иерархии в отношении схизмы. Для этого был изучен корпус исторических источников, отражающих реакцию общественных институтов, таких как органы государственной власти, господствующая и староверческая церковь, на непокорного попа. Автор приходит к выводу об успешном существовании беглопоповцев до появления белокриницкой иерархии. Также отмечена неспособность местных светских и духовных властей адекватно решать проблемы, связанные со старообрядчеством.

The article examines the personality of Pavel Smirnov/Tulsky who fled from the synodal church in 1831 to the Old Believers as a priest. Keeping in touch with the center of the Belokrinitsky accord – the Rogozhsky cemetery, Pavel gradually went into schism. On Pavel Smirnov's biography, the author seeks to identify and characterize the concept of the fugitive priesthood; the peculiarities of the approaches of the authorities and the official church to solving the problem of a "schismatic" priest; the behavior patterns of the "new" Old Believer hierarchy in relation to schism. To solve these problems, a corpus of historical sources reflecting the reaction of public institutions to a recalcitrant priest was studied. These include state authorities, the synodal and the Old Believer church. The author concludes that the beglopopovtsy successfully existed before the appearance of the belokrinitsky hierarchy. The article also notes the inability of the local secular and ecclesiastical authorities to solve problems related to the Old Believers.

Ключевые слова: старообрядцы, раскол, белокриницкая иерархия, беглопоповство, Тульская губерния, Павел Алексеевич Смирнов/Тульский

Keywords: Old Believers, schism, Belokrinitsky hierarchy, beglopopovstvo, Tula province, Pavel Alekseevich Smirnov/Tulsky

В XIX в. экономика Российской империи подверглась колоссальным преобразованиям и к началу следующего столетия встала на капиталистические рельсы – сформировался класс предпринимателей. Значи-

мая роль в предпринимательской среде досталась старообрядцам. Некоторые исследователи усматривают в становлении старообрядческого предпринимательства этноконфессиональный фундамент [10; 20]. В Тульской губернии начала XIX в. к богатейшим и влиятельным людям относились выходцы из старообрядческо-поповского клана Сушкины [18]. Именно они участвовали в организации религиозной жизни староверов и обеспечивали патронаж своим единоверцам. Несмотря на то что семейство к середине XIX в. расколосось на староверов и православных [18], которые явно использовали свой новый статус для достижения не только экономических, но и политических целей, клан Сушкиных продолжал покровительствовать старообрядцам. Будучи поповцами, Сушкины нуждались для удовлетворения своих религиозных потребностей в священнике. В начале XIX в. им мог стать только попперебежчик от «господствующей церкви». Так им и удалось получить в 1831 г. Павла Смирнова, впоследствии получившего известность как Павел Тульский.

Павел Алексеевич Смирнов имеет по-своему удивительную судьбу. Начав священническую карьеру в селе Князищеве Лихвинского уезда Калужской губернии, он в 1829 г. похитил 333 руб. ассигнациями из церковных денег [3, л. 4]. Как итог, в счет компенсации ущерба епархиальные власти забрали у него дом и перевели в другой приход [4, л. 2]. Затаив явную обиду и по-прежнему испытывая финансовые затруднения, Павел бежал в Тулу, откуда ему поступило предложение от тамошних староверов – стать старообрядческим священником. Получив предварительно согласие губернатора Борисова, он стал исполнять требы по дониконовским книгам при доме купца Дениса Сушкина, а позже – при его сыне Кондратии [4, л. 2]. Губернский комитет усматривал в Смирнове «главного начетчика раскола» [5, л. 1], однако, став старообрядческим священником, он отправил своих сыновей учиться в Калужскую семинарию «господствующей церкви» [11, №20, с. 440], за что подвергся нападкам со стороны белокриницкой иерархии [8, л. 11 – 13об.; 22, л. 36]. Таким образом, мы получаем странную картину – видная фигура старообрядчества не до конца разрывала связи с синодальной церковью. С другой стороны, поначалу поддерживая тесную связь с Рогожским центром поповства в белокриницкой иерархии, он впоследствии стал ее ярким противником, вступил в конфликт с рогожской общиной и фактически воссоздал утратившее свое прежнее значение беглопоповство [8, л. 2].

Откуда мы вообще знаем про П. А. Смирнова и его деятельность? В нашем распоряжении находится группа источников, разных по происхождению, но имеющих схожую основу – во всех них прослеживается негативное отношение к интересующей нас персоне. Это объясняется как раз «неуживчивостью» Павла Смирнова – различные силы воспринимали его как противника. В первую очередь нами использовались дела Государственного архива Тульской области (далее – ГАТО). Материалы дел ГАТО нам интересны с нескольких позиций: во-первых, они позволяют реконструировать территориальные рамки влияния

Павла Смирнова, а также модели и практики его жизнедеятельности, модели его поведения. Во-вторых, изучение этих документов позволяет проанализировать реакцию властей на религиозную активность старообрядческого священника.

Не менее ценны материалы дел из описи «Рогожское кладбище» отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Здесь представлен взгляд на Смирнова как на предателя поповского согласия, когда тот уже разорвал отношения с белокриницкой иерархией.

Отдельного внимания заслуживает церковная печать — «Тульские епархиальные ведомости» (далее — ТЕВ) и «Калужские епархиальные ведомости» (КЕВ). В этих изданиях представлен «синодальный» взгляд на фигуру П. А. Смирнова. Епархиальные ведомости, будучи официальным печатным органом церкви, в публикациях, посвященных раскольникам, как правило, стремились достичь конкретной цели — дискредитировать лидеров старообрядчества. В делопроизводственных документах такой жесткой «пропагандистской» устремленности не было, в них преобладал прагматический подход: как провести расследование, собрать доказательства, обосновать решение и отпортовать наверх. Стоит сказать, что церковные издания нам интересны с разных позиций. Так, в ТЕВ значительный интерес представляют публикации переработанных архивных материалов, в том числе и ныне утраченных, что позволяет в определенной степени реконструировать информацию первоисточника. Подача материала в ТЕВ о Павле Тульском в значительной степени носила нейтральный характер; иначе дело обстояло в КЕВ, где священник Дмитрий Любимов активно использовал стигмы в отношении Смирнова. Своим источником Любимов называет информацию «из первых уст» — наиболее значимым информатором для него был сын Павла Смирнова Григорий. С Любимовым Григорий Павлович непосредственно учился в Калужской семинарии и даже находился под его «крылом» [11, № 20, с. 440–443].

Несмотря на значимость подобной информации, к ней стоит относиться осторожно, так как Любимов иной раз воспроизводил сплетни и слухи. В отношении Павла Смирнова он использовал весь полемический арсенал, педалируя скандальность, лицемерие (не верил в старую веру), «продажность» (использовал староверов сугубо для своего обогащения), пьянство, разврат (рассуждения о возможных сожителях) беглого попа [11, № 19, с. 425; № 20, с. 442, 444, 447, 451].

Мысль о нетрезвом образе жизни Смирнова мы также можем обнаружить в работе И. Тихомирова [24, с. 56–57], который ссылаясь на статьи Любимова. Сам же Тихомиров нам интересен по большей части с тех же позиций, что и ТЕВ, — его работа частично позволяет реконструировать информацию первоисточника. Таким образом, в источниковой базе мы имеем трехсторонний взгляд на Смирнова — светской и духовной власти, а также белокриницкого согласия. В такой ситуации остается безмолвной только одна сторона — сам Павел Смирнов и его сторонники, что безусловно учитывалось в работе.

В источниках встречается противоречивая информация даже в составе одной группы. Наиболее показательным примером служат раз-

ночтения в датах смерти П. А. Смирнова. Так, в публикациях ТЕВ мы сталкиваемся с тремя датами — 3 [16, с. 12], 11 [17, с. 273] и 16 [15, с. 337] января 1862 г. Мы склонны полагать, что 11 января выглядит убедительнее, поскольку эта дата встречается в материалах дел губернской канцелярии [5, л. 87], в то время как происхождение других неясно. Поэтому при работе с источниками мы пытались установить достоверность фактологической информации.

Стоит отметить, что работ, посвященных Павлу Смирнову, нет. В отдельных исследованиях эта фигура могла лишь упоминаться в контексте «раскола» внутри поповства, но не более.

О достарообрядческом периоде жизни Павла практически ничего не известно. Даже его возраст на момент смерти неизвестен. Достоверным остается князищевское происхождение Павла, а также конфликт между ним и церковными структурами на финансовой почве, о чем говорилось ранее.

В 1824 г. Смирнов после окончания Калужской семинарии был рукоположен в священники, а в 1829 г. велось дело о растрате церковных денежных средств. Уже в 1831 г. Смирнов взял увольнительную в Москву, откуда не вернулся в Калугу, а перебрался в Тулу [4, л. 32]. В Туле над ним стоял купец Денис Осипович Сушкин, а позднее — его сын Кондратий Денисович. Д. О. Сушкин «убедил» губернатора В. А. Борисова приютить бежавшего от своего начальства попа, хотя изначально оговаривалось условие — Смирнов должен был исполнять требы только для старообрядцев Тулы [4, л. 10–10об.; 15, с. 339–340]. Стоит сказать, что подобное решение губернатора отвечало закону и не являлось самоуправством. Губернатор ссылался на «Высочайшее утвержденное предписание» от 26 марта 1822 года [4, л. 2об.], ознакомиться с которым невозможно, так как данный акт не содержится в Полном собрании законов Российской империи [19]. Видимо, нормы, обеспечивавшие легитимность беглого священства, проходили под грифом секретности. Сложно сказать, сколько продержался Смирнов, не нарушая запрета, однако уже в 1840-е гг. о нем начали поступать сообщения, исходя из которых ясно: Павел нарушил формальные и неформальные договоренности с властью.

Помимо явного выхода своей религиозной деятельности на общегубернский масштаб [4, л. 52; 6] он пользовался определенным влиянием и за пределами Тулы. В первую очередь речь идет о Калужской губернии. И. Тихомиров отмечает, что калужские старообрядцы-поповцы предпочитали удовлетворять свои религиозные потребности у Смирнова, в силу чего называли себя «тульскими» [24, с. 56]. Подтверждением влияния Павла Смирнова на умы калужских поповцев служат свидетельства чиновника особых поручений Ионова при губернаторе Петре Михайловиче Дарагане [5, л. 61об.], а также сообщения из Калужской духовной консистории [3, л. 1].

Достоверно известно о религиозной деятельности Смирнова у черниговских, московских и серпуховских, а также курских старообрядцев. Помимо людей древнего благочестия центральной России к нему об-

ращались староверы Урала [1, с. 99; 5, л. 23об., 50, 61; 15, с. 343]. Старообрядческий священник жил в Туле в условиях постоянного контроля и слежки [5, л. 1–92; 16, с. 6]. Однако, несмотря на это, власти ни разу так и не удалось уличить его в совершении обрядов для иногородних староверов [4, л. 52; 5, л. 61об.; 15, с. 345].

За подобную активность, нарушавшую формальные и неформальные обязательства, в отношении Смирнова велись регулярные разбирательства. Самыми длительными, вероятно, можно считать дела 1842–1848 [4] и 1854–1862 гг. [5]. Оба дела связаны с совершением Смирновым треб для иногородних и криптостарообрядцев – староверов, которые формально числились в официальном православии. Судя по всему, наиболее часто к беглому тульскому священнику обращались по поводу треб – исповедей, бракосочетаний и крещений.

Встает только вопрос, что мешало губернаторам¹ избавиться от «раскольничьего попа»? Они имели широкие полномочия на местах [7, с. 180–182]. О том, что П. А. Смирнова местные судебные органы оправдывали, губернатор сообщал министру внутренних дел, на что тот в свою очередь отвечал: «Не видно, согласен ли он (губернатор. – А. С.) с решением по сему делу Уголовной палаты» [4, л. 18]. Таким образом, из Петербурга как будто намекали: губернатор должен взять ситуацию в свои руки и решить проблему с беглым попом.

Губернаторы же, судя по отчетам, пытались сгладить углы и в некотором смысле покрывали Смирнова. Впрочем, если в 1840-е гг. они явно стремились выгородить его и сохранить в Туле [4, л. 7, 9], то в конце 1850-х такая позиция была невозможной. Дело в том, что в 1857 г. министр МВД С. С. Ланской фактически требовал от губернатора принять по делу раскольнического попа единоличное твердое решение [5, л. 74]. Под этим давлением губернатор М. П. Дараган фактически выдворил Смирнова из Тулы в Москву [5, л. 76, 81–82]. Однако по факту и это решение было принято в пользу Смирнова. Перед губернатором стояла задача – избавиться от Павла Тульского. Способов решения было два – довести длившиеся судебные процессы до конца, обеспечив «нужное» решение, или избавиться от одиозного попа при помощи административных механизмов. Выбрав второй вариант, Дараган фактически пошел на уступки Павлу Смирнову, ведь тот еще раньше просил дать ему разрешение уехать в «старую столицу» [4, л. 92об.]. Более того, несмотря на выдворение, Смирнова не уволили с должности «священника раскола», что, кстати, нарушало требование министра [5, л. 85]. Ссылаясь на состояние здоровья, Павел Алексеевич так и не вернулся на формально длившийся судебный процесс в Тулу, скончавшись в Москве 11 января 1862 г. [5, л. 87; 17, с. 273].

Возникает вопрос: почему местная власть «прикрывала» старообрядческого священника? На него нельзя дать однозначный ответ. Тем не менее можно обозначить ряд факторов.

Во-первых, значительную роль играли покровители Смирнова – купцы Сушкины. Обладая огромным влиянием в губернии, тесными

¹ С 1831 по 1862 г. их сменилось 9 человек.

связями с чиновниками на местах, а также финансовыми ресурсами, эти люди могли договориться с губернаторами. Подтверждением тому служит как раз тот факт, что именно Д. О. Сушкин добился легального положения Смирнова и обезопасил его от преследований со стороны Калужской епархии, требовавшей возвращения Павла для разбирательств в связи с его бегством в Тулу [4, л. 10–10об., 23, 26об.; 15, с. 341–342]. Разумеется, такие договоренности были устными, и поэтому об их содержании мы можем только догадываться.

Второй фактор связан со спецификой тульского старообрядчества. Дело в том, что в Туле значительная часть староверов была оружейниками, и государству не хотелось вступать с данной группой в острые конфликтные отношения. Примерами могут служить разбирательства, когда местная власть принимала жесткие решения в отношении староверов, однако центральные органы достаточно быстро вмешивались, либо отменяя постановления губернских органов, либо идя на смягчение приговора [2, с. 40–42]. Таким образом, губернская власть попадала в достаточно узкие рамки, когда нерешительные меры вызывали раздражение у чиновников МВД, а радикальные — контрмеры со стороны общеимперской власти.

Третий фактор связан с юридическими коллизиями. Как ни странно это звучит, но власть была вынуждена считаться с законами. Смирнов же вел себя достаточно осторожно, чтобы не дать против себя улик, и пользовался слишком большой популярностью, чтобы против него можно было добыть свидетельские показания. В его действиях, говоря полицейско-бюрократическим языком, отсутствовал доказанный «состав преступления». Единственный раз, когда его могли реально судить, был связан с выездом в Одоевский уезд в 1834 г. [4, л. 3, 20–23], что нарушало режим ограничений на передвижения беглого попа. Однако и здесь, по показаниям Смирнова, он якобы покидал Тулу исключительно с целью навестить тестя. Иных примеров прямого нарушения договоренностей со стороны священника не фиксировалось. На обвинения в совершении треб для «православных» и иногородних он отвечал, что не был осведомлен о происхождении этих людей. Доказать, что он знал о том, что венчает пару, которая где-нибудь в Орле принадлежит к православному приходу, не получалось.

Так или иначе, давление на Павла Смирнова было сильным, и он хотел уехать из Тулы в Москву еще в 1848 г., но не получил разрешения от губернатора [4, л. 92]. По всей видимости, он даже задумывался о возвращении в «господствующую церковь» [11, № 20, с. 444–446].

Что касается отношений Павла Тульского с духовной властью и приверженцами господствующего православия, то здесь все было неоднозначно. С одной стороны, он ревностно относился к своим прихожанам, мог прогнать «иноверного» с похорон, и даже накладывал епитимии за контакты с господствующей церковью [14, с. 234]. С другой — он не был для епархиальных властей столь же сильным раздражителем, как, например, религиозные деятели поморского согласия в лице клана Батовых [23]. По всей видимости, это связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, это влияние покровителей беглого попа Сушкиных. Помимо того, о чем было сказано ранее, следует добавить, что род Сушкиных держал восковой завод, они также торговали свечами, фактически оставаясь региональными монополистами в этом деле, пока в начале 1880-х гг. заводик не выкупила Тульская епархия [12, с. 230]. Соответственно, ссора с Сушкиными могла отразиться на ценообразовании необходимого богослужебного элемента — свечей. Кроме того, та часть Сушкиных, что перешла в православие, совершала значительные пожертвования — на убранство церквей, богадельни и т. п.

Во-вторых, со Смирновым и так активно работала гражданская власть — местная и центральная администрация. Полномочий сверх светской власти представители духовенства не имели, а вступать в полемику с людьми, нацеленными избегать общения с церковью, было малоэффективно.

В-третьих, если феномен «батовщины» был связан с прозелитизмом, печатью и тиражированием своих идей, то П. А. Смирнов, по сути дела, ограничивался работой с уже встроенными в староверческое общество людьми. Его деятельность не выходила за пределы староверческой общины или во всяком случае не оставляла явных следов.

В-четвертых, смерть П. А. Смирнова пришлось на год, когда только началось издание ТЕВ. Иными словами, он не мог стать объектом публичного исследования староверия как активный его участник, а рассматривался лишь в формате исторической ретроспективы «тульского раскола».

Отношения же Павла Тульского с центром поповства также отличались неоднозначностью. Так, до 1846 г., в отсутствие старообрядческой иерархии, каждый беглый священник был по сути своей самодостаточно, над ним могла находиться только община или же конкретный покровитель. Без «церковного начальства» и в условиях дефицита священников беглый поп оставался де-факто единственным религиозным авторитетом для своей паствы, которая его высоко ценила. С возникновением белокриницкой иерархии ситуация изменилась. Теперь старообрядческая церковь представляла собой четкую иерархическую структуру с элементами административного управления. По сути, новая иерархия поглотила прежние институты беглопоповства и восполнила институциональные дисфункции, в частности легитимизировала свое священство. Такая ситуация заставляла беглых попов отказываться от автономии и присоединяться к новой иерархии. Павел Смирнов не сразу вступил в конфронтацию с новой системой, подтверждением чему служит принятие и использование мирра белокриницкого согласия [8, л. 2об.-4].

Стоит сказать, что тульские старообрядцы-поповцы были связаны со своими единоверцами сетью посыльных. Об этом говорит случай, произошедший в 1854 г. Тогда был схвачен в Вятской губернии ранее скрывавшийся в лесах старовер Ананий Ситников, который еще в 1850 г. бежал с завода Сарапула Пермской губернии. С ним были найдены письма, а также списки на приобретение церковной утвари. Более того,

Ананий имел при себе митру. Как выяснилось, он приезжал в Тулу на три дня из Москвы, а затем снова отправился в «древнюю столицу» [5, л. 1об.], видимо, к Рогожскому поселку. Ананий, вероятно, остановился в доме Павла Смирнова, принадлежащем купцу Кондратию Сушкину. Об этом говорит найденная у Ситникова записка: «В Туле священник Павел Алексеев Смирнов купцу Кондратию Денисову Сушкину» [5, л. 7]. По всей видимости, через подобных посыльных и распространялась информация о местах, в которых присутствовало беглое священство, в том числе и о П. А. Смирнове.

К этому моменту между Смирновым и новой иерархией уже произошел раскол, о чем говорит письмо, отправленное в Тулу в 1854 г. старообрядческим архиепископом Антонием Владимирским [21, л. 35]. В этом документе прослеживается попытка убедить П. А. Смирнова отказаться от заблуждений и не вдаваться в раскол: «Но есть ли же недовольно будет этих доказательств, то пусть его с[вя]щенство, непопускающья его к единению с нами причины, вырази[т] письменно, и препоручит посланному. Чем же кончится ваша беседа, непременно нужно составить акт. Хорошо бы все присутствующие к оному подписались» [21, л. 35–36]. Однако, не добившись результатов, на Рогожском кладбище решили «предпринять свои деятельные меры против такого беззаконника, и Богом дарованной властью всеконечно поразить бесстыдного раскольника, главного губителя и волка, угрызающего Христову словесную паству» [22, л. 34]. Таким образом, заполучив иерархию, старообрядцы стали использовать те же стигмы в отношении несогласных, что и ранее против них применяла церковь.

Почему Павел Тульский разорвал отношения с бывшими единоверцами? На этот вопрос мы получаем ответ со стороны белокрыницкого согласия – «тщеславие» и «корыстолюбие» [22, л. 11], но не имеем представления о том, как такое решение объяснял сам Смирнов.

Разделение внутри поповства произошло в 1857 г., когда сторонники Смирнова окончательно отделились от белокрыницкой церкви [8, л. 4–4об.], так возникло тульское старообрядческое согласие. Так или иначе, его бывшие прихожане разделились на тех, кто хотел бы слиться с белокрыницкой иерархией, и тех, кто поддержал схизму Павла.

Надо признать, что конкурировать с белокрыницкой иерархией Смирнову было сложно, ведь у них были сформулированы канонические обоснования чиноположения и функционировали социальные институты, в то время как непокорный поп этим похвастаться не мог. Для преодоления этого разрыва он попытался создать свое чинопочитание, суть которого заключалась в «исправлении» Смирновым беглых попов [9, с. 209–210; 13, с. 204; 22, л. 33]. Тем самым он возложил на себя часть обязанностей епископа.

После смерти Павла его последователи разделились. Кто-то принял «австрийскую иерархию», а кто-то продолжил следовать заветам Смирнова и остался в оппозиции к ней. Какая-то часть хотела перейти в единоверие, но в отсутствие тульской единоверческой структуры этой идее

не суждено было сбыться [16, с. 13]. Так или иначе, ренессанс в беглопоповском согласии не настал, и это направление постепенно таяло, поглощаемое институциональной структурой белокриницкой иерархии.

А через двадцать с лишним лет после смерти создателя тульского согласия протоирей Г.И. Панов с некоторым оттенком ностальгии напишет: «Не то было в Тульской губернии при жизни Павла Смирнова, сам он по-своему сильно изобличал незаконность учреждения новой иерархии, и старообрядцы считали его последним представителем старого священства, приходящего тайно от великороссийской церкви. Неудивительно, что он пользовался большим уважением среди раскольников. Согласие с ним стало известно под именем "Старого тульского согласия"» [15, с. 338].

К каким выводам может нас подвести кейс Павла Смирнова? Во-первых, деятельность беглопоповцев была успешна при отсутствии местных старообрядческих религиозных институтов. Роль священника, религиозной общины и их покровителей способствовала преодолению институционального кризиса. Сильный покровитель (в Туле это был Денис Сушкин, а позже — его сын Кондратий) обеспечивал выживаемость общины за счет поддержания священника, а также постоянных вливаний ресурсов (не только финансовых, но и репутационных), в то время как духовник обеспечивал религиозные потребности прихожан. В таких условиях и покровители, и священник выступали ключевыми фигурами в обеспечении устойчивости и благополучия местной общины.

Во-вторых, мир поповцев был жизнеспособен за счет общеимперских социальных беглопоповских институтов. По-видимому, одним из важных его элементов была система тайных контактов через посылных, от которых и распространялась информация о священниках в той или иной губернии, способных удовлетворить религиозные чаяния староверов. Иначе трудно объяснить известность Павла на Урале, откуда, судя по утверждению Ю.В. Боровик, еще и заезжали к нему посетители для удовлетворения своих религиозных потребностей [1, с. 99].

В-третьих, формировавшаяся на тех же религиозно-догматических началах белокриницкая институциональная структура постепенно поглощала прежде функционировавшие системы и становилась доминирующей. Достаточно быстро «беглопоповщина» стала уходить на задний план, сохраняясь еще некоторое время в виде тульского согласия. Ввиду неспособности адаптироваться к новым условиям и отсутствия возможностей для развития тульское согласие, по сути, изжило себя к началу XX в. Фактически оно было поглощено белокриницким согласием.

В-четвертых, губернской власти постоянно приходилось балансировать, находясь в условиях, когда она опасалась перегибать палку, но и не реагировать на лидеров старообрядцев тоже не могла. В конечном счете вопрос мог быть решен лишь при непосредственном вмешательстве общеимперской власти, как это и произошло в случае Смирнова.

В-пятых, церковная власть, чувствуя некое попустительство со стороны светской власти, была ограничена в своем инструментарии и не слишком мотивирована на жесткие решения по отношению к беглым священникам, которые пользовались авторитетом среди старообрядцев.

В-шестых, испытывавшая давление со стороны государства и официальной церкви религиозная группа использовала те же приемы и стигмы в отношении своей схизмы. Именно поэтому белокриницкое согласие, выступавшее против использования термина «раскольники» применительно к себе и своей пастве, гневно клеймила Павла Смирнова и приверженцев тульского согласия именно как раскольников и еретиков.

Список литературы

37

1. *Боровик Ю. В.* Старообрядцы уральского города во второй половине XIX — начале XX в.: конфессиональное сообщество и семья. Екатеринбург, 2019.
2. *Володина Т. А.* Численность Тульских старообрядцев в XVIII — XIX вв.: методологические аспекты // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 38 — 43.
3. *Дело о венчании раскольническим священником Тульского молитвенного дома Павлом Смирновым браков раскольников Курской епархии. 1841 г.* // Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 5. Д. 209.
4. *Дело о растрате церковных денег священником Павлом Алексеевым сыном Смирновым церкви с. Князинцево Калужского у. Калужской губернии. 1842 — 1848 гг.* // ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т. 23. Д. 16821.
5. *Дело о совершении незаконных богослужений и исполнении мирских треб беглым попом раскольником Павлом Алексеевым сыном Смирновым для жителей Тульской и других губерний. 1854 — 1862 гг.* // ГАТО Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 24210.
6. *Дело по предписанию Министерства внутренних дел о запрещении одоевскому купцу 3-й гильдии Андрею Петрову Ананьину венчать своего сына по старообрядческим законам священником Павлом Смирновым. 1853 г.* // ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 30. Д. 23840.
7. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
8. *Замечания о тульском попе Павле* // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 247. №198.
9. *Ивановский Н. И.* Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1905.
10. *Керв В. В.* Се человек и дело его...: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2016.
11. *Любимов Д.* Беглопоповщина // Калужские епархиальные ведомости. 1886. №19. С. 423 — 428 ; №20. С. 440 — 451.
12. *Любомудров В.* К 35-летию пастырской деятельности Михаила Федоровича Бурцева // Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1900. №5 — 6. С. 228 — 233.
13. *Панов Г. И.* К истории раскола в Туле // ТЕВ. 1866. №5. С. 195 — 206.
14. *Панов Г. И.* К истории раскола в тульской епархии // ТЕВ. 1868. №18. С. 226 — 234.
15. *Панов Г. И.* Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1883. №12. С. 337 — 347.
16. *Панов Г. И.* Материалы для истории сектантства в Тульской губернии // ТЕВ. 1883. №13. С. 4 — 13.

17. *Панов Г.И.* Толки старообрядцев об австрийском священстве в Туле // ТЭВ. 1870. №11. С. 273–283.

18. *Парамонова И.Ю.* Сушкины, тульские купцы, фабриканты, банкиры (конец XVIII – нач. XX вв.) // Летопись тульского предпринимательства : коллективная монография. Тула, 2016. С. 154–156.

19. *Полное собрание законов Российской империи.* СПб., 1830. Т. 38 (1822–1823).

20. *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.

21. *Сборник старообрядческих актов второй половины XIX века.* XIX в. // ОР РГБ. Ф. 247. №25.

22. *Соборное объявление от лица св. древлеправославных... церкви о противозаконных действиях не подчиняющегося священнейшей иерархии тульского попа Павла.* XIX в. // ОР РГБ. Ф. 247. №696.

23. *Соколов А.В.* Старовер с гектографом: жизнь Дениса Батова как феномен пореформенного старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. 2019. №18. С. 241–244.

24. *Тихомиров И.* Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900.

Об авторе

Александр Владимирович Соколов – магистрант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Россия.

E-mail: alks_2@mail.ru

The author

Alexander V. Sokolov, Master Student, Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University, Russia.

E-mail: alks_2@mail.ru

И. О. Дементьев

НОМО SOVIETICUS В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

39

Рассмотрены основные направления теоретических поисков в работе зарубежных исследователей (историков, социологов, политологов и других специалистов), занимающихся изучением истории Калининградской области советского периода и использующих понятие *Homo sovieticus* (человек советский). В первой части статьи освещена история понятия «советский народ», активно применявшегося советскими авторами в 1970–1980-х гг. Во второй части охарактеризовано понимание «гомо советикуса», сложившееся в отечественной (прежде всего эмигрантской) литературе позднесоветского периода. В третьей части представлены работы зарубежных исследователей, посвященные проблеме формирования *Homo sovieticus* в Калининградской области (прежде всего факторам советизации и причинам ее провала). Автор приходит к выводу, что применение этой категории не всегда имеет достаточные основания, однако ряд наблюдений зарубежных ученых, несомненно, заслуживает внимания. В заключении дан обзор исследовательских перспектив в изучении истории самого западного российского региона в советский период.

*The article discusses the major areas of theoretical research by foreign scholars (historians, sociologists, political scientists and other specialists), who are engaged in the study of the history of the Kaliningrad region of the Soviet period and use the category *Homo sovieticus* (the Soviet man). The first part of the article covers the history of the concept "Soviet people", actively used by the Soviet researchers in 1970s-1980s. The second part describes the understanding of "Homo sovieticus", which was developed in the national (first of all, in the émigré) literature of the late Soviet period. The third part presents the works of foreign scholars that deal with the aspects of making of *Homo sovieticus* in the Kaliningrad region (first of all, the factors of Sovietisation and the reasons for its failure). The author of the article concludes that the application of this category is not always sufficiently justified, but a number of observations by foreign researchers are undoubtedly worthy of attention. The conclusion provides an overview of research perspectives in the study of the history of the westernmost Russian region during the Soviet period.*

Ключевые слова: зарубежная историография, Калининградская область, советский человек, *Homo sovieticus*

Keywords: international historiography, Kaliningrad region, the New Soviet Man, *Homo sovieticus*

Введение

В настоящей статье я планирую рассмотреть на материале современной зарубежной историографии характер применения понятия *Homo sovieticus* по отношению к жителям Калининградской области

советского времени. Под зарубежной историографией далее будет пониматься совокупность исследований, которые выполнены в странах Восточной, Западной и Северной Европы, а также в США: именно в этих регионах проявляется наибольший интерес к истории и современности российского эксклава на Балтике. Под современным периодом подразумевается последнее тридцатилетие, когда у иностранных коллег появились доступ к российским архивам и возможность проведения эмпирических исследований в Калининграде.

В первой части я кратко характеризую историю понятия «советский народ», которое активно использовалось в позднесоветском гуманитарном дискурсе. Хотя советский народ не следует рассматривать просто как совокупность «советских людей», этот концепт необходимо учитывать при выявлении основных черт конструируемого исследователями *Homo sovieticus*. Во второй части вкратце освещается история понятия «Гомо советикус» в отечественной (прежде всего эмигрантской) литературе позднесоветского периода. Важность этого экскурса обусловлена тем, что некоторые зарубежные авторы заимствуют данное понятие из категориального аппарата российских исследователей. В третьей части обобщены подходы современных ученых к проблеме формирования человека советского в Калининградской области, образованной на территории северной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия. В заключении предложена оценка исследовательских перспектив рассматриваемой проблемы.

1. «Советский народ» – общность советских людей

Хотя понятие «советский народ» использовалось с 1920-х гг. (обозначая поначалу просто население СССР), к 1970-м гг. оно приобрело особое значение, когда интерпретация советского народа как «новой исторической общности» была легитимирована на уровне руководства КПСС. Инициатива тем не менее принадлежала, по всей видимости, все же академическим кругам. Это следует из выступления М. В. Нечкиной на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в июле 1944 г., которая сказала:

Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой – проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это[т] вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно стать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию [18, с. 80].

Несмотря на четко заявленную программу теоретической разработки темы новой и более высокой по отношению к нации «общности людей», потребовалась четверть века для того, чтобы понятие было зафиксировано официально — в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии в 1971 г.¹ В документе констатировалось практическое осуществление ленинской национальной политики, в котором участвовали «все нации и народности нашей страны, и прежде всего великий русский народ» [12, с. 100]. Упомянув «социалистический интернационализм» и «непримиримость к проявлениям национализма и шовинизма», ЦК констатировал: «За годы социалистического строительства в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ**» (полужирный шрифт — в документе) [12, с. 101]. Там же шла речь о «многонациональном советском народе», который своим трудом демонстрировал «монолитную сплоченность».

Семидесятые годы стали временем интенсивной разработки понятия в советской литературе. Утверждение нового концепта происходило в условиях дискуссий между защитниками разных подходов, так что проблема «новой исторической общности» имеет богатую историографию (см., напр.: [11; 14]). Важным было признание ключевой роли Великой Отечественной войны в проверке советского народа на прочность, «в формировании нового человека» [14, с. 5]. Менее чем за десять лет до распада СССР ведущий этнограф Ю. В. Бромлей поместил советский народ в один ряд с другими метаэтническими общностями, говоря о «первой во всемирной истории социалистической интернациональной общности (общности, не имеющей классово-антагонистических противоречий, отличающейся морально-политическим единством, и потому особенно прочной)» [3, с. 391].

После 1991 г. стал очевиден крах концептуального аппарата советской этнографии, по крайней мере в том, что касалось *советского народа*. В Словаре этнографических понятий, изданном в 1995 г., в статье под авторством Ю. В. Бромлея (по всей видимости, доработанной В. И. Козловым после смерти автора) отмечалось, что «обострение межнациональных отношений в СССР в конце 1980-х гг. поставило существование с[оветского] н[арода] под сомнение, а распад СССР на самостоятельные государства вывел этот термин из употребления» [24, с. 86]. Там же проводилась параллель между советским народом и другими

¹ В литературе встречаются упоминания о том, что предложение «В СССР образовалась новая историческая общность — советский народ» было вписано в Третью программу КПСС на XXII съезде КПСС (1961) (в частности, так пишет В. А. Тишков в монографии о российском народе [20, с. 297]), однако в тексте программы этих слов нет, а в воспоминаниях Н. А. Мухитдинова, на которые ссылается В. А. Тишков, как раз наоборот — говорится о том, что в процессе подготовки программы формулировка о «новой исторической общности» была отведена как «надуманная, нереалистическая» [15, с. 510]. В проекте программы она действительно была (см.: [14, с. 6]). Предложение «Сформировалась новая социальная и интернациональная общность людей — советский народ» было включено в текст новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде (1986) [13, с. 126].

социалистическими метаэтническими общностями (югославский, вьетнамский и др. народы). В конце концов один из ведущих российских антропологов В.А. Тишков признал официальное определение понятия «сомнительным, излишне идеологизированным и научно несостоятельным», потому что «ничего принципиально нового в этой общности по государству не было» [20, с. 225]. Тем не менее исследователь считал неправильным отказываться от этого понятия, потому что «советский народ был, как и был советский гражданский национализм без самого слова “нация”» [20, с. 226]. Поздне- и постсоветские этнографические дискуссии отражали борьбу примордиализма и конструктивизма как двух противостоящих подходов к решению вопроса о реальности «новой исторической общности».

Понятие «советский народ» проделало долгий путь легитимации в пропаганде и обусловленном ею (квази)научном дискурсе в Советском Союзе. Несмотря на дискуссии между советскими теоретиками, постепенно утверждалось некоторое единое понимание советского народа как общности людей принципиально нового типа, для которой, в частности, характерно нивелирование национальных различий в перспективе строительства коммунистического общества. Аспекты интернационализации советской культуры в национальных формах и классовой интеграции находились в фокусе внимания теоретиков. Оценивая перспективы научной разработки этой проблематики, они поднимали различные вопросы (от типологии «новых общностей» до роли КПСС в развитии советского народа), однако интерес советских исследователей был в основном сконцентрирован на уровне либо страны в целом, либо национальных (как союзных, так и автономных²) республик — вопрос о региональном измерении процесса формирования советского народа они не ставили. Между тем опыт вновь приобретенных и заселенных советскими переселенцами регионов должен был актуализировать проблему специфики советского народа, его генезиса и факторов развития. В ряду таких регионов Калининградская область могла бы занять достойное место, однако теоретики идеи советского народа не успели начать разработку этой темы.

Несмотря на очевидность проблемы, нуждающейся в теоретическом осмыслении (факторы, благоприятствовавшие и препятствовавшие «выращиванию» советского народа в «лабораторных условиях»), советская историография не ставила и не решала ее. Постсоветские исследователи чаще сосредоточены на конкретно-исторических исследованиях советской Калининградской области (причем преимущественно позднего сталинизма) или на социологических исследованиях современного населения региона. Однако в зарубежной научной литературе интерес к экспериментам руководства страны по формовке *советского человека* не ослабевает.

² Эта тема не исчерпана до сих пор. См., напр., относительно недавний анализ дискуссий по поводу складывания общей памяти советского народа на уровне автономной республики — Бурятской АССР [4].

2. Homo sovieticus: к истории понятия

В зарубежной историографии, посвященной советскому Калининграду, понятие «советский народ» используется крайне редко. Оно, по всей видимости, навсегда осталось достоянием почти герметичной советской историографии³. Между тем многие западные авторы предпочитают, сталкиваясь с советской реальностью как объектом научного описания, использовать другую *полезную категорию исторического анализа* — «человек советский» (в латинской версии — *Homo sovieticus*).

Первые попытки обобщить черты нового типа личности, формирующегося в СССР, были осуществлены не в рамках научного дискурса, а в публицистике и беллетристике. Большую популярность на Западе приобрела книга немецкого журналиста Клауса Менерта «Советский человек» (*Der Sowjetmensch*), которая увидела свет в 1958 г. и выдержала ряд переизданий [47]. Менерт поставил проблему так: в какой мере представитель конкретного народа (русский, украинец и др.) трансформировался в человека советского? Анализ по ряду параметров (семейная жизнь, собственность и благосостояние, личный успех, минимум интеллектуальной свободы) привел автора к ответу, который обнадеживал западного читателя: несмотря на все усилия советских властей, достижение цели (коммунизма) становится все более нереалистичным в ходе удовлетворения повседневных нужд технического и экономического развития, обогащения номенклатуры и общего ослабления «социалистического сознания». Усилия советского режима по производству нового типа человека признавались обреченными на неудачу, что ставило под сомнение и релевантность самого концепта⁴.

Характерно, что рефлексия над феноменом человека советского, развернувшаяся в СССР и затем в среде русской эмиграции, была менее оптимистичной. В недавней статье С.С. Алымов исследовал истоки этой рефлексии в творчестве круга незаурядных отечественных философов А.А. Зиновьева, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищева и Ю.А. Левады, переживавших в 1970-х гг. маргинализацию и идеологическую критику. Эти обстоятельства и объясняют конструирование в их кругу разных вариантов идеи человека советского, живущего в условиях «удушающей “коммунальности”». «В результате, — пишет С.С. Алымов, — они разработали философию личности, служившую своего ро-

³ Исключения (напр., [31; 35]), как правило, относятся к воспроизведению вербальных формул из советских источников. В некоторых случаях применяются оба концепта, но происходит быстрый переход от *советского народа* (*naród sowiecki*) к *советскому человеку* (*człowiek sowiecki, homo sovieticus*), как, например, у М. Зелинского [59, s. 52].

⁴ Критика разворачивалась и по другим линиям аргументации. Так, в 1980 г. Марк Ферро в журнале «Анналы» констатировал тщетность надежд советского руководства на то, что *homo sovieticus* постепенно вытеснит *homo islamicus*: религиозные практики в мусульманских республиках демонстрировали исключительную устойчивость по отношению к советской национальной, религиозной и миграционной политике [37].

да компенсацией, вытесняющей “общество” в качестве иллюзорно-макабрического фона, населенного элементами и зомби» [2, с. 42]. К этой системе представлений восходит и сформулированная в известной публикации начала 1990-х гг. концепция «советского простого человека» Ю.А. Левады [17], которая описывала новый антропологический тип через известную систему категорий (ограниченность, лукавство, двуличие, приспособленчество и т.д.).

Концепция Ю.А. Левады, которая в последние годы неоднократно подвергается обоснованной критике [5; 19], похоже, не отличается большой популярностью в социально-гуманитарных науках за рубежом. Там, по всей видимости, понятие *Homo sovieticus* получило широкое распространение прежде всего благодаря писателю и философу А.А. Зиновьеву⁵. Он ввел его для обозначения «нового типа человека» в сатирическом романе «Гомо советикус», вышедшем в 1982 г. в Лозанне на русском языке [10], а в течение следующих двух лет — на французском, немецком, итальянском, английском и шведском. Любопытно, что сам Зиновьев оперирует и понятием «советский народ»⁶; не отказывается он от слова «народ» и в отношении других общностей в СССР.

Зиновьев, однако, не приписывал себе изобретение понятия: «На Западе, — писал он, — умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название» [10, с. 32]. Далее он саркастично замечает:

...они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. Им невдомек, что мы сделали нечто большее — мы первыми вывели этот новый тип человека, а Запад чуть ли не через пятьдесят лет после этого вводит новое словечко и ценит этот свой вклад в историю неизмеримо выше того, что сделали мы сами. Самомнение Запада достойно насмешки [10, с. 32].

Эпатажная манера изложения, сатирический характер произведения, смешение эссеистики и автоэтнографии привлекли внимание читателей на Западе. Книга получила ряд положительных рецензий — в одной из них, например, зиновьевская характеристика гомо советикуса объяснялась с помощью таких слов, как «мутант», «запрограммированность» и «оболваненная душа» [16, с. 389]⁷. Реже звучала критика — как

⁵ В литературе высказывалась мысль о том, что сатира А.А. Зиновьева была одним из вненаучных источников концепции Ю.А. Левады [19, с. 71].

⁶ Как в контексте относительно серьезных размышлений, когда «советский народ» противопоставляется «властям» [10, с. 35], так и в ироничных формулировках, наподобие такой: «Когда меня спрашивают... я откровенно отвечаю: я прибыл сюда по заданию ЦК КПСС, КГБ и всего советского народа» [10, с. 46].

⁷ Близкие образы у современного интерпретатора: «гигантская образина гнусной Твари, гальванизированной стараниями некоего нового доктора Франкенштейна, племянника Корбузье» [21, с. 475]. В биографии Зиновьева подробно излагаются его рассуждения и описывается реакция в эмигрантской среде [21, с. 472–478].

в случае П. Абовина-Егидеса, отвергавшего псевдопарадоксальную методологию Зиновьева и, в частности, констатировавшего морально-политическую проблему его анализа: «...ведь если в СССР действительно сложилась новая порода людей», то движение Сопротивления лишено перспектив. «К счастью, — резюмировал Абовин-Егидес, — гомо советикус — это миф. Никакого нового, советского человека нет — его придумали, с одной стороны, агитпроп ЦК КПСС, а с другой стороны, А. Зиновьев, как ни странно» [1, с. 238].

Тем не менее понятие оказалось жизнеспособным. Вслед за Зиновьевым⁸ понятием *Homo Sovieticus* оперировал М. Геллер в книге «Машина и винтики. История формирования советского человека», появившейся в 1985 г. на французском и вскоре на русском языке [6]. Сам он, впрочем, указывал не на западные, а на советские корни понятия «Гомо советикус», которое в 1974 г. было введено в официальной советской литературе [6, с. 9]. В анализе Геллера советский человек — новый тип человека, результат эксперимента, «социальной дрессировки». Цитируя А. А. Зиновьева, Геллер обращает внимание на то, что основные черты советского человека в описании официальной пропаганды и зиновьевской сатиры совпадают: «готов встречать трудности... одобряет действия властей; стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения... обладает стандартным идеологизированным сознанием; чувством ответственности за свою страну; готов к жертвам и готов обрекать других на жертвы» [6, с. 29–30] (цитирование не совсем совпадает с оригиналом «Гомо советикуса», представляя собой, вероятно, обратный перевод с французского). Однако Геллер в конечном счете констатирует безуспешность усилий советской власти по сотворению гомо советикуса, обосновывая теоретически расхождение между идеологическим конструктом и реальностью.

Новейшие исследования советского субъекта уже, разумеется, не могут некритично воспроизводить ни публицистические образы А. А. Зиновьева, ни социологические схемы Ю. А. Левады. Характерно, как Алексей Юрчак сформулировал одну из задач своей приобретенной значительную (и заслуженную) популярность книги: «“регуманизировать” простого советского субъекта», что исключает редукцию его описания как к «карикатурно-негативному образу “гомо советикуса”, или “сов-

⁸ Или даже параллельно с ним. Ср. введение к совместной с А. Некричем работе Геллера (1982): «Специфическая особенность — тотальное воздействие правящей партии на все области жизни в размерах, никогда в прошлом не известных, — определила характер всех советских институтов и характер Гомо Советикус, советского человека. Это тотальное воздействие исказило ход нормальных процессов, присущих современным обществам, и привело к возникновению необычного в истории общества и государства» [7, с. 9]. Здесь, впрочем, представлено достаточно схематичное и лишенное парадоксальности описание человека советского. В эмигрантской литературе на 1982 г. встречались и другие характеристики: «...творчество Юрия Мамлеева связано... с советской действительностью... с новым типом человека — гомо советикус, лишенного нравственных ценностей и веры в Бога» [8].

ка»», так и к «героически-романтическому образу “нонконформиста” или “диссидента”» [25, с. 48]. Можно с некоторой осторожностью заключить, что понятие *Homo sovieticus* малопродуктивно для анализа советского прошлого. Однако оно остается востребованным в рефлексии зарубежных исследователей над историей Калининградской области. Как правило, они используют латинскую формулу для определения человека советского. Особенно это важно для научных текстов на английском языке: традиционное “a Soviet Man”, во-первых, совпадает с буквальным переводом советских пропагандистских штампов, а во-вторых, задает двусмысленность, вынуждая читателя выбирать между двумя значениями — *человек* и *мужчина*. Первое затруднение иногда снимается путем введения прилагательного «новый» с прописной — “a New Soviet Man” (см., напр.: [37, р. 76]). Как бы то ни было, латинский термин позволяет обеспечить необходимое для научного дискурса абстрагирование от языка источников.

3. *Homo sovieticus* на крайнем западе России

В отношении средств, которые применяли советские власти для формирования советского человека (не все авторы используют понятие «советский человек»⁹, но все анализируют антропологические аспекты процесса советизации Калининградской области), исследователи в целом согласны: это стирание памяти о Кёнигсберге в Калининграде; новые принципы планирования городского пространства; акцент на коммеморации победы СССР над фашизмом; попытки обосновать права на территорию апелляцией к тезису об «исконно славянских землях»; насаждение, по выражению Б. Хоппе, «стандартной советской культуры» — от календаря праздников до переименования населенных пунктов [22; 27; 28; 30; 31; 36; 43; 44; 48; 52; 53; 57]. Иногда главным средством советизации¹⁰ региона считают его тотальную милитаризацию [30, р. 90–92; 44, р. 48]; порой важный компонент советской идентичности видят в эксплуатации образов космонавтов и пионеров океанического лова — те и другие символизируют советские достижения на пути научно-технического прогресса [41, р. 123–124].

Обращаясь к началу истории области, исследователи выявляют черты первых переселенцев, благоприятствовавшие формированию иде-

⁹ А те, кто применяют, зачастую не вдаются в детали определения этого понятия или не делают эксплицитных ссылок на концепции, в рамках которых они считают его релевантным. Поэтому реконструкция генеалогии концепта обычно затруднена. Редкие исключения среди обсуждаемых в этой статье — польские авторы: К. Женгота [58, s. 116] ссылается на статью А.М. Карпенко, а та — на монографию Г.У. Солдатовой, которая использует понятие в рамках концепции Ю.А. Левады [17]; М. Зелиньский [59; 60] ссылается на книгу М. Геллера. Западные исследователи обычно пишут о *Homo sovieticus* как о само собой разумеющемся понятии, обычно даже не оговаривая, что это идеально-типическая конструкция.

¹⁰ Семиотика советизации как процесса трансфера советских структур недавно вновь привлекла внимание исследователей. См.: [26, S. 354–355].

ального советского человека. Нидерландско-российский социолог Ольга Сезнева подчеркивает, что все переселенцы, хотя и принадлежали более чем к восьми разным этническим группам, говорили на русском языке и, поскольку в большинстве своем прибыли из разоренных войной регионов, ощущали себя «лишенными корней» [52, р. 324]. Польский исследователь Милош Зелиньский выделяет другой фактор: «Новые переселенцы прибыли главным образом из РСФСР, БССР и УССР. Они были преимущественно молодыми и не помнили времена до 1917 г. Если рассуждать в терминах цивилизационного эксперимента, их новый дом был совершенно отличным от прежнего. Для московских властей область, таким образом, была совершенным местом для создания *Homo Sovieticus*» [60, р. 3–4]. На молодости и неопытности новых советских администраторов делает акцент и американский историк Николь Итон: «Они привезли с собой интуитивное понимание теории и практики социализма» [36, р. 43].

Говоря об особенностях начального этапа советизации в области, необходимо обратить внимание на региональную специфику понятия космополитизма, которое именно здесь наглядно отражало двойственность советского дискурса. В той мере, в которой марксизм вытекал из традиции Просвещения, космополитический идеал (всемирно-гражданская точка зрения, по Канту) мог бы стать элементом советской идеологии, интернационализмом *par excellence* (хотя бы в отдаленной перспективе). Известно, что этого не произошло — в позднесталинский период космополитизм, понимаемый как «низкопоклонство перед Западом», оказался объектом политической репрессии. Случай Калининграда должен быть исследован особенно тщательно — ведь здесь советский человек непосредственно усваивал некоторые нормы западного образа жизни. Ольга Сезнева в главе недавней коллективной монографии «Космополитизм в конфликте» специально обращается к этой теме и приходит к выводу, что в политической сфере космополитизм имел исключительно негативный смысл, но на уровне повседневной культуры ситуация была более сложной: желание советских людей иметь лучшие материальные условия служило одним из мотивов переселения в бывшую Германию, а в быту они неизбежно встречались с другой культурой (что иногда, вопреки намерениям властей, порождало чувство зависти и комплекс неполноценности) [54, р. 291].

Анализ фигуры человека советского в самом западном российском регионе открывает богатые перспективы для метафорического описания прошлого. Как одновременно «лабораторию и дом для новой породы *Homo Sovieticus*» трактует Калининград британский исследователь Макс Кеттенакер [42, р. 58], с ним согласны и другие авторы [37, р. 8]; «*Homo sovieticus* в Кёнигсберге должен был быть отлит в чистой форме», указывает немецкий историк Андреас Коссерт (его цитирует польская исследовательница Моника Вуйцик-Жолондек) [43, S. 340; 57, s. 259]; «идеальной пробиркой для *Homo Sovieticus*» в силу отсутствия национальной идентичности называет Калининградскую область бельгийский политолог Йос Клаис [33, s. 29].

Самое детальное описание генезиса *homo sovieticus* (człowiek radziecki) в Калининградской области дал польский историк и социолог Анджей Саксон. Коммунистические идеологи, пишет он, воспринимали регион как идеальное место для эксперимента в сфере социальной инженерии. Саксон выделяет ряд предпосылок создания нового человека: в первую очередь, отсутствие всякой собственности у новопоселенцев; всеми средствами производства безраздельно здесь владело государство. Отрыв переселенцев от корней в географическом смысле, с одной стороны, предопределял недостаток материальных традиций на новом месте жительства, с другой — был идеальным условием для образования «новой советской общественной действительности» [50, s. 293]. Разрыв с немецким прошлым в Калининградской области протекал радикальнее, чем в польских Вармии и Мазурах или литовской Клайпедде. К важным факторам относились также закрытость региона, молодой возраст переселенцев (приезжавших в том числе для того, чтобы «освободиться от традиций», но, разумеется, неспособных избежать при этом тоталитарного контроля), беспрецедентная в масштабах страны политика полной атеизации региона. «В этих условиях массивное воздействие пропаганды и функционирующая в течение десятилетий система образования, культурных учреждений, средств массовой информации в значительной мере повлияли на ментальность жителей области, внося вклад в формирование *homo sovieticus*» [50, s. 296].

От обсуждения предпосылок формирования образцового советского региона многие исследователи переходят к характеристике причин, по которым эта политика провалилась: медленные темпы восстановления городов из-за финансовых, кадровых и иных ресурсных затруднений [27; 28], а также бесхозяйственного отношения к «чужому» [22]; скудость археологических и исторических доказательств исконности «древней славянской земли» [28] и обусловленная этим фактом (как и нехваткой средств) утопичность политики по созданию «виртуального русского прошлого» [22, с. 249]; переоценка прошлого в среде самих калининградцев уже начиная с 1950-х гг. [28; 30]. Немецкий историк Берт Хоппе выделяет еще один фактор — «всеобщую неуверенность относительно будущего этого региона» [28, с. 253]. Формированию «нового советского человека» неизбежно мешали долго сохранявшиеся в центре Калининграда немецкие руины, как полагает британский историк Джереми Фримэн [38, p. 76]. Роль «физического опыта городского пространства» на нескольких примерах 1960–1980-х гг. анализирует О. Сезнева, приходя к выводу, что материальность памяти нередко оказывалась сильнее ее нарративных форм [53, p. 174].

Особое место занимает религиозный фактор. Американский историк Дэвид Кейт Бриджес отмечает значение православия для русской национальной идентичности и констатирует обман ожиданий переселенцев по этому поводу [30]; немецкий историк Пер Бродерзен усматривает причины краха советской атеистической политики в том, что на микроуровне — в среде рядовых коммунистов на местах — сохранялось нейтральное или даже позитивное отношение к православию [32];

польский историк (и ксендз) Ежи Стецкевич показывает, как у советских граждан религиозная идентичность постепенно вытесняла национальную (на примере самоидентификации калининградских белорусов и украинцев как православных либо католиков) [55, s. 390].

Среди зарубежных исследователей нет тех, кто констатировал бы полный успех в формировании человека советского, и мало тех, кто пришел бы к выводу о полном провале этого проекта¹¹. Обычно они отмечают противоречивость этой политики, в результате которой население региона все же стало преимущественно русским и обычным советским, без местной специфики [48, p. 273–274], или обращают внимание на относительную успешность атеистической политики в доперестроечный период [33, s. 45]. Глубоко пессимистичное видение результатов реализации советского проекта остается характерным для некоторых интеллектуалов, прежде всего для писателей, чутко воспринимающих социокультурные процессы и отражающих их в художественной форме. Так, Зиновий Зиник в финале повести «Нога моего отца» (2004) описывает «индустриальную цивилизацию из кошмара Иммануила Канта», которую он лицезрел в советском Калининграде. Главный герой этой цивилизации, основанной на марксистской логике, — «современный кентавр», «синтез человеческой плоти и железной машины... прошедший катастрофы двадцатого столетия», «магический человеко-робот с компьютерными мозгами, новый Голем — протез человеческой души. В том же смысле, в каком Калининград — это железобетонная оболочка, “протез” ампутированного духа Кёнигсберга» [9]. Такой образ, усиленный технической и медицинской метафорикой, позволяет британскому слависту Уиллиаму Блэйкеру описать Калининград как «место, которое изуродовано двадцатым веком и грубо собрано по частям» [29, p. 614]¹². Литературная традиция от А. А. Зиновьева до З. Зиника на протяжении нескольких десятилетий с успехом эксплуатирует одни и те же образы для характеристики советской действительности, однако наука не может позволить себе этого.

Творческий подход к определению специфического типа человека советского в калининградском контексте проявляется в других формах. Некоторые исследователи создают новые таксономические единицы. Так, П. Бродерзен предложил использовать категорию *Homo sovieticus kaliningradensis* (человек советский калининградский) [31, S. 177–179]. Исследователь описывает его как идеальный тип жителя области, сконструированный позднесталинской пропагандой. Для первого послевоенного поколения война продолжалась, но новое пространство жизни

¹¹ Например, так можно понять вывод А. Саксона: «Результат усилий по созданию “нового человека” на руинах прошлого — отрицательный. Калининградская область с течением времени превратилась в регион, охваченный апатией и подвергшийся *уравниловке*» [50, s. 325].

¹² Эта модель описания раннесоветского Калининграда, несомненно, отличается от той, что исходит из образа «чистой доски» (*tabula rasa*), с помощью которого также нередко характеризуется советский проект в бывшей Восточной Пруссии [40, p. 245].

должно было стать Родиной, а не местом постоянных сражений [31, S. 178]. Вопреки стереотипному мнению о тщетных усилиях по лишению калининградца национальных черт, Бродерзен аргументированно доказывает, что на самом деле противоречия не было: в основном калининградцы были русскими, чувствовали себя в российском регионе дома и идентифицировали русские национальные интересы с интересами советскими. Историк не показывает, как эволюционирует *советский человек*, но весь ход изложения свидетельствует, что в послесталинские годы усилия властей по формированию нового типа человека постепенно обнаружили свою несостоятельность.

Подход Бродерзена развивает датская исследовательница Эва Биргитта Дуберг Нильсен, которая акцентирует внимание на задачах по архитектурному переустройству Калининграда. Рассматривая первое послевоенное десятилетие (прежде всего, правда, на основе периодики, а не документов), она формулирует исходное положение советской политики: «...тяжелую повседневную жизнь людей в еще не достроенном городе можно облегчить, объединив их в рамках идентичности “калининградцев”, но все же как часть советской нации (*nation*) и, таким образом, определив их как *homo sovjeticus kaliningradensis*» [34, s. 26]. Советский человек на западной границе должен был быть выносливым и стойким первопроходцем, одновременно принадлежащим к «героическому русскому народу»:

Градостроители и архитекторы Калининграда хотели и должны были создать для его жителей город, который олицетворял бы собой борьбу, которую пережил Калининград, и отдавал бы ей должное, возводя различные мемориалы в память о великой победе. Так была укреплена конструкция *homo sovjeticus kaliningradensis* [34, s. 26–27].

Анализ Дуберг Нильсен приводит ее к заключению, что главным фактором формирования специфической советской идентичности была градостроительная политика — эта идентичность непосредственно выражалась в городском пространстве (правда, ее анализ нуждается в дополнении характеристикой политики советизации в сельской местности).

Вид *Homo sovieticus* приобрел еще один подвид в концепции французского культургеографа Оливье Рокпю. Он помещает в центр рефлексии важный источник геополитической идентичности калининградцев — океаническое рыболовство как отрасль хозяйства, в которой была занята едва ли не большая часть населения. Его формулировка для определения этой идентичности — *homo sovieticus oceanicus* (*человек советский океанический*). Парадоксальным образом многие калининградцы, проживая в закрытом регионе, оказывались открыты миру благодаря своей вовлеченности в процессы освоения Мирового океана. Это обстоятельство отразилось и на характере региональной культуры, и на структурах повседневной жизни (от импорта западных товаров до распространения иностранных языков) [49, p. 129–131]. «Таким образом, — подытоживает Рокпю результаты советизации региона к 1991 г., — ка-

лининградец оказался совершенным *homo sovieticus*, укорененным в СССР мирового масштаба, квинтэссенцией которого была Калининградская область – СССР в квадрате» [49, p. 174]. Необходимо отметить, что О. Рокplo делает оговорку по поводу правомерности использования понятия: «Если калининградец бесспорно является неким *homo sovieticus*, то это прежде всего *homo sovieticus oceanicus*...» [49, p. 131]. Однако его аргументация имеет далеко идущие последствия – исследователь настаивает на необходимости отказа от распространенного стереотипа о калининградской советской идентичности «без местной специфики»: на самом деле океаническое рыболовство репрезентируется как целостный «социальный мир»: «Если *homo sovieticus* существует, то в Калининграде это совершенно оригинальный *homo sovieticus oceanicus*» [49, p. 323].

Заключение

Использование зарубежными авторами категории *Homo sovieticus* (в частности, при анализе истории самого западного советского региона), как правило, не сопровождается ее внятным теоретическим описанием. Более того, иногда авторы строят на ее основе чисто умозрительные схемы, выдвигают гипотезы без убедительной аргументации, недостаточно привлекают фактический материал. Тем не менее вышеприведенный обзор показывает, что применение понятия *Homo sovieticus* может приобретать некоторую эвристическую ценность. Обсуждение стратегии советских властей (или ее отсутствия), выявление региональной специфики политики советизации, характеристика причин провала этой политики – имеющийся корпус исследований существенно обогащает наши представления о прошлом российского региона, хотя, возможно, это достижение было бы таким же и без включения латинского словосочетания с налетом публицистичности в категориальный аппарат. В то же время анализ современной историографической ситуации позволяет определить наиболее перспективные направления дальнейшей работы.

Во-первых, обращает на себя внимание, что практически во всех исследованиях *человека советского* отсутствует гендерная перспектива. Она не выходит за пределы ритуальных политкорректных оговорок – как, например, у британского историка Штефана Бергера, который пишет, что власти планировали создать из Калининграда «образцовый город нового советского мужчины (и женщины)»¹³. Однако исследований, сфокусированных на коллективном опыте калининградских женщин (и мужчин), пока нет; изредка встречаются отдельные суждения, которые не опираются на глубокий анализ источников. Например, Петер Саводник предполагает, что женщины лучше мужчин адаптировались к постсоветской ситуации, в том числе в части переосмысления своей

¹³ В оригинале: «...a model city of the new Soviet man (and woman)» [28, p. 345].

идентичности после краха привычного образа жизни [51, р. 16]. Этот сюжет, несомненно, требует отдельного исследования, особенно с учетом очевидного гендерного дисбаланса на ранней стадии истории региона.

Во-вторых, не поставлена пока всерьез проблема стратегий эксклюзии, которые применялись властями в отношении населения Калининградской области. Б. Хопше, правда, пишет вскользь о том, что советские граждане, принадлежавшие к «враждебным народам» (чеченцы, ингуши и другие подвергавшиеся депортациям народы), в сталинское время не имели возможности селиться в области [23, с. 197], и предлагает рассматривать более широкий (вплоть до общеевропейского) контекст, в котором советское руководство минимизировало присутствие потенциально враждебных народностей в стратегически значимом регионе. К этим народностям в конечном счете принадлежали и немцы. Население области стало гомогенно советским только к 1950 г. [52, р. 326], однако вопрос о том, входило ли немецкое население в какой-то степени в «советский народ», в литературе почти не обсуждается. Традиционный взгляд на эту проблему выражен в работе немецкого историка Герхильд Лушнат, детально охарактеризовавшей положение немцев в послевоенной области и описавшей невозможность их интеграции в советское общество [45; см. также: 30, р. 68–76]. По-новому эту проблему в последние годы ставит американский историк Николь Итон. В диссертации 2013 г. она констатировала на основе немецких свидетельств о первых послевоенных годах, что немцы «охотно перевоплощались в новых... советских мужчин и женщин», отказываясь от норм морали ради выживания [35, р. 277]. В этой трактовке склонности к воровству, зависти, недоверия как имманентных черт человека советского просвещает старая добрая концепция гомо советикуса, хотя Итон и не использует это понятие. В недавней статье [36] она обращается к проблеме двойственности (сочетания эксклюзии и инклюзии) советской политики в отношении немецкого населения¹⁴. Вполне вероятно, что в дальнейшем анализе этой проблемы возникнет необходимость реконцептуализировать понятие «советского народа».

Третья тема, к которой только подступают современные исследователи, — космополитизм и региональная специфика борьбы с ним. Анализ этой проблематики на основе широкого круга источников будет ценным не только для региональной, но и для национальной истории в целом, поскольку откроет более нюансированную картину культурного взаимодействия России и Запада в XX столетии.

В-четвертых, характерно, что использование концепта *Homo sovieticus* в отношении калининградцев стимулирует постановку вопроса о степени уникальности положения самого западного российского региона. В последние годы, впрочем, зарубежная историография чаще акцентирует внимание на типичности советской политики в отношении всех вновь присоединенных территорий [46]. Даже кампания по то-

¹⁴ Кратко об этой двойственности, когда немцы были лишены возможности получить советское гражданство, но несли ответственность в рамках советского законодательства, пишет О. Сезнева [54, р. 275–276].

тальному переименованию населенных пунктов в Калининградской области, которая долгое время виделась беспрецедентной, сегодня пересматривается и помещается не только в общесоветский, но и в общеевропейский контекст [39]. Однако Калининградская область действительно отличалась почти стерильными условиями для экспериментов в сфере социальной инженерии, и изучение регионального опыта может быть ценным не только с точки зрения локальной тематики.

Наконец, до сих пор основное внимание исследователей было сосредоточено на советском периоде, причем прежде всего на первом послевоенном десятилетии, когда политика властей выглядела системной. Она приобретает противоречивость уже к середине 1950-х гг., и эти противоречия сохраняются вплоть до конца советской эпохи. Но переход от советского типа личности к постсоветскому практически не изучен. Норвежский политический антрополог Эйрик Штрём обращает внимание на то, что в период Перестройки «интернационалистическая модель 'homo sovieticus'» получает множество альтернативных идентичностей, опирающихся на культуру и этничность [56, р. 74]. Что случилось с *человеком советским* в бурной второй половине 1980-х гг.? Как интерпретировать ранний постсоветский опыт — эволюционировал ли *Homo sovieticus*? Каково значение этой аналитической категории для анализа постсоветских обществ первых десятилетий XXI в.? Даже если считать ее нерелевантной, поиск ответов на эти вопросы может принести плоды и для понимания противоречивого советского прошлого, и для теоретического обновления категориального аппарата социальных наук.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «"Советский народ" на крайнем западе России: теория и практика формирования "новой исторической общности" в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Абовин-Егидес П. В погоне за парадоксами (По поводу публицистики А. Зиновьева) // Форум (Мюнхен). 1983. №5. С. 215–238.
2. Алымов С.С. О личностях и элементах: позднесоветская социальная философия от марксистского гуманизма к идее Homo sovieticus // Антропологический форум. 2020. №47. С. 11–52.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
4. Варнавский П. Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР) // Ab Imperio. 2004. №4. С. 239–262.
5. Габович М. К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. М., 2010. С. 340–366.
6. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. Л., 1985.
7. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Л., 1982. Т. 1.
8. Глезер А. Вместо предисловия // Мамлеев Ю. Изнанка Гогена. Париж ; Нью-Йорк, 1982. С. 3.

9. Зиник З. Нога моего отца // Урал. 2005. №7. URL: <http://uraljournal.ru/work-2005-7-436> (дата обращения: 01.09.2021).
10. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Lausanne, 1982.
11. Ким М. П., Шерстобитов В. П. Советский народ – новая историческая общность людей. М., 1975.
12. КПСС. Съезд, 24-й. Стенографический отчет 30 марта – 9 апр. 1971 г. М., 1971. Т. 1.
13. КПСС. Съезд (27; 1986; Москва). Материалы XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
14. Куличенко М. И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности (историография) // Вопросы истории. 1979. №4. С. 3–23.
15. Мухомидинов Н. А. Река времени. От Сталина до Горбачева. М., 1995.
16. Сапир К. В фокусе вогнутого зеркала // Континент. 1983. №35. С. 388–392.
17. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / отв. ред. Ю. А. Левада. М., 1993.
18. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. №2. С. 47–86.
19. Титков А. С. Призрак советского человека // Социология власти. 2019. Т. 31, №4. С. 53–94.
20. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
21. Фокин П. Е. Зиновьев: Прометей отвергнутый. М., 2016.
22. Хоппе Б. Борьба против вражеского прошлого: Кёнигсберг / Калининград как место памяти в послевоенном СССР // *Ab Imperio*. 2004. №2. С. 237–268.
23. Хоппе Б. Кёнигсберг/Калининград в XX в. – фокус современной европейской истории // Балтийский регион в истории России и Европы. Калининград, 2005. С. 190–200.
24. Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. В. И. Козлов. Вып. 6. М., 1995.
25. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение [2005]. М., 2014.
26. Ackermann F., Urbansky S. Einleitung – Introduction: Reframing Postwar Sovietization: power, conflict, and accommodation // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 2016. Bd. 64, H. 3. S. 353–362.
27. Amundsen M. Taking it to the streets: getting to the real gritty, grubby through autoethnography. Yearning, discovery, home : PhD diss. Tallinn, 2017.
28. Berger S. How to be Russian with a difference? Kaliningrad and its German past // *Geopolitics*. 2010. №15. P. 345–366.
29. Blacker U. Writing from the Ruins of Europe: representing Kaliningrad in Russian literature from Brodsky to Buida // *The Slavonic and East European review*. 2015. Vol. 93, №4. P. 601–625.
30. Bridges D. K. In Moscow's image? Creating Soviet state and society in Kaliningrad province, 1945–70 : PhD diss. Charlottesville, 2008.
31. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen, 2008.
32. Brodersen P. "Christus hat uns nicht vergessen". Sowjetmacht und religiöse Praxis an der sowjetischen Peripherie, Kaliningrad 1946–1950 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2004. Bd. 52, H. 4. S. 571–584.
33. Claey's J. Van Kant tot Kalinin. Identiteit en identiteitspolitiek in Kaliningrad : Master thesis. Ghent, 2016.
34. Duberg Nielsen E. D. Byplanlægning i Kaliningrad og udviklingen af en sovjetisk identitet // *Arbejderhistorie*. 2012. №3. S. 19–32.

35. Eaton N.M. Exclave: politics, ideology, and everyday life in Königsberg-Kaliningrad, 1928 – 1948: PhD Thesis. Berkeley, 2013.

36. Eaton N. Provisional redemption and the fate of Kaliningrad's Germans // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21, №1. P. 41 – 72.

37. Ferro M. *Homo islamicus, homo sovieticus* (note critique) // *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 1980. №3 – 4. P. 663 – 669.

38. Freeman J. From German Königsberg to Soviet Kaliningrad. Appropriating place and constructing identity. L. ; N.Y., 2020.

39. Freitag S. Ortsumbenennungen im sowjetischen Russland. Mit einem Schwerpunkt auf dem Kaliningrader Gebiet. Kiel, 2014.

40. Gaál X. The city of K. (Königsberg / Kaliningrad) as a cultural phenomenon: cultural memory, the myth and identity of the city // *Postcolonial Europe? Essays on post-communist literatures and cultures* / ed. by D. Pucherova, R. Gáfrík. Leiden ; Boston, 2015. P. 243 – 259.

41. Horenbeek C. Paysage urbain et identités collectives à Kaliningrad // *Connexes: Les espaces postcommunistes en question(s)*. 2020. №6. P. 117 – 154.

42. Kettenacker M. The Castle, the Cathedral, the monster and the Fishing Village – a history of Königsberg and Kaliningrad // *Scroope: Cambridge Architectural Journal*. 2005. Vol. 17. P. 56 – 65.

43. Kossert A. *Ostpreußen: Geschichte und Mythos*. München, 2005.

44. Lopata R. Anatomy of a hostage: Kaliningrad anniversary case. Tartu, 2006.

45. Luschnat G. Die Lage der Deutschen im Königsberger Gebiet. Frankfurt a/M, 1996.

46. McIvor M.C. Soviet policy towards the new territories of the RSFSR, circa 1939 to 1953 : PhD thesis. 2012.

47. Mehnert K. *Der Sowjetmensch. Versuch eines Porträts nach zwölf Reisen in die Sowjetunion 1929 – 1957*. Stuttgart, 1958.

48. Oldberg I. The emergence of a regional identity in the Kaliningrad Oblast // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, №3. P. 269 – 288.

49. Roqueplo O. La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique: thèse de doctorat. Paris, 2017.

50. Sakson A. *Od Kląpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kląpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury*. Poznań, 2011.

51. Savodnik P. Kaliningrad // *The Wilson Quarterly*. 2003. Vol. 27, №2. P. 16 – 22.

52. Sezneva O. Historical representation and the politics of memory in Kaliningrad, former Königsberg // *Polish Sociological Review*. 2000. №131. P. 323 – 338.

53. Sezneva O. Tenacious place, contingent homeland: making history and community in the repopulated city of Kaliningrad : PhD diss. N. Y., 2005.

54. Sezneva O. From Kantian Cosmopolitanism to Stalinist Kosmopolitizm: the making of Kaliningrad // *Cosmopolitanism in conflict. Imperial Encounters from the Seven Years' War to the Cold War* / ed. by D. Gusejnova. L., 2018. P. 271 – 294.

55. Steckiewicz J. *Kościół katolicki w obwodzie Kaliningradzkim w latach 1945 – 2009*. Kraków, 2013.

56. Strøm E. *On Foreign Soil: Nostalgia and Social Drama Among Political Activists in Kaliningrad* : Master thesis. Oslo, 2012.

57. Wójcik-Żołądek M. *Od Königsberga do Kaliningradu. Nazwy miast jako miejsca pamięci* // *Przegląd zachodni*. 2014. Z. 2. S. 254 – 273.

58. Zęgota K. *Diaspora polska w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej*. Toruń, 2014.

59. Zieliński M.J. Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku : rozprawa doktorska. Warszawa, 2017.

60. Zieliński M.J. Subjects of the Empress. Wider Context of Regional History Education on East Prussia and Identity Processes in Contemporary Kaliningrad Oblast // Sprawy Narodowościowe. Seria nowa. 2018. T. 50. <https://doi.org/10.11649/sn.1629>.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев – канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IDementev@kantiana.ru

А. А. Давиденко, М. Е. Мегем

«ПОЛИТИЧЕСКИ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЕ,
ИДЕЙНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНО
ГРАМОТНЫЕ МЕСТНЫЕ ПЕРЕДАЧИ»:
НОВОСТНАЯ ПОВЕСТКА КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1947 ГОДУ

57

Рассмотрено новостное содержание информационной среды в Калининградской области как новом советском регионе в 1947 г., когда здесь сформировались основные средства массовой информации первых послевоенных лет. Авторы статьи описывают процесс институционализации радио и прессы, а также на основе текстов городских и районных газет, радиопередач анализируют ключевые тематики и сюжеты. Сделаны следующие выводы: преобладавший позитивный, идеологически выдержанный тон сообщений радио и газет создавал картину активного послевоенного развития Калининградской области, что должно было способствовать закреплению прибывавших в регион советских переселенцев. Средства массовой информации постоянно напоминали населению области о ее неразрывности с остальным Советским Союзом через оповещение жителей о событиях и процессах, происходивших в стране в целом, а также через использование понятий «наша Родина» и «наша страна». В прессе подчеркивалось, что калининградцы являются частью советского народа и наряду с остальными гражданами СССР участвуют в общем деле развития страны. В то же время высокие показатели оттока переселенцев из области в послевоенные годы наводят на мысль о том, что работа местных средств массовой информации не могла замаскировать имевшиеся проблемы.

The article considers the news content of the information environment in the Kaliningrad region, the new Soviet region, in 1947, when the main media of the first post-war years were formed here. The authors describe the process of organisation of radio and press. They also analyse key topics through the texts of Kaliningrad and district newspapers as well as radio programmes. The research draws the following conclusions: the tone of radio and newspaper reports, which was ideological and prevalingly positive, created a picture of the active post-war development of the Kaliningrad region. This measure should have helped to make the settlers arriving in the region stay here. The mass media "reminded" the population of the region of its inseparability from the rest of the Soviet Union by informing residents about events and processes that were taking place in the whole state and by using the categories "our homeland" and "our country". The press emphasised that residents of the Kaliningrad region were a part of the Soviet people and along with the rest of the citizens of the USSR were involved in the overall development of the country. At the same time, the high rate of emigration from the region in the post-war years suggests that the work of the local media could not mask the problems that existed.

Ключевые слова: заселение Калининградской области, советские газеты и радио, советские новости, советский народ, СССР

Keywords: settlement of the Kaliningrad region, Soviet newspapers and radio, Soviet news, Soviet people, USSR

По итогам Второй мировой войны, подведенным на Потсдамской конференции в июле – августе 1945 г., к СССР в качестве компенсации за причиненный нацистской Германией ущерб отошла часть бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, и 7 апреля 1946 г. на этой территории возникла Кёнигсбергская область, переименованная 4 июля того же года в Калининградскую. В рамках послевоенного восстановления страны предстояло превратить разоренную войной землю в благоустроенный советский край. С этой целью 9 июля 1946 г. И. В. Сталин подписал постановление №1522 Совета министров СССР, положившее начало организованному заселению Калининградской области советскими гражданами из ряда областей и республик в составе РСФСР (в том числе Мордовской, Марийской и Чувашской АССР) и Белорусской ССР.

У властей появлялись основания для того, чтобы уделять настроениям граждан на этой территории особое внимание. С одной стороны, регион стал пограничной территорией на западе советского государства, к тому же здесь частично сохранилась немецкая застройка, а на улицах зачастую присутствовали надписи и указатели на немецком языке. В совокупности это создавало у приехавших туда советских людей ощущение оторванности от остальной страны. С другой стороны, остатки немецкой материальной культуры – та же архитектура и предметы быта – вызывали у советских людей не только объяснимые враждебные чувства, но и интерес, поскольку многое, чем пользовались немцы в быту, было для советских граждан новым. Так, переселенец А. С. Карандеев вспоминал:

В России жили в деревянных домах, а сюда приехали и как в сказочную страну попали: полы паркетные, печи кафельные, стены крашеные. Краска тогда у нас была редкостью [5, с. 68].

Надо признать, впрочем, что иногда реакция была и прямо противоположной [5, с. 66–67]. Наконец, контакты советских граждан с еще оставшимся в области после войны немецким населением в некоторых случаях имели недопустимые для официальных властей проявления, например в виде сожительства, иногда приводившего к рождению детей. В глазах политического руководства эти обстоятельства создавали потенциальную угрозу монолитности советского общества в новом регионе и угрожали осложнить советизацию области. Соответственно, поддержание в сознании прибывших в новый край их советской идентичности становилось делом государственной важности, и особое значение здесь приобретали средства массовой информации, служившие основным рупором власти.

В настоящей статье рассматривается новостное содержание информационно-среды, которая формировалась в процессе советизации Калининградской области и в которой жило ее советское население. В центре внимания находятся материалы радиопередач и газет как массовых источников, рассчитанных на охват всего населения области. В качестве хронологических рамок исследования определен 1947 год

как время начала формирования в Калининградской области основных средств массовой информации — радио и прессы, а также их воздействия на жителей региона.

В ходе стартовавшего освоения советскими людьми новой области было важно обеспечить бесперебойную работу средств массовой информации. С учетом этого уже в первые послевоенные месяцы началось восстановление целлюлозно-бумажной отрасли, и в 1945 г. была произведена первая бумажная продукция заводами в Кёнигсберге (с 1946 г. — Калининград) и фабрикой в Велау (с 1946 г. — Знаменск).

По мере решения вопроса с обеспечением области бумагой открывались редакции местных газет в наиболее крупных населенных пунктах. Пионерами в этом стали работники редакции «Калининградской правды», первый номер которой вышел в свет в декабре 1946 г., а уже в 1947 г. в регионе насчитывалось почти два десятка изданий. Помимо областного центра редакции газет работали в Балтийске («Страж Балтики» с 1946 г.), Большаково («Ленинское знамя»), Гвардейске («Сталинское знамя»), Гурьевске («Коммуна»), Гусеве («За доблестный труд»), Железнодорожном («Знамя коммуны»), Зеленоградске («Приморский большевик»), Краснознаменске («Красное знамя»), Немане («Ленинец»), Нестерове («Ленинский путь»), Озёрске («Знамя труда» и «Озёрский колхозник»), Полесске («Идеи Ильича» и «Колхозная жизнь»), Правдинске («Верный путь» и «Колхозная правда»), Славске («Колхозная слава»), Советске («Большевик» и «Знамя коммунизма») и Черняховске («Коммунист» и «Сталинец»).

К 1947 г. тиражи газет в небольших населенных пунктах, как в случае с гурьевской «Коммуной» или зеленоградским «Приморским большевиком», достигали 1 тыс. экземпляров, тогда как основная газета областного центра «Калининградская правда» выпускалась тиражом 14 тыс. экземпляров. В течение года ее тираж постепенно увеличивался. Представление о том, какое значение имело появление советских газет для первых переселенцев, дают воспоминания работницы роддома №1 Н. Грязевой:

Кругом разруха, немецкая речь и готические буквы на уцелевших вывесках. Свет, вода подавались с перебоями. Зачастую работу у себя в рентген-кабинете мы начинали в 22–23 часа, так как днем электроэнергии не хватало. Редко где увидишь дымящую фабричную трубу. Еле ползущие облезлые трамваи без стекол... И вдруг — газета! У нас, приехавших сюда, в поверженный Кёнигсберг, исчезло чувство оторванности от «большой земли» (цит. по: [26]).

Как видно, обстановка разрухи и непривычное окружение формировали у приехавших сразу после войны в область советских людей ощущение изолированности от основной части Советского государства. Средства массовой информации на родном языке должны были помочь преодолеть такие настроения.

Параллельно велась работа по организации радиовещания. Первые результаты были заметны уже в 1946 г. — в марте в Кёнигсберге звучало

советское радио, а к октябрю в домах калининградцев работники Калининградской радиотрансляционной сети установили в общей сложности 1 тыс. радиоточек [27, с. 10]. В январе 1947 г. начал работу Калининградский областной радиокомитет, а затем организация радиовещания началась в районах области. Так, приказом по Калининградскому областному радиокомитету от 16 апреля 1947 г. была учреждена редакция узлового радиовещания в Советске, а в августе — в Черняховске [9, л. 4, 20], далее с сентября было положено начало радиовещанию в Краснознаменском районе, а с ноября — в Гвардейском и Полесском районах [9, л. 28, 38, 41]. На первых порах радиовещание было преимущественно централизованным: по мере восстановления инфраструктуры области на улицах появлялись громкоговорители, с помощью которых местные жители узнавали последние новости или иную информацию. Вместе с тем длительность радиоэфиров была относительно непродолжительной: тексты приказов по Калининградскому областному радиокомитету показывают, что среднесуточный объем вещания по районам области в 1947 г. составлял 30 минут [9, л. 4, 20, 38], частью которого был 15-минутный выпуск новостей (см., напр.: [11, л. 37а]).

И все же газеты и радио не могли охватить все население области, которое к этому времени уже превысило 200 тыс. человек [17, с. 89]. Выходом из этой ситуации было определение в учреждениях и на предприятиях работников, в задачи которых входило информирование трудовых коллективов о происходившем. Одна из жительниц области, приехавшая в числе первых переселенцев после войны в регион еще ребенком, вспоминает, как сообщали новости на работе у ее мамы:

У них были, как это у медиков сейчас называется, пятиминутки, политинформация... Был докладчик, который три раза в неделю все новости выкладывал: в цеху, в отделе. Специально были люди, которые обсуждали, говорили, и это было все на виду [30].

Отдельного внимания заслуживает содержание передававшейся по радио и в газетах информации. Оно определялось принципом «население должно знать то, что ему следует знать». Согласно распоряжениям председателя областного радиокомитета И.Х. Безверхова, в эфир должны были выходить «политически целеустремленные, идейно-содержательные и литературно грамотные местные передачи» [9, л. 4], а за корректностью всего, что звучало по радио и печаталось в газетах, следил зоркий глаз цензуры (о работе цензоров см. подробнее: [17, с. 285–293]). Как указывает В.Н. Маслов, «удовлетворение психологической потребности переселенцев, а затем и коренных жителей края в определении формулировки того, чем же является для них регион, взяли на себя коммунистические и советские управленческие структуры, идеологические органы. Представление о регионе они формировали, в частности, через областную печать. Безусловно, данный образ был официальным...» [20, с. 26].

Бытовые трудности послевоенной жизни в Калининградской области по-разному действовали на людей, поднимавших здесь народное

хозяйство. Наряду с оптимистами находились и те, кто изъявлял желание как можно скорее вернуться в родные края. В их числе встречались и специалисты, командированные в область на восстановительные работы. Риск распространения подобных настроений создавал угрозу срыва планов восстановления народного хозяйства, поэтому средства массовой информации не афишировали стремления покинуть Калининградскую область, а там, где вскользь упоминалось об этом, на первый план выдвигались примеры советских граждан, пожелавших остаться здесь и после решения задач, для которых они были командированы. Так, в общественно-политической передаче на тему «Остаюсь на новой Советской земле» рассказывалось о В.Е. Калашникове, который о своих первоначальных планах и появившихся позднее мотивах поселиться тут говорил так:

Завод вступил в строй. Я имел право его оставить, возвратиться в свой город. Но я задумался: ведь это был мой завод, восстановленный моими руками и сотнями таких, как я! Почему я должен уезжать? А кто будет работать вместо меня? На эти вопросы у меня был один ответ: я нужен на новой советской земле, нужен заводу. И вот я остался... [11, л. 54].

В марте 1947 г. в передаче на тему «Человек труда, чести и долга» рассказывалось о фрезеровщице Л. Дубровиной, умело обращавшейся со сложным фрезерным станком и выполнявшей план по выпуску металлических деталей [11, л. 60]. Героями другой передачи были братья-лесорубы Ходаевы, которые в короткие сроки освоили новые специальности и проявили себя в промышленности [11, л. 50–53]. Подобные примеры должны были воодушевлять жителей области на трудовые подвиги и мотивировать их оставаться на новой советской земле, однако одной героизации труда было недостаточно. Требовалось показать советским гражданам его результаты в виде восстановленной инфраструктуры городов и поселков, включая открытие новых учреждений, обеспечивавших, помимо прочего, досуг жителей, поэтому в новостях появлялись сообщения вроде того, которое прозвучало по радио в «Областных известиях» 20 августа 1947 г.:

С каждым днем благоустроеннее становятся города и села нашей области. В Краснознаменске три месяца назад не было ни библиотеки, ни кино, ни электричества. Сейчас здесь восстановлена электростанция, оборудована прекрасная библиотека с двумя тысячами экземпляров книг, открыт КОГИЗ, город радиофицирован. Первый громкоговоритель установлен на здании Районного Исполнительного комитета. Сюда часто сходятся люди, чтобы послушать «Известия», музыкальную или литературную передачу [10, л. 161–162].

О повышении комфортности повседневной жизни в регионе говорилось и в другом радиообъявлении:

Ежедневно к поездам, прибывающим в Калининград, подаются комфортабельные автобусы. Отсюда, переполненные пассажирами, они уходят в новые советские курортные города: Зеленоградск и Светлогорск. Не так

давно здесь в роскошных виллах и отелях, утопающих в садах и лесах, жила и развлекалась верхушка гитлеровских головорезов и немецких буржуа. Теперь здесь созданы здравницы для трудящихся Советского Союза [10, л. 162].

В числе прочего упоминалось открытие в Калининграде новых коммерческих столовых и ресторана [10, л. 162].

На страницах газет и по радио объявлялось о вводе в строй новых предприятий и оборудования, ударном труде советских людей в Калининграде и области, возравставших вследствие этого объемах промышленного производства и досрочном выполнении плана рабочими в разных отраслях народного хозяйства. Складывалось ощущение, что жизнь в регионе налаживается быстрыми темпами.

Заметным элементом информационного поля в Калининградской области становилась периодическая констатация «советскости» региона и советской идентичности его населения. Например, в номере «Калининградской правды» от 28 августа регион определялся как «новая советская земля». Там же отмечалось, что «область включена в пятилетний план развития и восстановления народного хозяйства СССР и будет жить общей жизнью со всей советской страной» [28]. Действительно, область встраивалась в общие процессы, происходившие в Советском Союзе. Так, в статье «Физкультуре и спорту — широкий размах» описывалось формирование общесоветских структур повседневности:

Тысячи советских людей приехали сюда еще в то время, когда большинство промышленных предприятий лежало в руинах, когда только что зарождались первые советские организации, и, несмотря на это, уже тогда здесь стихийно возникли спортивные игры и физкультурные занятия [29].

Возникновение советской спортивной культуры на новой территории создавало повседневные условия, которые должны были укреплять представление советских граждан о Калининградской области как о части общесоветского пространства.

После войны трудовые коллективы Калининградской области, приняв на себя социалистические обязательства по выполнению и перевыполнению производственных планов, вступили во Всесоюзное социалистическое соревнование. «Калининградская правда» 10 июня по этому поводу писала следующее:

Рабочие, работницы, инженеры и техники промышленных предприятий нашей области, как и весь советский народ, поставили перед собой благородную задачу — ознаменовать 30-летие советской власти досрочным выполнением годовых планов [8].

В частности, об успехах рабочих жестяночной мастерской, работников целлюлозно-бумажной отрасли, строителей и железнодорожников в Советске сообщала газета «Большевик» [1; 4; 15; 18; 19; 21; 24; 25].

Не осталась незамеченной в прессе и одна из ключевых дат в истории Советского государства. О 30-й годовщине Октябрьской революции сообщала статья «Знаменательная дата», опубликованная 7 ноября в газете «Коммуна»:

Сегодня исполнилось тридцать лет с того дня, когда Октябрьская революция свергла власть буржуазии, установила на одной шестой части земного шара диктатуру пролетариата, учредила новый тип государства — Социалистическое Советское государство. <...> Прошло 30 лет. За этот срок наша Родина изменилась до неузнаваемости. Наша страна из аграрной и отсталой в экономическом и культурном отношении превратилась в передовую, культурную, могучую индустриально-колхозную державу [14].

63

Читатели, очевидно, должны были ассоциировать себя с образовавшимся после революции и последовавшей за ней Гражданской войны Советским Союзом, несмотря на то что до 1945 г. территории Калининградской области не было в его составе. В газете обосновывалась и закономерность советизации Калининградской области:

Мы избирали первые Советы на новой советской земле, на земле, которую мы не завоевали, а отвоевали, которая многие столетия находилась в плену германских милитаристов и теперь возвращена ее настоящим хозяевам... [12].

Пресса демонстрировала, что общей со всей страной становилась и политическая жизнь. В декабре «Коммуна» писала о выборах, проходивших в этот день в местные Советы депутатов трудящихся в РСФСР и ряде других республик Советского Союза:

Выборы в местные Советы проходят в тот момент, когда по всей нашей стране идет огромная борьба за досрочное выполнение Сталинской пятилетки, за укрепление могущества нашей Родины... [6].

Двадцать пятого декабря в разделе «Могучая демонстрация морально-политического единства и сплоченности советского народа» описывалось единодушие, с которым в Гурьевском районе его жители приняли участие в голосовании, солидаризировавшись таким образом с остальными советскими гражданами:

...трудящиеся нашей молодой Калининградской области, как и все советские люди республики, снова продемонстрировали свою огромную любовь к советскому правительству, коммунистической партии и ее великому вождю и учителю товарищу Сталину [12].

Газета также передавала настроение избирателей во время голосования. Так, колхозник Прохоренков из сельхозартели имени Сталина делился своими впечатлениями:

Сегодня для нас большой праздник. Мы избираем свои местные Советы впервые в нашей молодой области. Я с радостью голосую за счастливую жизнь, за могущество нашей Родины, за всенародного кандидата товарища Сталина! [2].

Реакция 18-летнего В. Линькова на происходившее была следующей:

Для меня сегодня самый большой праздник — я впервые принимаю участие в голосовании... Только в нашей советской стране все имеют равные права. Я голосую за нашу счастливую молодость! [23].

Избиратель А. С. Барбашов писал, что это радостный, торжественный день выборов в местные Советы, когда все равные советские граждане РСФСР идут голосовать за своих депутатов [3]. Газета показывала, что участвовавшие в выборах местные жители воспринимали Калининградскую область как часть общей Родины, включали ее в понятие «наша советская страна» и рассматривали выборы как важный рубеж на пути ее процветания. Идея единства жителей региона с остальным населением СССР подкреплялась посылом об общем государстве с опорой на категории «наша страна» и «наша Родина», а также обращением к общей истории.

Кроме местных региональная пресса передавала и общесоюзные новости. Например, жителям области сообщалось о награждении званием Героя Социалистического Труда передовиков в сельском хозяйстве по всей стране [22] или характеризовались последние события международных отношений [7; 13]. Это также должно было давать читателям понять, что все происходящее в Советском Союзе касается каждого его гражданина.

Однако позитивные сообщения радио и газет не могли затмить реальное положение дел в регионе. Глазам командированного в область второго секретаря обкома ВКП (б) П. А. Иванова, который с января до июня 1947 г. фактически руководил краем, предстала картина, отличная от той, что создавали газеты и радио: низкие темпы восстановления народного хозяйства, провал промышленными предприятиями планов, нехватка квалифицированных кадров, недостаток материальных ресурсов, недисциплинированность работников и многое другое. Пристальное внимание к хозяйству и жизни людей в Калининградской области союзное руководство обратило только после того, как П. А. Иванов в мае написал И. В. Сталину длинное письмо, в котором изложил весь масштаб бедствий. Ответом на это обращение стал визит в область специальной комиссии во главе с А. Н. Косыгиным [16].

В 1947 г. охват прессы и радио еще не поспедал за стремительно увеличивавшимся населением Калининградской области, и в повседневной жизни советских граждан оставалось пространство, не занятое официальной пропагандой. Это пространство и заполнялось различными слухами и небылицами. Как показывает Ю. В. Костяшов, в то время самым распространенным был слух о скором начале новой мировой войны [16, с. 106]. Среди населения ходили разговоры и о возможном возврате области немцам. Все это мало способствовало укреплению желания оставаться в области, и, вероятно, влияло на настроения советских граждан, многие из которых уезжали из нее. Так, в 1947 г. в область приехало около 147 тыс. человек, а покинуло ее почти 40 тыс. человек. В следующем году оба показателя были выше: прибыло чуть больше, чем 153,5 тыс., а уехало уже почти 52 тыс. человек [17, с. 104].

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов. Благодаря преобладавшему позитивному, идеологически выдержанному тону сообщений радио и газет создавалась картина бурно развивавшейся после войны области, что должно было воодушевлять прибывавшее в регион советское население и способствовать его закреплению там. Важной миссией средств массовой информации было постоянное напоминание населению области о ее неразрывной связи с остальным Советским Союзом, с целью чего читатели оповещали о событиях и процессах, происходивших в стране в целом. Нередким было использование прессы категорий «наша Родина» и «наша страна»; подчеркивалось, что калининградцы являются частью советского народа и наряду с остальными гражданами СССР участвуют в общем деле развития страны. В то же время демографические показатели демонстрируют, что, несмотря на высокую численность прибывавших переселенцев, отток из области также оставался высоким. Это наводит на мысль о том, что информационное освещение жизни в области было неспособно замаскировать имевшиеся и очевидные для ее жителей проблемы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945–1991)».

Список литературы

1. Аркадьев И. У путейцев // Большевик. 1947. 5 дек. С. 1.
2. Баранов Н. Высокая активность // Коммуна. 1947. 25 дек. С. 1.
3. Барбашов А.С. Обеспеченная старость // Коммуна. 1947. 21 дек. С. 2.
4. Вихарев А. Дадим бумагу сверх плана // Большевик. 1947. 29 окт. С. 1.
5. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / ред. Ю.В. Костяшов. 3-е изд., испр. и доп. Калининград, 2018.
6. Выполним свой гражданский долг // Коммуна. 1947. 21 дек. С. 1.
7. Выступление Э. Бевина // Калининградская правда. 1947. 14 марта. С. 4.
8. Выше уровень механизации трудоемких работ // Калининградская правда. 1947. 10 июня. С. 1.
9. Государственный архив Калининградской области (далее – ГАКО). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1.
10. ГАКО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 6.
11. ГАКО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 7.
12. День всенародного торжества // Коммуна. 1947. 25 дек. С. 1.
13. Заявление Д. Маршалла // Калининградская правда. 1947. 14 марта. С. 4.
14. Знаменательная дата // Коммуна. 1947. 7 нояб. С. 1.
15. Иванов И. Ответ строителей // Большевик. 1947. 5 дек. С. 1.
16. Костяшов Ю.В. Калининградская область в 1947–1948 гг. и планы ее развития // Вопросы истории. 2008. №4. С. 105–113.
17. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
18. Крюков Н. Новый трудовой подъем // Большевик. 1947. 2 дек. С. 2.
19. Лерман Ш. В ответ на призыв ленинградцев // Большевик. 1947. 2 дек. С. 2.

20. *Маслов В.Н.* Образ Калининградской области на страницах газеты «Калининградская правда» советского времени // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №3. С. 25–35.

21. *Морозов Г.* Годовой план выполним к 7 ноября // Большевик. 1947. 29 окт. С. 2.

22. *О присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства республик, краев и областей за получение высоких урожаев:* указ Президиума Верховного Совета СССР // Калининградская правда. 1947. 23 марта. С. 1.

23. *Павлов И.* За счастливую молодость // Коммуна. 1947. 25 дек. С. 1.

24. *Петрова М.* Годовой план выполнен // Большевик. 1947. 5 дек. С. 1.

25. *Полторы* нормы за смену // Большевик. 1947. 15 нояб. С. 2.

26. *Ржевский В.* «Кругом разруха и немецкая речь...» Как 75 лет назад началась калининградская журналистика // Комсомольская правда. 2021. 29 сент. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/28336/4482224/> (дата обращения: 17.12.2021).

27. *С той* высоты, что недоступна птицам: 65 лет Калининградскому ОРТПЦ / сост. А. Корсун; филиал РТРС «Калининградский ОРТПЦ». Калининград, 2012.

28. *Сталинская* программа борьбы за строительство новой области // Калининградская правда. 1947. 28 авг. С. 1.

29. *Физкультуре* и спорту — широкий размах // Калининградская правда. 1947. 9 июля. С. 1.

30. *Фрагменты* видеointервью с первыми переселенцами о средствах массовой информации. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BXnwW4Aljk> (дата обращения: 17.12.2021).

Об авторах

Алексей Анатольевич Давиденко — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

Максим Евгеньевич Мегем — канд. ист. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: megem@yandex.ru

The authors

Dr Aleksei A. Davidenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AADavidenko@kantiana.ru

Dr Maxim E. Megem, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: megem@yandex.ru

Я. Г. Шепель

**ОБРАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПРЕССЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

67

На основе публикаций газет Германской Демократической Республики за 1949–1990 гг. выявлены доминировавшие в немецкой печати образы жителей Калининградской области – пионеров океанического лова, строителей нового города на руинах Кёнигсберга и хранителей немецкого наследия (могилы Иммануила Канта и других исторических памятников Калининграда). Охарактеризованы факторы, влиявшие на репрезентацию образов калининградцев как советских людей. Сделан вывод, что эти образы не создавались непосредственно редакторами немецких газет, а скорее навязывались через публикации советских информационных агентств, статьи и заметки советских журналистов, печатавшихся в ГДР.

Through publications in the German Democratic Republic newspapers from 1949–1990 the article reveals dominant images of residents of the Kaliningrad region, such as ocean fishing pioneers, builders of a new city on the ruins of Königsberg and keepers of German heritage, particularly the Immanuel Kant's grave and other historical monuments in Kaliningrad. The author of the article describes factors that influenced the representation of the images of the Kaliningrad region's population as the Soviet people as well as concludes that the images were not constructed independently in the editorial offices of German newspapers, but were imposed through publications of Soviet news agencies together with articles and notes of Soviet journalists printed in the GDR.

Ключевые слова: пресса, советский народ, Калининград, ГДР

Keywords: press, Soviet people, Kaliningrad, GDR

Цель настоящей статьи – на основе публикаций прессы Германской Демократической Республики за 1949–1990 гг. выявить образы жителей Калининградской области. Мое внимание привлекли два фактора, которые неизбежно влияли на репрезентацию *советских людей на крайнем западе* в восточногерманской прессе: во-первых, контакты жителей Калининградской области – закрытого региона в течение всего этого периода – с иностранцами были крайне ограниченными [7, с. 44], редакции немецких газет не имели в области постоянных корреспондентов и в большинстве случаев вынужденно ограничивались публикацией сухих сообщений новостных агентств (ADN – Allgemeiner Deutscher Nachrichtendienst; АПН – Агентство печати «Новости») – эти обстоятельства усложняли информирование читателей о событиях в области и ее жителях. Во-вторых, на территории Калининградской области – северной части бывшей Восточной Пруссии – сохранилось множество памятников немецкого прошлого, которые неизбежно

должны были привлекать внимание журналистов, однако, как писал историк П. Бродерзен, память о Кёнигсберге в ГДР была нежелательной [14, S. 11], так что отражение прошлого этой земли в публикациях имело объективные ограничения.

Тем не менее восточногерманская пресса не могла не писать о Калининграде: торговые суда периодически выходили из Калининградского порта и заходили в порты ГДР, постоянные нападки «западногерманских реваншистов» на Калининградскую область требовали жесткого ответа со стороны ГДР и т.д. Какие образы жителей области репрезентировались в восточногерманской прессе и как на этот процесс влияли обозначенные факторы? Для ответа на эти вопросы автором были изучены публикации крупнейших (по тиражу) газет ГДР: *Berliner Zeitung*, *Neues Deutschland* и *Neue Zeit* за 1949–1990 гг.

Газета *Berliner Zeitung* начала издаваться 21 мая 1945 г. В первые месяцы ее главным редактором был советский полковник Александр Кирсанов, затем управление редакцией перешло к берлинскому окружному комитету Коммунистической партии Германии [22, S. 69], а в 1953 г. — к ЦК Социалистической единой партии Германии [29, S. 61]. Хотя издание фокусировалось на освещении событий Берлина, нередко в поле зрения журналистов попадали и события ближнего зарубежья. Ежедневный тираж в изучаемый период составлял более 345 тыс. экземпляров [29, S. 61].

Газета *Neue Zeit*, вышедшая в первый раз в 1945 г., была печатным органом Христианско-демократического союза ГДР, одной из блоковых партий. В 1949–1990 гг. ее тираж превышал 100 тыс. экземпляров в день, это был крупнейший тираж среди всех печатных органов блоковых партий [25, S. 192].

Газета *Neues Deutschland* впервые увидела свет в 1946 г. — после объединения КПП и СДПП в СЕПП. Новая газета стала центральным органом главной партии ГДР [ibid.] и на протяжении всей истории республики оставалась одним из важнейших инструментов партийной пропаганды. *Neues Deutschland* была надрегиональной газетой и освещала важнейшие мировые события. Ее максимальный тираж превышал 1 млн экземпляров [25, S. 188].

Все эти газеты оцифрованы и доступны на сайте Берлинской государственной библиотеки. За указанные годы в них выявлено 36 публикаций, которые содержат эксплицитную или имплицитную характеристику жителей Калининградской области. Это несравнимо меньше простых упоминаний области и областного центра. В целом можно сказать, что публикации значительного объема (особенно авторские) о Калининградской области были редкостью. Известны авторы только двух статей. Это советский журналист и писатель Марк Баринов (настоящее имя — Евгений Михайлович Баринов), автор изданной в 1958 г. приключенческой повести «Вилла Эдит» [2]. В 1950-е гг. военноморской офицер М. Баринов служил в г. Балтийске, но в 1956 г. уехал из Калининградской области в Москву, где учился в Литературном ин-

ституте им. Горького и занимался педагогической деятельностью [1]. В 1970 г. он опубликовал в *Neue Zeit* развернутую статью о Калининграде [13]. Второй автор — это журналист Сергей Гук, написавший в 1968 г. для той же газеты материал о Калининградском университете [17]. В 1980-е гг. он возглавлял западноберлинское отделение Агентства печати «Новости» [26] и писал для «Литературной газеты» [4]. Авторы большей части статей и заметок неизвестны. Важно, что содержание публикаций не зависело от смены политических периодов или важных исторических событий. Выявленные образы жителей Калининградской области статичны и присутствуют в прессе на протяжении всего изученного периода.

Французский культургеограф О. Рокпю в своей диссертации писал, что жители Калининградской области, служившие в военно-морском или рыбопромысловом флоте, находились в привилегированном положении по отношению к остальным советским гражданам, так как могли ездить за границу, привозить оттуда ценные подарки и т.д. Они были особым образом открыты внешнему миру [27, р. 129]. Для обозначения этого нового подвида *человека советского* исследователь ввел понятие *homo sovieticus oceanicus* (человек советский океанический). Представляется перспективным на основе изученных источников дополнить этот подвид человека советского двумя другими. Вслед за О. Рокпю образы советских жителей Калининградской области в прессе ГДР можно обобщить с помощью следующих понятий: *homo sovieticus educatus* (человек советский образованный) и *homo sovieticus urbanus* (человек советский городской).

Публикации (их насчитывается 14) о *homo sovieticus oceanicus* занимают важное место в изученной прессе ГДР. Прежде всего это сообщения о сотрудничестве кораблестроителей ГДР и калининградских моряков [8; 23]. В 1958 г. в *Neues Deutschland* была опубликована статья «Похвала шхуне из ГДР», в которой рассказывалось о калининградских рыбаках, благодарных «товарищам из ГДР» за рыболовную шхуну, бороздящую просторы Северной Атлантики. В том же году газета сообщила об отправлении из Калининграда антарктической экспедиции для проведения сейсмологических исследований [9]. Калининградский порт регулярно упоминался в *Berliner Zeitung* как исходный пункт торговых судов СССР, входивших в порты ГДР (Висмар, Росток и др.) [10–12]. В 1970 г. в *Neue Zeit* была опубликована статья Марка Барина «Ворота к дальнему океану». Автор, описывая свою прогулку по Калининграду, назвал его «воротами к дальнему океану» и «городом рыбаков», а центром города был, по мнению журналиста, порт [13]. Жителей этого города М. Барин показывает в сцене ожидания возвращающегося из дальнего плавания рыболовецкого корабля: «...на гранитной набережной я видел людей, молчаливо стоящих на крае пирса. Все взгляды вались вдаль, в устье реки Прегель, туда, где начинается морской канал. Это были жены, дети и родители возвращавшихся моряков... Оркестр нарушил эту тишину. Слышались голоса людей, все махали руками,

ликовали. Калининград встречал своих сыновей». В публикациях Калининград представал как портовый морской город (*Ostseestadt*), важный для снабжения ГДР товарами, а сыны этого города — как в первую очередь моряки дальнего плавания.

Еще один образ — *homo sovieticus urbanus* (7 публикаций) — описывает советского человека как строителя нового города. В статьях о Калининградской области воспроизводится следующий нарратив: область была разрушена фашистами (или обезличенно — «бомбами») во время «последней войны», но шаг за шагом восстановлена трудом советского народа. М. Баринов рассказывал, что был в Калининграде в 1947 г. и, вернувшись в 1969 г. (это изложение биографии не вполне совпадает с приведенными выше сведениями о его трудовой деятельности в области), не узнал его: вместо «моря руин» со скелетами домов и волнами камней и кирпичей он увидел «город, возвращенный к жизни» с домами, улицами, скверами и тротуарами [13]. Невозможно поверить, писал автор, что город был восстановлен силами лишь одного поколения.

В конце 1960-х гг. газеты публиковали короткие заметки с изложением планов Совета министров СССР по дальнейшей застройке Калининграда: строительство Дома Советов, дворца спорта, нового аэропорта и вокзала [19]. Один раз статья о тех же планах в Калининграде прямо отвечала на утверждения «западногерманских реваншистов» об «упадке и запустении» в Калининградской области [16].

Образ *homo sovieticus educatus* (15 публикаций) возникает в публикациях, посвященных немецкому историческому наследию в регионе и Калининградскому университету.

В марте 1954 г. в *Neue Zeit* вышла анонимная статья «Могила Канта будет бережно сохранена» [21]. В начале текста описывался послевоенный ландшафт центра Калининграда — прежде всего разрушенный Кёнигсбергский собор и поврежденная могила Канта. Автор статьи писал, что «советские люди, заботящиеся об исторических памятниках Калининграда» отреставрировали крышу колоннады могилы философа и поставили обратно постамент, а советское государство взяло могилу под свою охрану. Интересен тот факт, что неизвестный автор, похоже, опередил события: в 1954 г. областные власти только дали поручение городскому похоронному бюро привести памятник в порядок, ремонт был проведен лишь через два года, когда бюро выделили 1 т кровельного железа [6, с. 81]. Автор также писал об организованных краеведческим музеем экскурсиях к могиле Канта, на которых гид рассказывал о воззрениях философа и его научной работе так, «как это представил Энгельс». Далее следовал рассказ о Фридрихе Шиллере, памятник которому «был сильно поврежден во время боев за Кёнигсберг и изготовлен заново» (курсив мой. — Я. Ш.), хотя на самом деле статуя немецкого поэта, изрешеченная снарядами во время штурма, была отреставрирована по решению облисполкома лишь в 1956 г. [5, с. 53].

Статья завершалась так: «...улицы города названы в честь великих немцев: мы нашли в Калининграде улицы Гайдна, Глюка, Шиллера,

Баха и Бетховена». Надо отметить, что уже в 1950 г. в Калининграде не существовало улиц Гайдна, Баха, Бетховена и Глюка. Они были переименованы после публикации в «Калининградской правде» мнения горожанки Муриной, высказавшей недовольство фактом наличия на карте города улиц с именами немецких или австрийских композиторов. Она ставила следующие вопросы: «Многие жители не знакомы, например, с произведениями Глюка и, естественно, недоумевают, за какие заслуги перед русским народом воздается ему такой почет, или почему одна из улиц названа именем композитора Гайдна?» [цит. по: 3, с. 147–148].

Воспринял ли анонимный немецкий корреспондент планы по реставрации за свершившийся факт, был просто далек от Калининграда и воспроизводил чьи-то рассказы или же сознательно решил опередить события — сказать трудно.

Интересны также публикации, связанные с открытием в 1967 г. Калининградского университета. В них обращает на себя внимание отсутствие общей линии относительно преемственности Кёнигсбергского и Калининградского университетов. Так, в первой заметке о вузе он назван «самым молодым университетом Советского Союза» [18]. В объемной публикации 1968 г. приведены слова первого ректора университета Николая Прикладова о том, что невозможно сравнивать Калининградский и Кёнигсбергский университеты: в подтверждение своих слов ректор продемонстрировал корреспонденту учебную программу лекционных курсов Кёнигсбергского университета за 1942–1943 гг., в которой фигурировал курс «расовой истории человечества» [17] (трудно вообразить себе такое сравнение в калининградской прессе советского времени). Также ректор подчеркнул, что университет был создан на основе педагогического института. Любопытно, что публикацию сопровождало опровергающее риторику ректора фото здания университета с подписью: «Один из старейших университетов Европы — университет в Калининграде». В 1974 г. в *Neues Deutschland* вышла короткая заметка об открытии музея Канта в Калининградском университете, в котором (!) «учился и преподавал великий немецкий философ» [20].

В целом публикации, посвященные сохранению немецких памятников в Калининграде и университету со сложной линией преемственности, рисовали советских людей как тех, кто заботится о немецком наследии и сохраняет память о деятелях немецкой культуры. Университет в Калининграде — место философских размышлений и подготовки специалистов для предприятий области.

В завершение следует сказать о визуальных источниках — фотографиях из Калининградской области в исследуемых газетах. На данный момент удалось обнаружить десять фотографий. Среди них преобладают изображения городских объектов — площади Калинина [13], университета [17], а также зала кирхи в пос. Чистые Пруды [30].

Фотографии людей редки — это фотопортрет водителя калининградского автобуса (в статье М. Баринаова) [13], фотографии Н.С. Хру-

щёва в аэропорту Калининграда [31], родителей космонавта Алексея Леонова [32] и работницы Янтарного комбината с янтарным кубком в руках [24].

Фотография водителя автобуса является единственным (скорее всего) непостановочным изображением калининградца на страницах прессы ГДР; фотографии городских объектов и траулера принадлежали информационным агентствам и были, скорее, типовыми иллюстрациями. Недостаток знаний немецких редакторов о достопримечательностях области показывает тот факт, что в одной из публикаций за изображение кирхи в пос. Чистые Пруды, где открылся мемориальный музей литовского поэта Кристионаса Донелайтиса, было выдано фото совсем другого здания — Театра кукол в Калининграде (бывшей кирхи памяти королевы Луизы) [30].

Еще одна заслуживающая внимания публикация — заметка о школьнице Диане из пос. Добровольска Калининградской области. В 1984 г. она вместе с детьми из других стран посетила главный пионерский лагерь ГДР — пионерскую республику имени Вильгельма Пика. В заметке Диана рассказывала, что пионеры Добровольской школы получают только хорошие и отличные оценки, заботятся о братской могиле погибших в Великой Отечественной войне советских солдат и поддерживают связь с родственниками павших героев. Родители Дианы, отправляя ее в пионерский лагерь, просили передать привет всем друзьям из ГДР и поблагодарить их за вклад в сохранение мира во всем мире [28]. Столь человечная по духу (но не лишенная официозного языка) публикация как будто предвещала большее внимание прессы к жителям Калининградской области, которая в период Перестройки постепенно открывалась миру. Однако в конце восьмидесятых на страницах изученных газет область упоминается лишь в статьях о поисках Янтарной комнаты и в биографических материалах о немцах, которые родились или жили в Кёнигсберге до 1945 г.

В прессе практически отсутствуют публикации о немцах, оставшихся в советской Кёнигсбергской (с 1946 г. Калининградской) области после войны. Единственное исключение — воспоминания Маргарете Клингер (жительницы области в 1945—1948 гг.), опубликованные в *Berliner Zeitung* в разделе «Свободная дискуссия». Клингер реагировала на слова «священника Шварце», произнесенные им во время конгресса Общества советско-германской дружбы: «Есть только один порядок, при котором мог бы жить Христос, — это порядок Советского Союза». Маргарете, работавшая после войны в больнице в *Snamsker Rayons* (возможно, в пос. Знаменске Гвардейского района), писала, что могла на основе личного опыта убедиться в правильности слов священника. Однажды она заметила, что русские пациенты больницы молятся, и решила поговорить об этом с одним «советским человеком» (*Sowjetmenschen*): «...я рассказала ему, что противники Советского Союза утверждают, что в этой стране нет свободы вероисповедания. Смеясь, он подобному ответил: это ложь, у нас можно молиться, сколько захочешь» [15].

Этот материал интересен тем, что в калининградской печати едва ли могло появиться изложение подобного разговора. Как и в случае с рассказом ректора университета, история Маргарете Клиндгер демонстрирует, что цензурные ограничения в ГДР были все же подвижными. Отсутствие публикаций о контактах немцев и советских граждан в Кёнигсбергской (Калининградской) области, возможно, свидетельствует о сложном положении бывших жителей Восточной Пруссии, имевших различный опыт взаимодействия с гражданами СССР. Теоретически они могли писать письма в редакции газет, отвечать на те или иные материалы об области и ее жителях, однако обнаружить подобные письма на страницах периодической печати не удалось.

Таким образом, *советские люди* в Калининградской области предстают в публикациях в газетах ГДР как пионеры океанического лова, ведущие свои корабли (частью произведенные на верфях ГДР) в далекие моря, как строители нового советского города на руинах старого Кёнигсберга и как люди, заботящиеся об общечеловеческом наследии — ремонтирующие крышу могилы Иммануила Канта и устремляющие свой взор к звездному небу.

Названные в начале статьи ограничения — закрытость области и ее немецкое прошлое — не могли не влиять на содержание публикаций. Отсутствие у иностранных журналистов возможности свободно въезжать в Калининградскую область привело к тому, что образ ее жителей не конструировался журналистами из ГДР, а, скорее, навязывался восточногерманской прессе посредством публикаций советских журналистов и сообщений советских информационных агентств.

Сложное отношение восточногерманских властей к прошлому Восточной Пруссии привело к неоднозначным результатам. С одной стороны, калининградцы репрезентировались не как жители города, который когда-то был немецким, а как строители нового города на безымянных руинах, с другой — в прессе отображалось почтительное отношение советских людей к деятелям немецкой культуры (Бетховену, Гайдну, Канту, Шиллеру) и постулировалась некоторая преемственность между Калининградским и Кёнигсбергским университетами. Это дает основания полагать, что зафиксированное в историографии настороженное отношение властей ГДР к прошлому Восточной Пруссии не было определяющим фактором в репрезентации Калининградской области в восточногерманской прессе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности” в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Биографическая справка о М. Баринове [на сайте «Старое радио»]. URL: <http://www.staroeradio.ru/audio/33711> (дата обращения: 12.12.2021).

2. «Вилла Эдит» или тайны подземелья: дневник поиска. К 90-летию со дня рождения М.М. Баринаова. URL: http://lib39.ru/kray/index.php?ELEMENT_ID=12589 (дата обращения: 12.12.2021).

3. Губин А.Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. №5. С. 139–196.

4. Гук С. Раздвоение личности // Литературная газета. 1980. 17 дек. С. 9.

5. Дементьев И.О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. №3. С. 40–61.

6. Костяшов Ю.В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, №4. С. 79–102.

7. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Калининград, 2009.

8. 175. *Supertrawler an Sowjetunion übergeben* // Neues Deutschland. 1983. 18. Feb. S. 2.

9. 4. *Antarktikexpedition* // Neues Deutschland. 1958. 25. Nov. S. 5.

10. *Aus unserem Hafentagebuch* // Berliner Zeitung. 1956. 12. Sept. S. 5.

11. *Aus unserem Hafentagebuch* // Berliner Zeitung. 1956. 25. Okt. S. 5.

12. *Aus unserem Hafentagebuch* // Berliner Zeitung. 1957. 23. Jan. S. 5.

13. *Barinow M.* Ein Tor zum fernen Ozean. Kaliningrad ist aus den Trümmern neugeboren // Neue Zeit. 1970. 13. Sept. S. 3.

14. *Brodersen P.* Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen, 2008.

15. *Die Religion des Tages* // Berliner Zeitung. 1949. 12. Juli. S. 2.

16. *Ein neues Kaliningrad.* Schon heute versechsfachte Produktion – Großartige Perspektive // Neue Zeit. 1969. 9. Jan. S. 2.

17. *Guk S.* Eine Stadt hat wieder ihre Alma Mater. Kaliningrad plant ein Universitätsstädtchen // Neue Zeit. 1968. 4. Dez. S. 3.

18. *Jüngste Universität in Kaliningrad* // Neues Deutschland. 1967. 7. Aug. S. 1.

19. *Kaliningrad wird ausgebaut* // Berliner Zeitung. 1968. 13. Dez. S. 4.

20. *Kant-Museum an der Universität Kaliningrad* // Neues Deutschland. 1974. 28. Sept. S. 10.

21. *Kants Grabstätte wird sorgsam gepflegt.* Das Denkmal Schillers wurde erneuert – Ein Bericht aus Kaliningrad // Neue Zeit. 1954. 9. März. S. 4.

22. *Kapitza A.* Transformation der ostdeutschen Presse. „Berliner Zeitung“, „Junge Welt“ und „Sonntag/Freitag“ im Prozess der Deutschen Vereinigung. Wiesbaden, 1997.

23. *Lob für Logger aus der DDR* // Neues Deutschland. 1958. 01. Jan. S. 5.

24. *Neue Zeit.* 22. Feb. 1975. S. 12.

25. *Pürer H., Raabe J.* Presse in Deutschland. Konstanz, 2007.

26. *Rathfelder E.* Kosovo: Geschichte eines Konflikts. Berlin, 2012.

27. *Roqueplo O.* La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique : thèse de doctorat. P., 2017.

28. *Sie trafen sich in der Pionierrepublik „Wilhelm Pieck“.* Diana aus der Sowjetunion und ihre Freundinnen // Neues Deutschland. 1984. 11. Aug. S. 7.

29. *Söbbing J.* Warum scheitern Vertragsverhandlungen? Ein politischer und ökonomisch-juristischer Vergleich. Hamburg, 2010.

30. *Stepanauskas L.* Wo Donelaitis predigte. Gedenkstätte in der Kirche von Cistije Prudy // Neue Zeit. 1980. 16. Feb. S. 4.

31. *USA an Entspannung anscheinend nicht interessiert* // Neues Deutschland. 14. Sept. 1960. S. 7.

32. *Völlig neue Perspektiven* // Berliner Zeitung. 21. März. 1965. S. 5.

Об авторе

Яков Геннадьевич Шепель — магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Россия.

E-mail: iakovshep@gmail.com

The author

Iakov G. Shepel, Master student, National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russia.

E-mail: iakovshep@gmail.com

УДК 32.019.51(438)

И. Н. Тарасов, А. А. Жукова

ИНТЕРНЕТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

76

Освещены проблемы политической коммуникации в современной Польше, роль Интернета в диалоге власти и общества. Особое внимание уделено воздействию социальных сетей на качество политической коммуникации. Выделены и описаны характерные особенности положения рядовых пользователей и представителей политических элит в коммуникационном процессе. В качестве исследовательской задачи авторами определено выявление основных характеристик политической коммуникации в интернет-пространстве Польши. Проанализированы взгляды польских исследователей этой проблемы. На основе изучения статистических данных и сопоставления их интерпретаций установлено, что наиболее существенной проблемой в сфере политической коммуникации в польском интернет-пространстве является выход из «информационных коконов», а не вопросы технического дооснащения коммуникационной инфраструктуры. Авторы приходят к выводу, что нынешняя поляризация мнений, множественные провокации и акты информационной агрессии несут риски дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране.

The article reveals the problems of political communication in modern Poland, the role of the Internet in the dialogue between the authorities and society. Particular attention is paid to the impact of social networks on the quality of political communication. The characteristic features of the position of ordinary users and representatives of political elites in the communication process are singled out and described. As a research task, the authors identified the main characteristics of political communication in the Internet space of Poland. The article analyzes the views of Polish researchers of the problem. Based on the study of statistical data and a comparison of their interpretation, it has been established that the most significant problem in the field of political communication in the Polish Internet space is the exit from the "information cocoons", and not the issues of technical re-equipment of the communication infrastructure. The authors concluded that the current polarization of opinions, multiple provocations and acts of information aggression carry the risks of destabilizing the internal political situation in the country.

Ключевые слова: политическая коммуникация, социальные сети, Польша, медиатизация политики, информационные технологии, манипулирование

Keywords: political communication, social networks, Poland, mediatization of politics, information technology, manipulation

Введение. Постановка проблемы

Повсеместное и стремительное развитие интернет-технологий и социальных медиа позволило их пользователям расширить возможности для получения политической информации, одновременно остро встала проблема контроля над процессом коммуникации субъектов политики. Сегодня ни один из так называемых традиционных каналов коммуникации — ни пресса, ни радио, ни телевидение — не дает такого обширного выбора источников получения большого массива информации одновременно, практически в один «клик», как интернет-технологии. Пользователи Интернета сегодня самостоятельно решают, сколько информации они хотят получить по той или иной теме, что в сочетании с относительно низкой стоимостью доступа к Интернету и его растущей популярностью как основного источника социально значимой информации приводит к предположению, что он будет способствовать значительному расширению политических знаний и развитию граждан.

Все большее число пользователей полагаются на социальные сети как на основную и даже единственный источник для получения политической и неполитической информации. Можно утверждать, что с развитием интернет-технологий социальные сети начали приобретать новые, ранее несвойственные им функции — осуществлять политическую коммуникацию, выступать в роли площадки для политической борьбы, предоставлять пользователям возможности для повышения социального статуса и т. д.

Польша, включенная, как и практически все мировые политики, в процесс глобализации, выступает в качестве активного участника мировых политических процессов. Соответственно, новые тренды и технологии в области интернет-коммуникации особым образом встраиваются в рамки устоявшегося общественного и политического строя страны, приобретаемая в процессе этой адаптации специфические черты.

Для определения основных характеристик политической коммуникации в интернет-пространстве Польши следует отметить ключевые понятия в этой области знания. Для понимания сущности процесса коммуникации в социальных сетях необходимо определить, что мы понимаем под этим термином. Как указывает Я. Завадский, предметом политической коммуникации является политическая информация, включающая в себя все данные, касающиеся поддержания, модификации или изменения политических отношений в данном обществе [17, s. 181]. Одно из наиболее полных описаний феномена социальных сетей в рамках технологического подхода было предпринято Д. Бойд и Н. Эллисон, которые трактовали такие сети как веб-сервисы, которые позволяют пользователям этих сервисов «построить публичный или полу-публичный профиль в пределах ограниченной системы, соединиться с другими пользователями, с которыми они связаны, просмотреть список соединений, сделанных другими пользователями в рамках

системы» [3, р. 216]. С другой стороны, если говорить о социальных сетях как об особой форме взаимосвязи пользователей, то, обращаясь к определению А. Марин и Б. Уэллмана, можно трактовать их как «набор социально-релевантных связей, узлов, которые связаны одними или несколькими отношениями» [11, р. 12].

Еще одним основополагающим понятием рассматриваемой нами проблемы выступает сетевая политическая коммуникация. Профессор И. А. Быков полагает, что такая коммуникация представляет собой особый вид политического взаимодействия, «опирающийся на стирание традиционных границ между межличностной, групповой и массовой коммуникацией» [1, с. 8]. По мнению исследователя, такой феномен характеризуется высокой степенью персонификации, индивидуализацией сообщений и демассификацией каналов коммуникации.

Проблемы правового регулирования

Для понимания процесса политической коммуникации в польских социальных сетях необходимо определить нормативную базу, на которой основано регулирование процесса обмена информацией между органами власти и гражданским обществом. Таким источником правового обеспечения деятельности политических акторов в интернет-пространстве являются положения стратегии цифрового развития Польши. Сейчас актуальной является программа «Цифровая Польша»¹, которая будет реализована до конца 2023 г. Целью этого акта является укрепление основ цифрового развития страны, включая широкий доступ к высокоскоростному Интернету, эффективные и удобные для пользователей государственные электронные услуги и постоянно растущий уровень цифровой грамотности в обществе. В то же время важно подчеркнуть, что положения программы отмечают значительное отставание Польши от других государств — членов ЕС в использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Другой важный документ — Стратегия кибербезопасности Республики Польша на 2019–2024 гг. [16]. Он содержит общие параметры безопасности интернет-пространства государства. В документе изложены стратегические цели, соответствующие политические и правовые механизмы для обеспечения безопасности и устойчивости важнейших национальных информационных систем, операторов основных услуг и органов государственной власти к киберугрозам. Также одной из целей Стратегии определено распространение знаний о безопасности в киберпространстве и передовой практики среди граждан страны.

В документе отражены пять конкретных задач: развитие национальной системы кибербезопасности, повышение уровня устойчивости информационных систем к кибератакам, поддержание национального

¹ *Digital Public Administration factsheets — Poland, 2021.* URL: https://joinup.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/DPA_Factsheets_2021_Poland_vFinal.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

потенциала в области технологий, повышение осведомленности и социальных компетенций в области кибербезопасности, а также упрочение международных позиций республики в этой области. Конкретные меры, определяемые Стратегией, направлены на обеспечение безопасного и беспрепятственного доступа к возможностям, которые возникают в результате цифровой трансформации, способствуя при этом быстрому развитию экономики и повышению качества жизни граждан.

При рассмотрении правовых основ интернет-коммуникации в Польше нельзя не упомянуть Директиву (ЕС) 2018/1972 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 г., актуализирующую положения Европейского кодекса электронных коммуникаций [4]. Основными целями Директивы выступают стимулирование инвестиций в сети с очень высокой пропускной способностью (оптоволоконных и 5G); поощрение конкуренции, включая «эффективную конкуренцию на основе инфраструктуры»; развитие внутреннего рынка на всей территории ЕС, а также защита потребителей.

В нормативно-правовом акте прописаны основы политики «открытой информации» и доступности контента для пользователей Интернета. Так, регулирование аудиовизуальной политики и контента направлено на достижение целей, представляющих общий интерес, таких как свобода выражения мнений, плюрализм СМИ, беспристрастность, культурное и языковое разнообразие, социальная интеграция, защита потребителей и защита несовершеннолетних. В рамках своих полномочий органы власти должны способствовать обеспечению реализации политики, направленной на достижение этих целей.

Важнейшим техническим установлением Директивы является задача об обеспечении всеми странами — участницами ЕС возможности доступа всех пользователей к широкополосной и голосовой связи со скоростью не менее 30 Мбит/с к 31 декабря 2020 г.

В Республике Польша сейчас идет разработка закона об электронных коммуникациях [14], основной целью которого будет имплементация в национальное законодательство положений Директивы (ЕС) 2018/1972 Европейского парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. В законопроекте отражены вопросы осуществления деятельности в области электронных коммуникаций, права и конкретные обязанности телекоммуникационных предприятий, принципы и средства обеспечения эффективной конкуренции на рынке, обязательства по универсальному обслуживанию, требования к ясности и прозрачности договоров, а также права граждан на доступ и использование услуг электронной коммуникации.

Растущая популярность интернет-коммуникации

Переходя к основным особенностям политической сетевой коммуникации в Польше, отметим растущий спрос на регулярное использование интернет-услуг и все возрастающую популярность социальных сетей. Как показывают данные статистики, опубликованные на плат-

форме *DataReportal* – «DIGITAL 2021: POLAND», в 2021 г. в Польше насчитывалось 31,97 млн интернет-пользователей (97,8 % населения). С 2020 г. это число увеличилось на 1,3 млн, или на 4,4 %. Также на основе статистики можно утверждать, что почти все население страны имеет постоянный доступ к интернет-подключению. В статистике отражен активный рост заинтересованности поляков в использовании социальных сетей для получения политической информации. Так, по данным *DataReportal*, число пользователей социальных сетей в 2020–2021 гг. увеличилось на 2,5 млн человек, или на 11 %. На 2021 г. в Польше *Facebook**, *Instagram**, *YouTube* и другие платформы регулярно использовали 68,5 % жителей страны.

Согласно статистическим данным, количество пользователей интернет-сервисов в целом и социальных сетей в частности увеличивается, что позволяет сделать вывод об актуализации вопроса о развитии современных форм коммуникации в стране. Х. Хованец также отмечает, что с точки зрения использования социальных сетей Польша остается одной из развивающихся стран, где число пользователей Интернета неуклонно растет. При этом, в отличие от практически не меняющихся последние годы из-за насыщения рынка показателей роста числа интернет-пользователей, сфера социальных сетей в Польше продолжает активно развиваться [7]. Т. Гайовничек полагает, что «новые коммуникационные технологии устраняют временные и пространственные ограничения, но необязательно преодолевают политические границы. Информационные технологии влияют на демократические процессы, дополняя, ускоряя и улучшая три разных вида деятельности: общение, участие в политических дебатах и участие граждан в принятии политических решений» [5, s. 66]. Действительно, трудно оспаривать позитивное влияние современных технологий на интенсивность коммуникации.

Обращаясь к вопросу роста популярности социальных сетей в количественном отношении, стоит также отметить высокую степень их использования в Польше для получения актуальной политической информации и новостей. Так, по результатам исследования Х. Хованец выяснилось, что респонденты в Польше используют социальные сети для чтения новостей, газет или онлайн-журналов (65,4 % опрошенных), голосовых и видеозвонков посредством *Skype*, *Messenger*, *WhatsApp* и др. (55 %), а также общаются и узнают новости в социальных сетях, таких как *Facebook**, *Twitter*, *Instagram** и др. (54,8 %) [7].

Тенденции использования социальных сетей в Польше показывают, что наиболее популярным источником информации для граждан и удобным для обмена ею сервисом является социальная сеть *Facebook**: 16,16 млн человек пользуются ею регулярно, а охват составляет 74,97 % всех интернет-пользователей страны [7]. Субъекты польской политики также активно и успешно с точки зрения вовлеченности пользователей

* Здесь и далее: отмеченные астериском организации признаны в России экстремистскими, их деятельность запрещена.

ведут свои профили в этой сети. Так, наибольшее число подписчиков среди политических лидеров имеют премьер-министр М. Моравецкий (257 тыс.), президент А. Дуда (780 тыс.), политик Ш. Головня (1,0 млн). Профили политических партий имеют чуть меньшую аудиторию. К примеру, на аккаунт правящей партии «Право и справедливость» подписано 300 тыс. чел., на аккаунт оппозиционной «Гражданской платформы» — 317 тыс. пользователей. Важно отметить, что социальная сеть *Facebook** активно используется как средство коммуникации органами местного самоуправления в Польше, максимально приближая обывателей к обсуждению и решению насущных вопросов, которые попросту не попадают в повестку крупных политических акторов [6; 9].

*Facebook**, хоть и является лидером среди площадок политической коммуникации, конкурирует с другими интернет-платформами. Одной из таких альтернатив является социальная сеть *Twitter*, которая насчитывает 4,6 млн участников, или 16,5 % всех интернет-пользователей в Польше².

Рассматривающие социальную сеть *Twitter* аналитики отмечают некоторые особенности, препятствующие качественному исследованию политической коммуникации на ее основе. Так, Павел Матушевский и Габриэлла Сабо отмечают, что социальная сеть не пользуется большой популярностью среди исследователей: в литературе относительно небольшое количество изысканий посвящено отношениям «фолловеров» в Твиттере и, более того, явное большинство этих исследований было проведено в англоязычных странах или странах Западной Европы [13, р. 3]. Авторы отмечают явное ограничение в изучении общественного мнения *Twitter* в Польше, заключающееся в трактовке этой социальной сети как «платформы для общения элит».

В целом политические акторы в Польше довольно интенсивно используют современные средства коммуникации с населением для распространения своих идей, привлечения новых последователей и общения с активными гражданами по поводу текущей политической ситуации. Однако, как отмечает П. Матушевский, несмотря на рост числа пользователей сети *Facebook** и популярность в ней профилей политических лидеров, относительное большое число граждан Польши по-прежнему использует для получения политической информации другие источники, такие как традиционная пресса, телевидение, интернет-сайты и обмен новостями с людьми, находящимися в их близком окружении [12, р. 191].

***Facebook** как основной канал политической интернет-коммуникации**

Определив сеть *Facebook** в качестве основного канала интернет-коммуникации в Польше, перейдем непосредственно к анализу роли этой социальной сети в польской политике. Несмотря на все преимущества

² *Рейтинг* топ веб-сайтов. URL: <https://www.similarweb.com/ru/top-websites/poland/> (дата обращения: 01.02.2022).

этой платформы, среди которых удобный интерфейс, возможности получения бесчисленного количества актуальной и разнообразной информации в новостной ленте, существуют и определенные ограничения политизации этой социальной сети.

Основной и наиболее волнующей исследователей проблемой использования *Facebook** является создание «информационных коконов» вокруг пользователей. Этот феномен социальной платформы заключается в использовании компанией *Facebook** (*Meta*)* специальных программ-алгоритмов, позволяющих обрабатывать информацию о пользователе и подстраивать видимый ему контент в ленте на основе этих данных. Так, индивидуальные пристрастия, потребительские решения, политические предпочтения и убеждения человека определяют профиль рекомендованных ему материалов, новостей, профилей политических лидеров или партий и т. д. При этом информация от оппозиционных сил, противоположная точка зрения и альтернативные источники просто исчезают из поля зрения человека. Конечно, такой феномен не является уникальным — так, несмотря на некоторые особенности социальной сети *Twitter*, ее пользователи так же, как и в *Facebook**, сталкиваются с проблемой «информационных коконов», вызванной алгоритмами подбора контента и формирования новостной ленты в соответствии с предпочтениями человека.

Феномен персонализации пользовательского контента в социальных сетях (на примере *Facebook**) исследован П. Я. Фельдманом и Н. С. Завалишиным [2, с. 98], которые отмечают, что политические акторы и средства массовой информации сознательно обостряют существующие в обществе латентные конфликты и противоречия, провоцируя аудиторию социальных сетей на эмоциональные реакции и комментарии. Преследуя цели распространения своих идей, привлечения подписчиков и получения большого числа положительных оценок — «лайков», комментариев, репостов, политические партии и лидеры создают серьезную проблему идеологического противоборства и повышения уровня социальной напряженности в реальной жизни общества.

Наиболее серьезными результатами конфронтации пользователей в Интернете могут стать релевантная конфронтация в реальности, политическое противостояние и беспорядки. Безусловно большинство людей осознает, что стоит избегать поляризации общества в пространстве социальных сетей и, соответственно, в реальном политическом процессе. Тем не менее такие «переплескивания» агрессии или крайней экзальтации из соцсетей в реальные отношения между людьми — обыденность.

Применительно к феномену «информационных коконов» в современной Польше стоит отметить высокую степень влияния алгоритмов социальных сетей на проблему поляризации общества. Так, ситуация изоляции интернет-пользователя от альтернативных мнений и идеологием усугубляется специфической обстановкой в стране, где очевидным становится раскол общества на поддерживающих правящую правую партию «Право и справедливость» («мохеровые береты») и оппозици-

онных режиму сторонников леволиберальных взглядов («лемминги»). Ситуация поляризации общества Польши в нынешних условиях осложняется еще одним «слабым местом» *Facebook**: в социальной сети, как и во всем Интернете, существует проблема распространения ложной «фейковой» информации. Наиболее актуальной и серьезной проблемой остается распространение ложной информации о COVID-19, которая периодически удаляется модераторами социальной сети. Так, за распространение ложной информации о пандемии и мерах противодействия вирусу был заблокирован аккаунт политической партии «Конфедерация», что привело к дискуссиям в польских СМИ и среди политических акторов о том, что следует делать с *Facebook** в Польше. По мнению некоторых политиков, такая блокировка социальной сетью отдельных источников наносит удар по основным демократическим ценностям, препятствуя свободе слова и распространения информации [10].

Негативное влияние *Facebook** на поляризацию общественных дебатов в Польше становится особенно очевидным в последнее время. Алгоритмы социальных сетей, усиленные национальным характером поляков, разделяют польское общество как минимум на «две Польши», действующие параллельно. По мнению З. Савицкой, для исправления ситуации в стране необходимо просвещение граждан в области медиа — так называемое медиаобразование, которое будет способствовать «выходу поляков из коконов» и проведению рациональных общественных дебатов на основе разнообразной информации [15].

Заключение

Таким образом, политическая коммуникация между властью и обществом Польши становится все более серьезной проблемой, требующей дальнейшего глубинного исследования. Как показывает статистика, страна находится на стадии роста и распространения интернет-технологий. Особенно заметен рост использования социальных сетей в качестве источника информации и актуальных новостей. Можно предположить, что вовлеченность поляков в активную деятельность в социальных медиа будет стабильно расти в ближайшем будущем, а область применения интернет-площадок коммуникации будет расширяться, все более вторгаясь в сферу реальной политики.

Несмотря на все преимущества развития коммуникационных технологий, сближения органов власти и институтов гражданского общества, существует и ряд проблем, вызванных особенностями использования интернет-коммуникаций в республике.

С одной стороны, интернет-технологии способствуют быстрому и эффективному распространению информации и потреблению этой информации гражданами. Цепь коммуникации «адресат — адресант» становится короткой, и, следовательно, передача информации — быстрой. Вдобавок к этому многие социальные сети (к примеру, *Facebook** и *Twitter*) используют специальные автоматизированные алгоритмы, под-

страивающие видимый для пользователя контент под личные предпочтения потребителя информации, что, несомненно, удобно для него, поскольку создает большую привлекательность новостной ленты. Это же делает таргетинг объектом манипулирования.

Такие алгоритмы отсекают от пользователя значительную часть информационного потока, мнений, противоположных его убеждениям, и сведений от новых или незнакомых посетителю источников. Так, при просмотре новостей или поиске информации в *Facebook** вокруг человека образуется «информационный кокон», буквально отсекающий от пользователя любые альтернативные данные.

Еще одним вызовом современных интернет-технологий и социальных сетей в Польше становится проблема качества информации и ее источников. Как нам известно, Интернет с открытым доступом к информации даже из непроверенных источников способствует развитию средств манипулирования информацией, воспринимаемой пользователями. Корыстные намерения политических акторов делают интернет-пространство и пространство социальных сетей уязвимыми, что ведет к различным негативным последствиям — от удаления модераторами *Facebook** отдельных постов и блокировки ими страниц политических партий до серьезной поляризации общества не только в сети, но и в политической реальности. Следовательно, социальные сети в Польше, привлекающие все больше и больше участников, могут стать серьезной угрозой для политической и социальной стабильности страны и привести к негативным последствиям, превратившись в руках политических акторов в оружие манипуляции и контроля над убеждениями и действиями граждан.

Авторы выражают благодарность доктору наук Кишиштофу Женгоме (Институт политических наук Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне) за содействие в реализации программы исследования.

Список литературы

1. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования : монография. СПб., 2013.
2. Фельдман П. Я., Завалишин Н. С. Виртуальные сетевые коммуникации и политическая поляризация общества (на примере Соединенных Штатов Америки) // Коммуникология. 2021. Т. 9, №2. С. 98–109.
3. Boyd D. M., Ellison N. B. Social network sites: definition, history, and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13, №1. P. 210–230.
4. Directive (EU) 2018/1972 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 establishing the European Electronic Communications Code. OJ L 321. 17.12.2018. P. 36–214. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018L1972&from=PL> (дата обращения: 01.02.2022).
5. Gajowniczek T. Internet w komunikowaniu politycznym // Media – Kultura – Komunikacja społeczna. 2020. №2 (15). S. 53–67.
6. Grzechnik J. Rola nowych mediów w aktywizacji społeczności lokalnej na przykładzie ruchów miejskich w Krakowie. Gdańsk, 2018.
7. Howaniec H. Use of Social Media in Developing Countries: Internet and Social Media Users in Poland, Proceedings of the 37th International Business Information

Management Association (IBIMA), 30–31 May 2021, Cordoba, Spain. URL: https://www.researchgate.net/publication/354719044_Use_of_Social_Media_in_Developing_Countries_Internet_and_Social_Media_Users_in_Poland (дата обращения 01.02.2022).

8. *In Poland's politics, a 'social civil war' brewed as Facebook rewarded online anger.* URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/10/27/poland-Facebook-algorithm/> (дата обращения: 01.02.2022).

9. *Kalinowska-Żeleźnik A.* Wykorzystanie nowych mediów w komunikowaniu politycznym na przykładzie Urzędu Miejskiego w Elblągu // *Media Biznes Kultura*. 2017. №2 (3). S. 43–55.

10. *Konfederacja* usunięta z Facebooka. Mocny wpis Morawieckiego. URL: <https://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/8328019,konfederacja-Facebook-mateusz-morawiecki-usuniecie-partia.html> (дата обращения: 01.02.2022).

11. *Marin A., Wellman B.* Social Network Analysis: An Introduction // *Handbook of Social Network Analysis* / eds. by P. Carrington, J. Scott. Thousand Oaks, 2011. P. 11–25.

12. *Matuszewski P.* Selective exposure on polish political and news media Facebook pages // *Polish Sociological Review*. 2019. Vol. 206, №2. P. 177–198.

13. *Matuszewski P., Szabo G.* Are echo chambers based on partisanship? Twitter and political polarity in Poland and Hungary // *Social Media + Society*. 2019. №5. P. 1–14.

14. *Projekt ustawy – Prawo komunikacji elektronicznej.* URL: <https://www.gov.pl/web/premier/projekt-ustawy-prawo-komunikacji-elektronicznej> (дата обращения: 01.02.2022).

15. *Sawicka Z.* How Facebook Polarizes Public Debate in Poland – Polish Filter Bubble // *Social Communication*. 2019. №20. P. 45–52 (дата обращения: 01.02.2022).

16. *Strategia Cyberbezpieczeństwa Rzeczypospolitej Polskiej na lata 2019–2024.* URL: <https://www.gov.pl/attachment/6a4aafc6-e339-4cd5-a8e6-cd47257f02d8> (дата обращения: 01.02.2022).

17. *Zawadzki J.* Internet jako narzędzie komunikacji politycznej w społeczeństwie obywatelskim // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2007. №2. S. 181–196.

Об авторах

Илья Николаевич Тарасов — д-р полит. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

Анастасия Андреевна Жукова — студентка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AnAnZHukova@stud.kantiana.ru

The authors

Prof. Ilya N. Tarasov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

Anastasiya A. Zhukova, Bachelor student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AnAnZHukova@stud.kantiana.ru

Г. В. Кретинин

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ЗЕМЛЯ – МЕСТО ПАМЯТИ РОССИЯН

86

На конкретных примерах с учетом личных впечатлений анализируется проблема формирования российской идентичности жителей области. Обращение к популярному понятию «место памяти», конкретизация его на примере «калининградской земли» (Калининградской области) позволяет вести речь о сильном региональном (калининградском) компоненте идентичности. Общественное сознание местного населения испытывает влияние прошлой (прусской) истории на формирующуюся коллективную память. Многообразие мест памяти в регионе с различными национально-культурными особенностями требует особого подхода к ранжированию их идентичностных нагрузок.

The author of the article analyzes the shaping of the Russian identity of the region's inhabitants on particular examples and personal impressions and experience. A common term "the site of memory" applied to the Kaliningrad region, makes it possible to speak of a strong regional, or Kaliningrad, component of identity. The regional public consciousness and particularly its collective memory, which is in the process of its shaping, is influenced by the previous German (East Prussian) history. The diversity of memory sites in the region with different national and cultural characteristics requires a specific approach to ranking the identity emphasis.

Ключевые слова: культура, история, память, идентичность, Калининградская область, Восточная Пруссия, монументальный ландшафт, история края, социальные группы

Keywords: culture, history, memory, identity, Kaliningrad region, East Prussia, monumental landscape, history of the region, social groups

История распорядилась так, что территория Калининградской области оказалась частицей российской земли, на которой сформировался монументальный ландшафт, хранящий память о войнах прошлых веков. На ней пришлось воевать, проявлять героизм и погибать русским солдатам, а затем – восстанавливать и обустраивать ее жителям новой российской области.

Хорошо известно, что в XVIII в. на прусской земле проявили себя полки под командованием генерала П. А. Румянцева, артиллерийскими орудиями у Гросс-Егерсдорфа командовал двоюродный дед Пушкина И. А. Ганнибал. В войнах с Наполеоном отличилась мощная плеяда российских военачальников – генералы и офицеры М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион, Н. М. Каменский, Д. В. Давыдов и другие. В Первой мировой войне на полях Восточной Пруссии мужеством и военным талантом блеснули генерал Н. А. Епанчин, ротмистры П. Н. Врангель и В. Б. Бушнев, их боевые товарищи.

Массовый героизм, беззаветное служение своему Отечеству проявили наши деды и отцы на прусской земле в смертельном бою с фашизмом 1944–1945 гг. Да, подвиг советского солдата велик – сотни тысяч солдат с боями прошли по этому клочку земли! Совсем маленькая толка их имен, как и их предшественников, отражена на карте нашей области. Как сказал Р. Рождественский: «...на всей земле не хватило мрамора, чтобы вырубить парня в полный рост!»

Действительно, в долгу перед ними мы будем всегда. Но память о них личную, память историческую, память места – хранить обязаны! Начиная с генезиса феномена военно-мемориального наследия XVIII–XX вв. и вплоть до современного восприятия и представления о свершенном ими тогда и обсуждаемом сегодня.

* * *

Если использовать понятие Пьера Нора «место памяти», *Калининградская земля* – это не просто географический объект в узком понимании этого слова. Функция этого объекта заключается в объединении и сохранении духовного и материального в памяти группы людей, калининградцев. Да, выделенное таким образом место памяти естественно стало символическим, оно призвано создать (и уже создало) представление общества, калининградцев, о себе и своей истории¹. И здесь интерес вызывает подход П. Нора к терминам «память» и «история». Французский исследователь подчеркивает, что они не являются синонимами.

Память – это жизнь, носителями которой выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет... История – это репрезентация прошлого. Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... Память порождается той социальной группой, которую она спланирует, существует столько же памятей, сколько и социальных групп... она множественна и неделима, коллективна и индивидуальна. Напротив, история принадлежит всем и никому. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное [6, с. 20].

¹ Хотя это несколько упрощенное представление о предмете нашего изучения. В частности, И. Дементьев утверждает, что «культурная память калининградцев структурирована по четырем уровням: европейский (немецкий национальный), восточнопрусский региональный, российский национальный, собственно калининградский» [1, с. 28].

Столь длинная цитата была приведена для того, чтобы показать различия в подходах к оценке истории и памяти прошлых (довоенных), послевоенных и сегодняшних (живых) социальных групп, в смене «мест памяти».

После окончания Второй мировой войны прошло почти восемьдесят лет. Война внесла существенные коррективы в начертание государственных границ в Европе и, в частности, в юго-восточной Прибалтике. Естественно, что она оказала влияние и на формирование послевоенного общественного сознания. Более того, этот процесс не завершился, он продолжается и, видимо, будет длиться еще достаточно долго.

В историческом плане калининградцы в результате послевоенных реалий оказались в таком уголке Европы, где непосредственно соприкасаются интересы нескольких национальных культур; где, возможно, больше, чем в каком-либо другом регионе, будущее зависит от восприятия прошлого и оценки настоящего.

Специфическая история часто вторгается в наше сознание, расширяет границы нашей памяти, заставляет думать не только об особом историческом прошлом городов и провинции (ныне — области), которым более семи столетий и которые три четверти века тому назад из немецких (пруссских) стали российскими. Очевидно, речь идет и об этнокультурной составляющей нашего сознания.

Общественное сознание калининградцев с начала их переселения в область испытывало противоречивые воздействия формирующейся общественной психологии и безраздельно господствовавшей в послевоенное время идеологии.

Несомненно, в конце 40-х — 50-х гг. прошлого века послевоенная составляющая общественного сознания советского населения в регионе уже превалировала. Да, сразу после войны *Восточная Пруссия* как место памяти еще существовала — истоки этого места памяти уходили в тевтонские времена. Носителями такой памяти выступали живые социальные группы. Война разрушила прежний социум, а в калининградской среде было сформировано однозначное отношение к Восточной Пруссии как колыбели прусского милитаризма, фашистской твердыне. Затем эти позиции смягчались, пока в конечном итоге не привели к пониманию того, что Восточная Пруссия и Кёнигсберг — это в определенной степени и прежде всего символ мужества и героизма советских солдат, которые одержали здесь военную победу и которым были поставлены первые советские памятники. Началась коммеморативная деятельность, стали формироваться первые места памяти новой группы людей (правда, еще до появления терминологии П. Нора). Несколько позже этот уголок Балтики начал восприниматься как земля, ставшая родной для сотен тысяч пострадавших в годы Второй мировой войны россиян, как неотъемлемая часть России. Российское восприятие образа Восточной Пруссии, Кёнигсберга, Тильзита так или иначе было зафиксировано в общественном сознании калининградцев, в их исторической памяти.

К концу советского времени, в 1980—1990-х гг., в жизнь вступило поколение жителей области, уже имевшее здесь исторические корни.

Практически исчезли последние следы войны, хотя она иногда напоминала о себе и позже. Появилась некая общность людей со своими традициями, менталитетом, всерьез задумывавшаяся о своей идентичности, участвовавшая в формировании исторической памяти калининградцев. Это поколение выросло с осознанием того, что города и поселки, в которых оно живет, стали российскими по итогам Второй мировой войны.

Да, война прервала одну культурную традицию и создала новую, но они не могут существовать изолированно друг от друга и та, более старшая, так или иначе оказывает свое влияние на калининградскую. Следы прежней (прусской) памяти, памяти места, сохранились на калининградской земле. И это понятно. Другое дело, что вся эта материальная основа существовала, как сказал П. Нора, вне истории — в том, «чего больше нет», ибо калининградцы как будто не проявляли особого интереса к ней. Но вот именно «как будто».

Реально же понимание того, что общественное сознание надо развивать, совершенствовать, продолжать формирование новой этнокультурной идентичности, корректировать региональную историческую память, становилось все более и более необходимым. Наметились совершенно иные подходы к пониманию того, что мы называем региональной историей. Какие ее хронологические рамки? Не мог же Кёнигсберг просто так превратиться в Калининград? Конечно, важнейшую роль здесь и должны сыграть объекты (сохранившиеся, восстановленные и заново созданные, да и утраченные тоже) историко-культурного наследия. Все более и более активными становились коммеморативные действия властей и общественных институтов, активизировалась частная инициатива. Формируемые места памяти стали включать в себя материальные объекты довоенной культуры, что правда, не всегда отвечало исторической необходимости.

На первый план здесь и выходит такое место памяти, как Калининградская область (земля) в ее духовно-материальном единении с прошлым.

Предваряя свои рассуждения, я назвал основные исторические события на калининградщине, уже отложившиеся в общественном сознании. Однако российская история, связанная с Пруссией, берет свое начало даже не в XVIII в., а, как документально подтверждено, по меньшей мере, 500 лет тому назад (в легендарном отношении и того больше — именно здесь искали истоки многих русских дворянских родов, по легендам восходивших к рубежу I и II тысячелетий).

В начале XVI в. Тевтонский орден в борьбе против Польской короны обратился к Москве. Великий князь Василий III тогда вел борьбу за Смоленск с Польшей, заключив союз с Тевтонским орденом. Когда польские войска вышли на подступы к Кёнигсбергу, Василий III помог верховному магистру Альбрехту Бранденбургскому военными кредитами. Кёнигсберг устоял, московские деньги помогли. Н. М. Карамзин сообщает, что кредит составил 625 пудов серебра (см.: [3, с. 47]).

Современные российские исследователи более категоричны — так, А. Н. Лобин утверждает, что Россия фактически финансировала боевые действия ордена против общего противника [5, с. 15]. Ранее немецкий историк К. Форстройтер отмечал, что Москва потратила на помощь ордену 60 тыс. талеров [8, S. 106]. Наша современница немецкий историк М. Зах упоминает несколько другую сумму — 37 тыс. гульденов, но она же сообщает, что Альбрехт потратил на войну с Польшей 55 тыс. гульденов [9, S. 417]. Кстати, верховный магистр пытался получить от Великого князя недостающие средства уже после окончания войны с Польшей. С этой целью он даже направил в Москву своего посла Клингенбека, но, увы, безуспешно — Василий III закрыл кассу. Трудно сказать сейчас, сколько набежало процентов за полтысячи лет, но явно немало.

В середине XVII века между сторонами — Московским государством и Бранденбургом, которые представляли русский посланник И. Францбеков и курфюрст Фридрих Вильгельм соответственно, — был заключен договор о взаимопомощи и свободной торговле. Переговоры велись в октябре-ноябре 1656 г. в замке Лабиау — он сохранился в городе Полесске Калининградской области. В итоге договор с Россией в решающей степени способствовал реализации вековой мечты пруссаков — получению герцогством Пруссия независимости от Польши.

И еще о Лабиау. В 2022 г. вся страна будет отмечать 350 лет Петру I. Двадцать первого апреля 1716 г. в этом городе Пётр принял на себя командование галерной эскадрой, привел ее в Гданьск и вскоре в звании вице-адмирала получил под свое командование на Балтике четыре флота — России, Англии, Голландии и Дании [2, с. 19]. Пётр освоил своими морскими десантами не только речные фарватеры прусских рек и каналов, но и Ботнический залив, как должное воспринял титул императора Российского (пруссский король Фридрих Вильгельм I первым признал и поздравил его с таким высоким титулом!).

Памятником двухсотлетней российской политики на Балтике как раз и был замок Лабио (Лабиау). Это уже одно из мест российской памяти, важных для калининградцев — той социальной группы, которую она сплачивает и которой необходима память о прошлом. Надо отметить, что одноименные замок и город в последующие столетия сыграли значимую роль для петровского государства, для России. Так, например, в Семилетнюю войну, опираясь на местные возможности и инициативу русских офицеров, россияне в феврале 1761 г. в окрестностях Лабиау буквально спасли население более 70 прусских деревень от наводнения (в округе ураганом были разрушены защитные дамбы); остался в анналах военной истории и разгром под Лабиау французских войск в начале января 1813 г. (см.: [4, с. 150; 7, с. 24]).

Почему такое внимание привлекает Лабиауский замок, а не, например, Гердауэнский в пос. Железнодорожном, столь популярный у калининградцев?

В настоящее время в общественном сознании калининградцев модной стала проблема формирования коллективной идентичности. Рос-

сийская / калининградская, или кёнигсбергская / прусская? Восстановив Лабауский замок и создав в нем, например, музей истории российской дипломатии или резиденцию МИДа Российской Федерации, можно было бы говорить о нем как о российском месте памяти — между прочим, пятивековой. Но речи о реновации Лабауского замка не идет. Другое дело — Гердауэн. Те, кто заинтересуется этим бывшим городом, его историей, обнаружат, что, в общем-то, он и для немцев ничего особенного из себя не представлял. Один из многих прусских городков. Замок в Гердауэне просуществовал пару веков и затем лишился своего средневекового колорита. В последнее время все чаще возникают разговоры о его восстановлении. И «псевдозамок», и все остальное, что сохранилось до нашего времени в этом поселке, — новодел, XIX век.

Да, это тоже место памяти. Но памяти других «мы-групп». В этом историческом образовании за семь столетий не было ничего такого, чем бы мы, россияне, могли «зацепиться» за частицу исторической памяти. Это практически полное отсутствие коммеморации.

Откровенно говоря, я рад за жителей города, которым в рамках формирования «кёнигсбергской идентичности» построили удобный для проживания населенный пункт. Но память этого «места» для россиян ограничивается всего несколькими десятилетиями. Память — вначале советская, а затем российская. И для калининградцев она особая в том плане, что в советское время в этом городке сохранялся доменный завод по производству пива, и он славился своей качественной продукцией.

В настоящее время разворачивается кампания по реновации Тапиауского замка (в городе Гвардейске). С российской историей средневековый замок связан тем, что в нем завершил свой жизненный путь последний верховный магистр Тевтонского ордена и первый герцог Пруссии, он же денежный должник России, Альбрехт Бранденбургский. Через Тапиау водил свои корабли Пётр I, можно отметить и события Семилетней войны, и наполеоновского периода, и Первую мировую войну, и, естественно, советских героев.

Не сомнений в том, что надо приводить в порядок все населенные пункты, калининградцы имеют право жить достойно в любом уголке области — от Краснолесья у Виштынца до пос. Коса на берегу залива в Балтийске. И все же такие объекты, как Лабауский и Тапиауский замки, должны играть особую роль при ранжировании идентичностных нагрузок жителей области.

И еще немного о Калининградской земле как месте памяти. Мы прекрасно понимаем, что ее история не ограничивается восемью десятилетиями лет. Просто так предыдущие семь веков прусской истории вычеркнуть, замолчать не удастся. Но рамки эссе позволяют мне говорить и о личном — о том, как я ощущал недостаток исторического знания о прошлом этого края. Еще будучи школьником, вполне благонадежным, сыном участника Восточно-Прусской операции 1945 г., а потом — зятем

участника штурма косы Фришинг в апреле-мае 1945 г. Да, нам, поколению пятидесятых — шестидесятых годов, хотелось знать больше о прошлом этой земли. Откуда здесь памятники русским воинам 1914 г.? А барклаевское надгробие? Тогда, в 60-х годах прошлого века, ответ на подобные вопросы получить было практически невозможно.

Прошло время, началось новое тысячелетие. Вроде бы шло формирование места памяти российской «мы-группы». Но по-прежнему калининградцы, особенно молодые, испытывали большие затруднения в освоении истории того края, в котором они проживали. Эти знания мы получали в рамках школьного курса всеобщей и отечественной истории, но этого было, конечно, мало. Фонды местных библиотек почти не имели исторической литературы. Они комплектовались еще в первое послевоенное время, по случаю, по доброй воле библиотек российских регионов, деливших с калининградцами своими скудными ресурсами.

И вот пятнадцать лет назад мы решили рассказать школьникам о событиях на нынешней российской территории начиная с Александра Невского. Нет, князь, впоследствии канонизированный, в наших краях не был. Но вот его противники на русские земли отсюда хаживали! И об этом следовало знать. Начинать надо было со школьной скамьи.

Университетским историкам в 2006—2007 гг. удалось осуществить масштабный проект под названием «История Западной России. Калининградская область» — выпустить учебник для учеников 6—11-х классов средней школы. Это был российский взгляд на 700-летнюю историю края, в том числе на участие России в этой истории.

Мы смогли подготовить и издать учебник (3 книги — для 6—7-х, 8—9-х и 10—11-х классов), учебно-методическое пособие для учителей (также в трех книгах), хрестоматию (для 6—9-х и 10—11-х классов), географический атлас (для 6—9-х и 10—11-х классов), рабочие тетради (3 комплекта), интерактивные рабочие тетради (также три комплекта), две утвержденные региональным министерством образования учебные программы, рабочие материалы для учителей (также 3 выпуска). Всего свыше 20 издательских продуктов. Учебно-методический комплекс был издан «Олма-Пресс», включал пробный тираж и основной — порядка 20 тыс. экземпляров. Несколько лет продолжалось освоение учебной программы и... всё, дальше дело не пошло.

Кампания на местах по обвинению в пресловутой «германизации» проект остановила. Остановка произошла естественным образом: закончился срок «службы» бумажных носителей (учебников и учебных пособий) региональной истории. Переизданий — исправленных и дополненных — не было. Учебное время было переориентировано на занятия по другим предметам.

Казалось бы, возвращение к проекту произошло в 2012—2013 гг. благодаря академику А.О. Чубарьяну. Лестные слова Александра Огановича о проекте были высказаны В.В. Путину, сохранился его (В.В. Путина) автограф в адрес Д.А. Медведева с просьбой поддержать дальнейшую реализацию проекта по изучению школьниками «Истории Западной России».

Был образован творческий коллектив, подготовлены рабочие экземпляры, но... Теперь уже региональное руководство, «обжегшись на молоке, стало дуть на воду».

Проект не был возобновлен.

Ну, а школьники познают историю края благодаря своим учителям истории, которые, в свою очередь, нуждаются в современной учебно-методической и научной литературе. В этой части учителя как правило предоставлены сами себе. Почему?

Мне хочется привести слова Александра Сергеевича Грибоедова: «Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!» Действительно, Москва далеко, за тремя границами, а мы здесь как-нибудь переживем! В результате в ход идут подручные материалы, разного уровня курсы по истории и т. д.

Истины ради отмечу, что в БФУ им. И. Канта в данный момент завершается работа над популярным изданием истории области, а региональное министерство образования стремится реанимировать вариант нулевых годов — пока, правда, не очень успешно.

Но все же сегодня мы можем и должны говорить о процессе формирования этнокультурной идентичности в Калининградской области. Основу ее составляет и еще долго будет составлять память о россиянах, имевших отношение к истории этой земли во все времена и при всех народах. Это объективно. Другое дело, что меняется характер этой памяти. Она становится более выдержанной, приобретает новые оттенки, расширяются ее хронологические границы, формируются и появляются новые места памяти. Именно поэтому мы можем уверенно говорить о своем будущем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-09-43039 «“Советский народ” на крайнем западе России: теория и практика формирования “новой исторической общности» в Калининградской области (1945 – 1991)».

Список литературы

1. Дементьев И. Калининградская область как зона диалога культур и столкновения мест памяти // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти: сб. науч. ст. ; под ред. Ю. Костяшова, О. Курило. Калининград, 2012. С. 24–32.

2. Журнал или поденная записка, блаженный и вечнодостоинья памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1770. Ч. 1.

3. Кретинин Г. В. Н. М. Карамзин: к истории использования документов Кёнигсбергского архива в работе над «Историей государства Российского» // Слово.ру: балтийский акцент. 2016. Т. 7, №4. С. 39–48.

4. Кретинин Г. В., Мегем М. Е. Прусский губернатор В. И. Суворов // Вопросы истории. 2021. №4-1. С. 144–151.

5. Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. №1. С. 11–26.

6. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора [и др.] ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17 – 50.

7. Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии : сб. док. / под ред. Л.Г. Бескровного ; сост. Р.Е. Альтшуллер, В.И. Головников [и др.]. М., 1964.

8. Forstreuter K. Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg: ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht über seine Bestände. Göttingen, 1955.

9. Sach M. Hochmeister und Grossfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart, 2002.

Об авторе

94

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

The author

Prof. Gennady V. Kretinin, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

В. В. Кривошеев**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПАРАДОКС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ****Часть вторая**

Статья продолжает предшествующую публикацию, в которой показывалось формирование и становление организованной преступности в раннесоветский период истории российского общества. Во второй части раскрываются особенности проявления организованной формы криминальной активности в период так называемого застоя. Автор подчеркивает, что 1980-е гг. были наиболее благоприятными для разветвления организованной преступности. Именно тогда этот вид антисоциальных деяний достиг наибольшего размаха, охватив своим влиянием все сферы социальной жизни и образовав массивный околопреступный социальный мир. Речь, в частности, идет о все большей коррумпированности властных структур, аппарата управления, включая партийных работников разного уровня, что прежде практически не фиксировалось. Коррупция поразила и правоохранные органы, прежде всего милицию. Отмечено, что за весьма короткий период истории, связанный с нахождением у власти Ю.В. Андропова, были приняты определенные шаги по обузданию наиболее опасных проявлений организованной преступности, но это период оказался непродолжительным. Наступившая вскоре Перестройка перечеркнула сделанное и ознаменовала наступление нового этапа развития организованных форм криминальной активности. Рассмотрены также различные проявления организованной преступности, которая всегда пыталась мимикрировать под легальные формы экономической и иной активности. Высказаны соображения относительно возможности дальнейшего ограничения сфер влияния организованных форм преступности.

This article follows the previous publication, which showed the growth of the organized crime in the Soviet period of Russian social history. This part of the article reveals the features of organized criminal activity during the so-called "stagnation period." At the same time, the author emphasizes that the 1980s were the most favorable for the sprawl of organized crime. It was during these years that this type of antisocial activity reached its peak, covering all spheres of social life with its influence, bringing to life a massive near-criminal social world. In particular, it was a matter of increasing corruption of local structures, the apparatus of management, including Party officials at various levels, which had not been known before. Corruption also affected law enforcement agencies, especially the police. In this part of the article, the author noted that in a very short period of history related Y. V. Andropov certain steps were taken to curb the most visible and dangerous manifestations of organized crime, but this period itself was not long. Later restructuring essentially crossed out what was done and marked the onset of a new stage in the development of organized forms of criminal activity. Various

manifestations of organized crime, which has always tried to merge with legal forms of economic and other activity, are also considered. Suggestions have been made about the possibility of further limiting the spheres of influence of organized criminal activity.

Ключевые слова: организованная преступность, советский период истории, трансформация организованной преступности

Keywords: organized crime, Soviet period of Russian history, transformation of an organized form of criminal activity

«Застой» и Перестройка: новые возможности организованной преступности

В середине 1960-х гг. «оттепель» окончательно сменяется иной социально-политической, духовной и экономической ситуацией, получившей в истории определение «застой». Сам термин, как представляется, не в полной мере передает суть положения, сложившегося в СССР. Застой, скорее, характеризовал кадровую неподвижность, несменяемость весьма престарелого руководства страны. Продолжилась, может и в несколько большем масштабе, практика идеологического (и не только, впрочем) давления на интеллигенцию, ограничений различных проявлений свободомыслия. Из страны был изгнан А. И. Солженицын, начата откровенная травля многих литераторов (например, Ю. Даниэля и А. Синявского, будущего лауреата Нобелевской премии по литературе И. Бродского). Получила распространение и так называемая советская психиатрия, когда власть всем, кто не разделял официальный курс партии, навешивала ярлыки психически больных людей (типично советский диагноз того времени — «вялотекущая шизофрения»).

С середины 1960-х гг. в советском обществе весьма высокими темпами нарастала обстановка вседозволенности, двойных стандартов и двойной морали — то, что, естественно, получало осуждение на словах, не подкрепленное действиями и соответствующей политической волей. Именно с середины 1960-х до начала 1980-х гг. в СССР начала складываться обстановка безнаказанности, сокрытия информации о реальной криминальной опасности, угрожавшей обществу. Неслучайно поэтому, как показывали закрытые исследования, проведенные Всесоюзным научно-исследовательским институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности при Прокуратуре СССР, многим более 17 % от числа опрошенных были в этот период уверены в неизбежности наказания за совершенные антисоциальные действия [1, с. 54].

Часть преступлений и иных нарушений права просто не учитывалась, другие антизаконные деяния квалифицировались как менее опасные для общества деяния. Точно так же, как приписки в промышленности, строительстве, на транспорте, манипуляции со статистикой в правоохранительной системе призваны были сформировать представ-

ление о благополучном, процветающем, бесконфликтном обществе. Подобное отношение к социальным реалиям еще больше обостряло криминогенную обстановку.

Особо следует, на наш взгляд, вновь остановиться на положении в сфере обмена и распределения. По сути, розничная торговля в СССР к середине 1970-х гг. разделилась на две взаимосвязанные подотрасли — официальную и теневую. Именно на этой стадии создаются организованные преступные группы, которые используют отработанную систему махинаций. А такие схемы были многообразны: пересортица, мнимая порча товара с последующим его списанием, направление товарных потоков «своим» реализаторам, торговля неучтенными излишками. Все это формировало материальную базу, позволявшую махинаторам не только вести образ жизни, не вписывающийся в фиксированные официальные заработки, но и создавать условия для подкупа должностных лиц [1, с. 89].

Криминальная деформация все более характеризовала и положение в таких отраслях, как мясомолочная и деревообрабатывающая промышленность, сфера услуг, прежде всего автосервис. Приписки, искажения отчетности, оплата за невыполненную работу, незаконное премирование, не говоря уже о хищениях, отмечались в хлопководстве, виноградарстве, строительстве, на транспорте. Налицо была явная угроза перерождения социально-экономических отношений [2].

Что касается политики по борьбе с организованной преступностью, то именно с середины 1960-х гг. для нее были характерны невнимание, безразличие, прямое попустительство по отношению к этой форме криминальной активности. Неслучайно именно в указанный период беспрецедентно возрастает финансовая и экономическая мощь организованных преступных групп и сообществ. По некоторым оценкам, оборот организованной преступности уже в конце 1970-х гг. составлял в СССР не менее 150–250 млрд рублей в ценах 1978 г. [3]. Для того чтобы оценить, много это или мало, достаточно сказать, что весь бюджет Советского Союза в том году был лишь в 3–3,5 раза больше.

Невиданных прежде масштабов достигает коррупция, в нее втягиваются партийные и государственные руководители союзного масштаба, страну начинает захлестывать наркомания [4]. Все эти негативные явления были как по эстафете переданы последним руководителям Советского Союза, которые уже не могли, а возможно, и не хотели что-либо сделать для ограничения всевластия криминального мира.

Сращивание деятелей теневой экономики с представителями номенклатуры заметно активизировало формирование самой мощной формы организованной преступности — мафии (особенно это было характерно для Средней Азии, республик Кавказа, Москвы, Ленинграда). Исследователи фиксируют невиданное падение престижа власти в это время, распространение пьянства и алкоголизма как своеобразной реакции масс населения на существующие порядки, на невозможность достойно жить и работать, продвигаться по служебной лестнице без высоких покровителей. В органах власти процветали интриги, чиновничество, угодничество [5, р. 183].

Серьезный удар был нанесен по самим основам правовой системы. Чаще всего решения высших партийных органов имели приоритет над законами. Законы при этом попирались неофициальными решениями, устными указаниями номенклатуры — так называемым телефонным правом [4].

В качестве наиболее показательного примера масштаба распространения организованной преступности можно сослаться на происходившее в Ленинграде, который гордо называли в советское время «городом трех революций», носившим имя «вождя мирового пролетариата». Следует иметь в виду, что Ленинград отличался традиционно сильными позициями контрабандистов. Это объясняется прежде всего географическим положением города и всего региона. Не последнюю роль играло и то, что в нем всегда находилось большое количество музеев, хранилищ предметов искусств, проживало много коллекционеров, реставраторов, художников.

Предметами контрабанды в 1970-х гг. были произведения искусства, антиквариат и товары народного потребления (одежда и бытовая техника). Контрабанда обеспечивалась преступной инфраструктурой. В городе работала разветвленная сеть «агентов», в задачи которой входил сбор информации и определение потенциальных жертв преступлений. Типичные жертвы преступлений — пожилые одинокие пенсионеры, алкоголики, собирающиеся эмигрировать лица. Преступления могли носить насильственный характер (разбой, грабеж, вымогательство) или же выглядеть как мошенничество, шантаж [6].

В Ленинграде действовало также множество «команд» спекулянтов (фарцовщиков). Они занимались скупкой и последующей перепродажей (спекуляцией) товаров народного потребления. В условиях тотального дефицита преступники организовывали оптовые скупки со складов, «блокирование» магазинов, перекупку модных вещей у иностранных граждан и соотечественников, приезжающих из-за границы. В дальнейшем товары продавались на полуплегальных вещевых рынках, вблизи крупных магазинов (ленинградцам была хорошо известна так называемая «галёра» — галерея Гостиного двора, в самом центре Невского проспекта — место торговли предметами женского туалета, парфюмерией и другими товарами) и в общественных туалетах. Ленинград стал одним из центров, куда приезжали фарцовщики со всего СССР. Значительный объем криминальной деятельности составляли так называемые незаконные «валютные операции», то есть покупка и продажа иностранной валюты, прежде всего долларов [6].

В 1970-е гг. в Ленинграде начал складываться и наркобизнес, процветала система перевозки и продажи наркотиков. Большую часть наркотических средств перевозили и продавали представители «системы» (хиппи), цыгане, многочисленные неорганизованные курьеры. Традиционные районы, откуда доставляли наркотики, — Казахстан, Средняя Азия (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), Дальний Восток, некоторые республики и области юга СССР (Украина, Краснодарский край, Ставропольский край). В Ленинграде практиковалась и системно

организованная кража из аптек, больниц, фармацевтических лабораторий с последующей продажей наркотических препаратов. Основные виды наркотиков в 1970-е – начале 1980-х гг. – «трава» (конопляные наркотики – анаша, гашиш и др.), морфий, «черняшка» (маковые, опийные наркотики, изготавливаемые в домашних условиях), «винт» (первитин), грибы (довольно редкий вид галлюциногенных грибов, произрастающий в окрестностях города), реже встречались ЛСД и героин. С началом войны в Афганистане военнослужащие начали привозить наркотики из этой страны. Очевидно, что этот рынок вряд ли мог существовать без четко организованной системы. Однако сведения о сообществах этого времени практически отсутствуют [6]. Так, на примере одного города (правда, мегаполиса) мы увидели, как происходило в 1970-х – начале 1980-х гг. развитие и закрепление всех форм организованной преступности.

Таким образом, существование «альтернативной экономики» неминуемо предполагало глубокую деформацию общественной морали в соответствии с такими постулатами этики «реального социализма», как «хочешь жить – умей вертеться», «работа дураков любит», «где бы ни работать – лишь бы не работать», «государство делает вид, что нам платит, а мы делаем вид, что работаем» и т. д.

Такая мораль порождала массовые хищения. Люди, по сути, руководствовались правилами «всех не пересажают», «если можно много воровать начальству, почему нам нельзя взять чуть-чуть?». Это был нормальный подход с точки зрения советского здравого смысла, позволявший если не жить, то по крайней мере выживать в условиях того времени.

Вот как складывалась, например, ситуация на транспорте. Только за два года (1976–1977) число краж в этой сфере возросло в два раза, стоимость украденного – в 4 раза. При этом 40 % воров сами были железнодорожниками, а 60 % – работникам водного транспорта. За год от 9 до 11 тыс. легковых автомашин, предназначенных на экспорт, скапливалось в Бресте, потому что их невозможно было передать в «разобранном» виде иностранцам. Все, что можно (колеса и некоторые другие детали), с них просто разворовали в процессе транспортировки. 25 % тракторов и сельскохозяйственных машин приходило к месту назначения разукomплектованными; 30 % автомобилей «Жигули» вернули на ВАЗ, так как к потребителю они пришли наполовину разобранными. Воровали на много миллиардов рублей в год; мяса крали в 7 раз больше, чем двумя годами ранее, рыбы – в 5 раз больше. В 1978 г. поймали 4 тыс. воров на железной дороге, в 1979-м – 11 тыс. [7]. А кого не поймали – сколько их?

Коррупция охватила и представителей партийно-государственной элиты. Например, в 1974 г. без всякого официального оповещения от должности была освобождена Ядгар Насриддинова, председатель Совета национальностей Верховного совета СССР. Выяснилось, что на делах по амнистии она получила взятку на 23 млн руб. Но ей вынесли только строгий выговор, при этом сделали заместителем министра промыш-

ленности строительных материалов. Вернула в государственную казну она из 23 млн только 3. Причем в дальнейшем выяснилось, что вокруг Насриддиновой действовала целая организованная преступная группа: смертные приговоры преднамеренно выносились в делах, которые совсем необязательно требовали высшей меры, — чтобы легко было их отменить с помощью высокопоставленной чиновницы [7].

В 1983 г. в Советском Союзе был зарегистрирован резкий скачок преступности. На самом деле особого скачка не было: к власти в конце 1982 г. пришел Ю. В. Андропов, быстро сменивший на посту министра внутренних дел Н. А. Щелокова, ставленника Л. И. Брежнева. И чтобы показать, каким негодным руководителем был Брежнев, как справедливо отмечает Ю. Гилинский, надо было продемонстрировать жесткость и непреклонность в борьбе с преступностью, навести хотя бы элементарный порядок в стране, где руководители всех уровней погрязли в воровстве и коррупции, где отсутствовала элементарная производственная и общественная дисциплина [8].

К началу 1980-х гг. в Узбекистане, например, практически не осталось ни одного государственного предприятия, на котором бы не было масштабных злоупотреблений, а весь партийный аппарат республики оказался тотально коррумпирован. Расследовавшие «узбекское дело» следственные бригады Генпрокуратуры СССР изымали из тайников миллионы рублей, выкапывали заполненные золотом 40-литровые бидоны. Выяснилось, что представшие перед следствием новоявленные эксплуататоры из числа коммунистических баев реанимировали не только капиталистические, но и феодальные и даже рабовладельческие порядки. Так, на плантациях первого секретаря райкома компартии одного из районов Адылова, носившего звание Героя социалистического труда, работали (по 10–12 часов в сутки, причем практически даром, за еду) настоящие рабы: они не могли покинуть не только свой район, но и свой поселок, у них не было паспортов и обязательных для всех работающих в СССР трудовых книжек, а недовольных он и его подручные годами истязали в собственных частных тюрьмах. Местная милиция строго охраняла подъезды к владениям Адылова. Те, кто пытался жаловаться на рабовладельческие порядки, рисковали свободой и жизнью — некоторые из них исчезали бесследно. Террор осуществлялся и «законно», с помощью «правоохранительных» органов, которым ничего не стоило сфабриковать уголовное дело с подставными свидетелями. Если кому-нибудь из работников МВД Узбекистана приходило в голову попытаться пресечь тот или иной незаконный «бизнес», то за его убийство дельцы могли заплатить представителям организованного преступного мира до миллиона рублей [9].

В целом же к исходу так называемого застоя можно констатировать наличие следующих социальных феноменов в советском обществе. Во-первых, при всем стремлении приукрасить действительность, скрыть даже официальные, то есть во многом фальсифицированные данные, показателен тот факт, что число даже зарегистрированных преступлений с 1970 по 1983 г. увеличилось вдвое, причем в значительной мере за счет корыстных преступлений [2, с. 169].

Во-вторых, при всей неоднозначности социальных процессов, протекавших в тот период, можно говорить, что к концу его наблюдалось частичное сращивание криминального мира, по крайней мере некоторых его представителей («воры в законе»), с отдельными звеньями аппарата управления, прежде всего — занимающегося распределением материальных благ и сферой услуг. Были налажены контакты отдельных представителей преступного мира и с партийными руководителями, по крайней мере в национальных республиках, что обусловило затем нарастающий сепаратизм в СССР.

В-третьих, в этот период произошло определенное самоопределение преступного мира — достаточно многочисленная его верхушка перестала осознавать (и / или оценивать) себя как все же периферийную часть общества. Характерно, что сформировавшаяся к середине 1980-х гг. новая волна «воров в законе» уже стремилась хотя бы внешне мимикрировать под вполне законопослушных граждан. «Вор в законе» все больше начинал походить на менеджера, чем на наиболее умелого преступника, личным примером обеспечивающего успех того или иного «дела» [2, с. 171].

В марте 1985 г. к власти в Советском Союзе пришел Михаил Горбачев, сравнительно молодой (ему в ту пору исполнилось 54 года, после брежневских старцев он казался советским людям просто юнцом), энергичный, настроенный на модернизацию советского строя политик. Однако новый период в истории советского общества открыл немалые возможности для организованной преступности. Именно в ходе Перестройки (1985—1991) произошли наиболее существенные социальные изменения, во многом определившие криминальное положение в российском обществе и в настоящее время. Конечно, теневая экономика к этому времени в СССР уже сложилась, а экономическая мощь ее была таковой, что можно было вполне говорить о наличии второй экономики. Более того, к этому времени криминалитет уже отработал устойчивые связи с аппаратом управления на всех уровнях социальной организации — от заводов и районов до областей и республик в составе СССР, до центральных ведомств и министерств [2, с. 170].

Прежде всего следует, на наш взгляд, обратить внимание на то обстоятельство, что в этот период протекала частичная легализация и, соответственно, реабилитация (точнее, попытка реабилитации в общественном мнении, массовом сознании) представителей преступного мира. Господствовавшая, по крайней мере на уровне пропагандистских усилий, идея кардинальной перестройки социальных отношений, коренного пересмотра всех основных ценностей советского периода истории российского общества весьма своеобразно стала преломляться во многих формах массового воздействия на сознание людей (печать, эстрадное искусство, кинематограф и т. п.). Культивировалось представление о том, что все без исключения осужденные по так называемым хозяйственным статьям Уголовного кодекса и являются на самом деле настоящими рыночниками, готовыми едва ли не возглавить соответствующее реформирование предприятий и организаций [2, с. 171].

Открытость некоторых прежде недоступных для общественного обсуждения тем в публикациях средств массовой информации также преломлялась весьма специфично. В массовое сознание настойчиво внедрялись представления о бедственном положении заключенных, о полной несправедливости судов, об исключительно обвинительном уклоне приговоров, о необходимости в силу этого гуманизировать пенитенциарную систему в Советском Союзе. При этом, как правило, игнорировалась точка зрения пострадавших, жертв преступных посягательств [2, с. 172]. Точнее, даже не игнорировалась, а попросту не замечалась. Вольно или невольно эти факторы играли на руку преступному сообществу, вызывая в нем соответствующую ответную реакцию.

102

Удивительно, как быстро и точно криминальные элементы почувствовали, что у них появился шанс в ходе начавшейся Перестройки. А.И. Гуров, известный российский специалист-криминолог, практик (именно он возглавил впервые созданное еще в СССР Управление по борьбе с организованной преступностью в МВД), приводит содержание письма, перехваченного уже летом 1985 г. из зоны от одного из «воров в законе». Смысл послания сводится к тому, что матерый преступник требовал от своих «подчиненных», оставшихся на воле, быстрее «вытаскивать» его из зоны, поскольку «пришло наше время» — время преступников, включенных в мощные группировки. Именно в это время в воровской среде по созвучию была перефразирована старая русская поговорка «куй железо, пока горячо». В новом варианте она стала звучать так: «Куй железо, пока Горбачев» [2, с. 189].

Эта переделанная поговорка стала своеобразным девизом, призывом к криминалитету: пользуйся моментом, вдруг вновь начнутся более или менее успешные и профессиональные действия правоохранительной системы, а пока все эти политологи и экономисты пусть спорят, какой именно строй сформировался в Советском Союзе, народ пусть мечется в поиске все быстрее исчезающих продуктов; можно быстро продвигаться по пути обогащения, захвата лакомых кусков собственности.

С началом Перестройки быстро и совершенно непродуманно менялось законодательство. При этом не делалось даже элементарных попыток криминологической экспертизы новых законов, затрагивавших самые основы социально-экономической системы, что приводило к открытому проникновению организованной преступности в основные отрасли народного хозяйства СССР.

Впервые криминалитет получил возможность массовой, но в то же время частичной легализации, привлечения в свои ряды значительной доли индивидов из иного социального мира после ввода в действие в СССР закона «О кооперации» (1987). Создание торгово-посреднических кооперативов, их союзов не только привело к дальнейшему разрушению потребительского рынка в стране, уже испытывавшего крайнее напряжение из-за потери общей управляемости социальными процессами, но и ввело в оборот огромные деньги «теневой экономики», позволило как бы вчерне отработать технологию все более массовых контактов с представителями органов власти, установить еще более тесные

отношения с экономическими кругами, прежде всего в сфере торговли. Кооперативы не только вводили в оборот незаконно полученные деньги, но и получали значительные возможности обналичивания финансовых средств, строили взаимоотношения на основе неучтенной наличности ресурсов. В 1989 г., к примеру, превышение снятых с банковских счетов денег над внесенными на них составило 19 млрд, а за первое полугодие 1990 г. — 12 млрд руб. [10]. Примечательно и другое: в кооперативах можно было использовать наемный труд, что для тогдашнего советского человека казалось не только странным, но и едва ли приемлемым. Параллельно созданию массы посреднических и торговых кооперативов шло дальнейшее разрушение потребительского рынка, начался обвальный дефицит все большего числа товаров, что еще сильнее генерировало криминальную активность в сфере обмена и распределения, оказания разного рода услуг [1, с. 172]. Неслучайным представляется и то, что в кооперативах до 60 % их руководителей, как отмечает криминолог И. И. Карпец, были ранее судимыми [10].

В 1988 г. в Советском Союзе ввели первые талоны на продовольственные товары (на сахар) — карточки, которые регламентировали продажу продовольственных товаров. К концу Перестройки без талонов можно было купить разве что хлеб. Кроме продуктов питания были талоны на водку, стиральный порошок и т. д. Работники типографий, где печатались талоны, наживались на том, что изготавливали лишние партии этих важных с точки зрения потребителей документов и продавали их через друзей и знакомых [11].

Существенные правовые пробелы имели и законы «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О государственном предприятии». По второму, например, на государственных (а других тогда в СССР просто не было) заводах можно было создавать так называемые малые предприятия и кооперативы. По этому закону налоги и прочие отчисления в бюджет государства платило основное предприятие, а все остальное (производственные фонды, помещения, оборудование и т. п.) могли использовать кооперативы, извлекая выгоду лишь для себя, имея при этом наличные деньги [11]. Излишним, видимо, будет говорить, как охотно и быстро воспользовались этим обстоятельством дельцы теневой экономики, все преступники, связанные с ее организованными формами. Такова была импровизационная политика власти в указанный период.

Крайне непродуманной была и так называемая антиалкогольная кампания Горбачева. Шестнадцатого мая 1985 г. вышел указ Президиума Верховного совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», что и стало началом антиалкогольной кампании в стране. Ее целью была борьба с пьянством, укрепление общественного порядка и трудовой дисциплины. Но вместо того, чтобы вести комплексную и последовательную работу, сочетать стимулирующие и тормозящие меры, организаторы кампании свели ее в основном к запретам, штрафам, крайним ограничениям. В свою очередь, запреты и ограничения выступили

своеобразным стимулом хорошо известных негативных тенденций: нарушались правила торговли, процветали самогоноварение, спекуляция и незаконная продажа спиртных напитков, возрастало потребление суррогатов.

В стране, привыкшей жить в условиях нехватки всего и вся, возник новый жесточайший дефицит. Бутылка водки превратилась в эквивалент твердой валюты. Производство крепких спиртных напитков сократилось на 25 %, площадь виноградников — на треть. Было закрыто или перепрофилировано большое количество спиртоводочных и винных заводов. Бюджет СССР стал недосчитываться в среднем до 25—30 % поступлений в год [12].

104

Отмена репрессивного характера административно-бюрократической системы не сопровождалась институционализацией гражданско-правовых форм контроля над деятельностью аппарата, принимавшего решения об использовании объектов общественной собственности. В результате постепенно в среде бесконтрольных хозяйственных руководителей стали формироваться частные интересы и волонтаристские методы работы, дезорганизовывавшие тогдашнюю структуру народного хозяйства. Бюрократия по команде сверху ослабила внутреннюю дисциплину, открыв путь произвольному распоряжению правами общественной собственности, хищениям, финансовым махинациям. Эти тенденции, как считают многие аналитики, представляли собой не столько недостаток принципа планирования, сколько явные просчеты в порядке его применения [13].

Порядок принятия решений окончательно оказался в ведении не законодательной, а административной воли. Поэтому их легальность часто была спорной. Можно даже заключить, что правовое обеспечение системы принятия плановых решений отставало от требований развития производства и даже не столько допускало деятельность теневого рынка и теневых отношений, сколько всемерно способствовало им [13].

В 1988 г. в стране была принята система хозрасчета, предоставлявшая предприятиям новые права в распоряжении финансовыми ресурсами, не сопровождаемые соответствующей ответственностью, вступил в силу закон о кооперации, разрешавший частную эксплуатацию наемного труда. Финансы, не покрывая плановую продукцию, стали из государственных предприятий активно уходить в кооперацию, которая превратилась по преимуществу в торговое посредничество, так был легализован теневой рынок. А закон о совместных предприятиях обеспечил легальный выход «теневого капитала» на международный рынок. Таким образом, нелегальный интерес бюрократии нашел реализацию в организации теневой экономики, а в дальнейшем, в 1991—1993 гг., она стала инициатором политического курса на защиту права частной собственности и на трансформацию государственной системы, что подвело черту под существованием социалистического способа хозяйствования в России [13].

Примечательные процессы разворачивались в этот период в криминальной среде. Во-первых, было закреплено изменение «воровского закона». Появилась возможность покупки «звания» «вора в законе», что

прежде было немислимо. Более того, отныне отнюдь не возбранялось, а даже поощрялось поддержание лидером преступного мира связей с управленческими и правоохранительными структурами, в том числе на уровне их руководства. Часть рецидивистов-авторитетов, несогласных с такой коренной ломкой традиций, либо подкупалась (получая своеобразную «пенсию» от преступных сообществ), либо физически устранялась. По данным научно-исследовательского института МВД СССР, в конце 1987 г., например, отмечались факты, когда старым «ворам в законе» выплачивались немалые суммы только за то, чтобы они не участвовали в воровских сходках, на которых вырабатывалась новая стратегия криминалитета. Кроме того, за год самими преступными сообществами было ликвидировано около 30 прежних «авторитетов» и «воров в законе» [2, с. 172]. Таким образом, сами процессы, шедшие в ту пору в преступной среде, убедительно свидетельствуют о начале слияния общеуголовной преступности и аморальной части быстро обновляющегося аппарата управления.

Во-вторых, тормозившийся прежде численный рост наиболее влиятельных членов преступных сообществ сменился быстрым кооптированием в эти ряды задержавшихся на второстепенных ролях криминальных элементов. Наряду с примерно 700 «воров в законе» быстро стали набирать вес около 20 тысяч «авторитетов» (а это следующая, хотя и более низкая, ступень в криминальной иерархии), а также десятки тысяч «бойцов» из их ближайшего окружения («пристяжь») [2, с. 172]. Увеличивалось и число так называемых смотрящих, то есть криминальных элементов, назначаемых сходками или сообществами для контроля над определенной территорией, на которой в силу разных обстоятельств отсутствовал «вор в законе» или «авторитет».

Получается, что именно преступники стали наиболее активно действовать, увеличивая свои финансовые возможности, а значит и способность оказывать влияние в обществе, быстро теряющем нравственные и правовые ориентиры — и без того достаточно шаткие, что было показано выше.

В-третьих, в криминальной среде начала фиксироваться дифференциация по этническому признаку. Само по себе, по нашему представлению, это также является весьма симптоматично: криминалитет уже в середине 1980-х гг. сделал ставку на раздельное существование этносов, на государственный сепаратизм, на поддержку тех региональных политиков, которые открыто или менее явно показывали стремление дистанцироваться от федеральных властных структур — и союзных, и (в случае России) республиканских. Именно в эту пору появились преступные группировки, объединенные по сугубо этническому признаку (грузинские — «пиковая масть», туркменские и т.п.) [2, с. 173–174]. Организованная преступность быстро осознала важность общения с руководителями «своих» республик, чтобы местные элиты как можно реже оглядывались на действия союзной власти, и без того быстро теряющей влияние как на народ, так и на так называемую номенклатуру — на представителей партийной, государственной и хозяйственной верхушки.

При Горбачеве произошло никем не замеченное событие: секретариат ЦК КПСС разрешил номенклатуре делать покупки до 10 тыс. долларов (!) без объяснения источника валюты. Кажется, мелочь, но это было прямое приглашение к коррупции, поскольку заработную плату партийные, государственные и хозяйственные руководители получали в рублях [14].

В-четвертых, с началом Перестройки в СССР стремительно стали формироваться первые признаки новой, еще более противоречивой и политически криминогенной, эпохи, а параллельно — и новых форм политической преступности. Осуждение массовых репрессий, депортации народов, формирование многопартийности и реабилитация жертв государственного террора сопровождалась их рецидивами в новых формах. Эти годы ознаменованы политическими событиями и протестами в Алма-Ате (1986), Вильнюсе (1987), Баку и Тбилиси (1989), других городах, где союзные и республиканские власти пытались силой подавить сепаратистские, националистические и экстремистские выступления, направленные на национальную обособленность и выход из СССР. В этих событиях политическая криминальность была нередко обоюдной и со стороны центральных властей, и со стороны рвущихся к власти националистических лидеров. По состоянию на март 1991 г. в СССР было зафиксировано 76 разгоревшихся территориально-этнических конфликтов, 80 споров находилось в латентной стадии [15].

Так заканчивалась социалистическая пора в жизни российского общества. Наступала принципиально новая эпоха — эпоха перехода к новому состоянию общества, к постсоциалистическому. С конвенциональной точки зрения постсоциалистические общества воспринимаются и сейчас как пребывающие в «догоняющем» процессе: «...реформы Горбачева, — по словам известного политолога и социолога Ю. Хабермаса, — были направлены на наверстывание упущенного...» [16, S. 85].

Что касается так называемых «лихих девяностых», то эта тема требует особого рассмотрения. Пока можно лишь сказать, что криминальный мир России приобрел к концу Перестройки колоссальный финансовый потенциал, опыт взаимодействия с представителями власти и управления на всех уровнях. Это и позволило криминалитету бросить открытый вызов самой государственности нашей страны.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что масштабное развитие организованная преступность приобрела во время застоя, то есть в период правления Брежнева. Именно этот период во многом определил состояние организованной преступности в России в 1990-е гг. Цинизм и двуличие правящей элиты, полное расхождение слова и дела, попустительская политика советского государства в 1960–1970-е гг. привели к невиданному прежде разгулу организованной преступности. В указанный период масштабной стала коррупция, организованные преступ-

ные группировки впервые получили возможность взаимодействия с целыми секторами органов власти в центре, в регионах, на муниципальном уровне. Началось ускоренное формирование этнических звеньев организованной криминальности.

Что касается последнего этапа советского периода истории российского общества, то именно политика государства в период Перестройки позволила полностью самоопределиться организованной преступности. Крайне неудачное и непродуманное реформирование законодательной базы в Советском Союзе дало организованной преступности возможность легализовать значительную часть своих финансовых средств. Началось сращивание дельцов теневой экономики с государственным аппаратом. Значительного уровня достигла коррупция. Ускорилось разложение государственного аппарата, часть которого открыто содействовало главарям организованных преступных сообществ.

Список литературы

1. Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондратюк Л. В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.
2. Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995.
3. *Постперестройка*: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М., 1990.
4. Буровский А. М. Да здравствует «застой»! «Золотой век» России. URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/150171/> (дата обращения: 25.12.2021).
5. Brown A. Power and Policy in Time of Leadership Transition, 1982–1988 // *Political Leadership in the Soviet Union* / ed. by A. Brown. Basingstoke ; L., 1989. P. 163–217.
6. Костюковский Я. В. Социологический анализ преступных организаций. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Kostukovsky-Sotsiologicheskyy_analiz_prestupnyh_organizatsiy.pdf (дата обращения: 25.12.2021).
7. Черняев А. В «застойные» годы утекали миллиарды. URL: <http://www.kp.ru/daily/25946/2890142/> (дата обращения: 25.12.2021).
8. Gilinskij Y. Crime Prevention in Russia: Theory and Practice // *Security Journal*. 1998. №11. P. 109–114.
9. Романов И. Заметки к истории буржуазии в СССР. URL: <http://kzp.rksmb.org/statuzn/rom01.htm> (дата обращения: 25.12.2021).
10. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. URL: <http://www.twirpx.com/file/880218/> (дата обращения: 12.12.2021).
11. Талоны в СССР. Еда, водка, мыло... // Альтернативная история. URL: <http://alternathistory.org.ua/talony-v-sssr> (дата обращения: 10.12.2021).
12. Начало антиалкогольной кампании в СССР. URL: <http://www.odintsovo.info/white/blog.asp> (дата обращения: 25.12.2021).
13. Anderson A. A Red Mafia: A Legacy of Communism, Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform. Stanford, 1995.
14. Тилле А. Великая криминальная революция в России. Мафия у власти. URL: http://www.lib.ru/POLITOLOG/tille.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 27.12.2021).
15. Лунев В. В. Преступность в межнациональных конфликтах // Социологические исследования. 1995. №4. С. 103–107.
16. Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt a/M, 1990.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

The author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (*примерно 25 источников*) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>.

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>.

Порядок рецензирования рукописей статей

110

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;
- б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;
- в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;
- г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;
- д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;
- е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки
2021

№ 4

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 21.06.2022 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,7
Тираж 1000 экз. (1-й завод 37 экз.). Цена свободная. Заказ 64
Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6